ISSN 2313-2272 (Print)
ISSN 2408-8897 (Online)

2016 №3

ВЕСТНИК
Российского университета дружбы народов

Серия:

СОЦИОЛОГИЯ

2016 Issue 3

Series

SOCIOLOGY

BULLETIN
of Peoples' Friendship University of Russia

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «СОЦИОЛОГИЯ»

Нарбут Н.П. — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН — *главный редактор*

Пузанова Ж.В. — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая социологической лабораторией факультета гуманитарных и социальных наук РУДН — *заместитель главного редактора*

Троцук И.В. — доктор социологических наук, доцент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН — *ответственный секретарь редколлегии*

Члены редколлегии

Бакиров В.С. — доктор социологических наук, профессор, ректор Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Бронзино Л.Ю. — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Гаспаришвили А.Т. — кандидат философских наук, доцент, заведующий лабораторией Центра социологических исследований МГУ им. В.М. Ломоносова

Голенкова З.Т. — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Института социологии РАН

Диас Николас Х. — доктор политологии, профессор социологии в Университете Гранады, Университете Малаги и Мадридском университете Комплутенсе (Испания)

Иванов В.Н. — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, советник РАН

Маркович Д. — доктор философских наук, профессор Белградского университета (Сербия)

Пан Д. — доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г. — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Ротман Д.Г. — доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Сурманидзе Л. — профессор кафедры социологии и социальной работы факультета социальных и политических наук Тбилисского государственного университета им. И. Джавахишвили (Грузия)

Татарова Г.Г. — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН

Херпфер К. — профессор политологии университета Абердина (Великобритания)

Чамбаликова М. — доктор философии, профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Шубрт И. — доктор философии, профессор, заведующий кафедрой исторической социологии факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

EDITORIAL BOARD
OF THE "SOCIOLOGY" SERIES

Narbut N.P., *Editor in Chief*, D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair of PFUR Faculty of Humanities and Social Sciences (Russia)

Puzanova Zh.V., *Deputy Chief Editor*, D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociological Laboratory of PFUR Faculty of Humanities and Social Sciences (Russia)

Trotsuk I.V., *Executive Secretary*, D.Sc. (Sociology), Associate Professor of Sociology Chair of PFUR Faculty of Humanities and Social Sciences (Russia)

Members of the editorial board

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Rector of Kharkiv National University named after V.N. Karazin, academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Bronzino L.Yu., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology Chair of PFUR Faculty of Humanities and Social Sciences (Russia)

Gasparishvili A.T., PhD in Philosophy, Associate Professor, Head of Center for Sociological Studies of Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation of Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Díez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor of Department of Sociology II (Human Ecology and Population) of School of Political Sciences and Sociology of Complutense University of Madrid (Spain)

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor of Russian Academy of Sciences (Russia)

Marković D., D.Sc (Philosophy), Professor of Belgrade State University (Serbia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoiskiy D.G., PhD in Philosophy, Associate Professor of Sociology Chair of PFUR Faculty of Humanities and Social Sciences (Russia)

Rotman D.G., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Center for Sociological and Political Research of Belorussian State University (Belorussia)

Surmanidze L., Professor of Sociology and Social Work Division of Faculty of Social and Political Sciences of Tbilisi State University named after I. Javakhishvili (Georgia)

Tatarova G.G., D.Sc (Sociology), Professor, Senior Researcher of Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Haerpfer C., PhD in Political Sciences, Professor of Political Science of Aberdeen University (United Kingdom)

Čambáliková M., PhD in Sociology, Professor, Researcher at Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences, Head of Sociology and Social Psychology Chair of Higher School Danubius (Slovakia)

Šubrt J., PhD in Sociology, Professor, Head of Historical Sociology Chair of Faculty of Humanities of Charles University (Czech Republic)

ВЕСТНИК
Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия
СОЦИОЛОГИЯ

Август 2016, том 16, № 3

Серия издается с 2001 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Подвойский Д.Г. Генезис «нормативных порядков» общества и оппозиция «субъект — структура»: от человека к институтам и обратно 465

Гребнева В.Е. «Ситуация» в исследовании морально-правового сознания: от теории к конструированию методического инструментария 483

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Куропятник А.И. Идентичность и культура в контекстах иммиграции 496

Киселев А.Г., Киричек П.Н. Реальные и номинальные коллизии в арсенале государственного управления 510

Mudrov S.A. Churches, Returns Directive, and the immigration issues in the European Union 519

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

Оносов А.А., Гаспаришвили А.Т. Этнизация массового сознания русских в московском регионе: экспертная оценка процесса 530

Троцук И.В., Парамонова А.Д. «Статус» института семьи в современном обществе и семейно-брачные ценности молодежи 542

Рязанцев И.П., Подлесная М.А., Петрова А.А., Козлов И.И., Пахарь А.М. Ценностные ориентации студенческой молодежи в вузах светской и религиозной направленности 559

Слизовский Д.Е. Социальные и электоральные предпочтения и ориентации молодежи 18—20 лет 576

Абрамов Р.Н. Профессиональные коммуникации российских инженерно-технических специалистов: эмпирический анализ 586

Туракаев М.С. Агентность и воспроизводство социальных структур: на примере вахтового труда в Республике Башкортостан 599

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Рубан Л.С. Информационно-аналитическое обеспечение деятельности государственных органов (на примере экспертных опросов стран АТР) 611

Неверов А.В., Дудник А.С. Концептуальные и методические аспекты оценки готовности организации к внедрению инноваций 623

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

Липасова А.Н. Эволюция социологических объяснений отцовства: от Г. Спенсера до Р. Коннела 637

Захарьян Д.А. Социальное государство: основные этапы развития и современное состояние 649

РЕЦЕНЗИИ

Маленькая книга о большой проблеме, или макровзгляд на то, что мы едим: Рецензия на книгу: *Шагайда Н.И., Узун В.Я.* Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 110 с. 659

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Пузанова Ж.В., Симонова М.А. «Духовно-нравственная культура в высшей школе»: ожидания и опасения (по итогам Рождественских образовательных чтений в РУДН) 669

НАШИ АВТОРЫ 679

© Российский университет дружбы народов, 2016

BULLETIN
of Peoples' Friendship University of Russia

SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in 1993

Series
SOCIOLOGY

August 2016, Vol. 16, N 3

Series founded in 2001

Peoples' Friendship University of Russia

CONTENTS

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Podvoyskiy D.G. Normative social morphogenesis and the opposition "agency—structure": From individual to institutions, and back 465

Grebneva V.E. "Situation" in the study of moral and legal consciousness: From theory to techniques 483

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Kuropjatnik A.I. Identity and culture in the contexts of immigration 496

Kiselev A.G., Kirichek P.N. Real and nominal collisions in the arsenal of public administration 510

Мудров С.А. Церкви, Директива о возвращении и иммиграционные вопросы в Европейском Союзе 519

SURVEYS, EXPERIMENTS, CASE STUDIES

Onosov A.A., Gasparishvili A.T. Ethnization of the collective consciousness of Russians in the Moscow region: An expert assessment of the process 530

Trotsuk I.V., Paramonova A.D. "Status" of family institution in the contemporary society, and family and marriage values of the youth 542

Ryazantsev I.P., Podlesnaya M.A., Petrov A.A., Kozlov I.I., Pakhar A.M. Value orientations of the student youth in religious and secular universities 559

Slizovskiy D.E. Social and electoral preferences and orientations of the youth aged 18—20 576

Abramov R.N. Professional communications of Russian technical and engineering specialists: empirical analysis 586

Turakayev M.S. Agency and the reproduction of social structures: On the example of the rotation system of work in Bashkortostan 599

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Ruban L.S. Informational and analytical support of the state bodies activities (on the example of expert surveys in APR countries) 611

Neverov A.V., Dudnik A.S. Conceptual and methodological aspects of the assessment of the organization's readiness to innovations 623

SOCIOLOGICAL LECTURES

Lipasova A.N. Evolution of sociological explanations of fatherhood: From H. Spencer to R. Connell 637

Zakharyan D.A. Welfare state: Milestones of development and the current status 649

REVIEWS

A small book about a big problem, or a macrolook at what we eat. Book review: *Shagajda N.I., Uzun V.Ja.* Prodovol'stvennaja bezopasnost' v Rossii: monitoring, tendentsii i ugrozy [Food Security in Russia: Monitoring, Trends, and Threats]. M.: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2015. 110 s. 659

SCIENTIFIC LIFE

Puzanova Zh.V., Simonova M.A. "Spiritual and Moral Culture in the Higher Education" Expectations and fears (the results of 'Christmas Educational Readings' in PFUR) 669

AUTHORS 679

© Peoples' Friendship University of Russia, 2016

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

ГЕНЕЗИС «НОРМАТИВНЫХ ПОРЯДКОВ» ОБЩЕСТВА И ОППОЗИЦИЯ «СУБЪЕКТ — СТРУКТУРА»: ОТ ЧЕЛОВЕКА К ИНСТИТУТАМ И ОБРАТНО*

Д.Г. Подвойский**

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

Социологическая теория на любом этапе своего развития нуждается в перманентной рефлексии и осмыслении собственных концептуальных оснований, включая и понятийную аксиоматику, в разряд которой может быть помещена как антиномия «субъекта (действия, агентности) — структуры», так и понятия порядка, норм и правил, образцов, ценностей, институтов, социального контроля, власти и принуждения, конформизма, девиации и т.д. Концептуальные описания оппозиции «субъект — структура», проблемы социального порядка и механизмов нормативно-институционального «морфогенеза» традиционно, вплоть до сегодняшнего дня, выступают смыслообразующими и «парадигматически» значимыми для социологической теории, а их критический анализ и сравнение способствуют уточнению общеметодологических оснований социологического знания в целом и выявлению фундаментальных линий размежевания между конкретными школами и направлениями социологической мысли. В статье предпринята попытка предварительной реконструкции и ревизии основного поля аргументов, используемых в социологической теории для объяснения происхождения нормативных порядков общества из внутренней логики процессов социального взаимодействия, разворачивающихся на разных уровнях, в т.ч. на уровне повседневной жизни. В соответствии с авторской целевой установкой статья призвана способствовать формированию более отчетливого и рельефного видения круга проблем, связанных с агентно-структурным дуализмом общественных отношений и нормативным, «правилосообразным» характером последних.

Ключевые слова: социальные нормы; социальный контроль; «нормативный» порядок общества; «нормативный морфогенез»; привычки; обычаи; социальные институты; следование правилу; оппозиция «субъекта — структуры»

---

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту 16-03-00697 «Нормативное измерение социального действия и моральные основания социального порядка: от классических интерпретаций к современной социологии морали», выполняемому в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Институт социологии Российской академии наук» (2016—2017 гг.).

** © Д.Г. Подвойский, 2016.

Сам виноват — и слезы лью,
И охаю —
Попал в чужую колею
Глубокую.
Я цели намечал свои
На выбор сам,
А вот теперь из колеи
Не выбраться.
Крутые скользкие края
Имеет эта колея.
Я кляну проложивших ее, —
Скоро лопнет терпенье мое,
И склоняю как школьник плохой,
Колею, в колее, колеей...

В. Высоцкий

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблема нормативной регуляции социального поведения и деятельности является одной из ключевых для социологической теории. Она напрямую связана с фундаментальной темой «социального порядка», которую социологическая наука пыталась концептуализировать тем или иным образом на протяжении всей истории своего развития. Ответ на вопрос «как возможно общество?», отнюдь не считавшийся в социологии риторическим, обычно предполагал принятие определенного набора теоретических положений, адресующих к понятию «нормы» или ее эквивалентов.

Социологическая теория как форма знания «второго порядка», стремящаяся описывать знания «первого порядка», разделяемые акторами в их повседневной жизни, пытается среди прочего эксплицировать набор подразумеваемых, остающихся в большинстве случаев на латентном уровне предпосылок, принятие которых индивидами цементирует организованный социальный мир, делая его пригодным для «обитания» и «практического преобразования».

Иными словами, речь идет о стремлении обнаружить набор условий (возможно, «априорных»), благодаря которым обеспечивается субъективная осмысленность социального опыта. Последняя предполагает достижение определенного, минимально приемлемого уровня понимания поступков и мотивов партнеров по интеракции и ведет на поведенческом уровне к достижению относительной согласованности потоков социального взаимодействия.

Говоря о нормированности социальных действий, социолог предполагает существование и практическое функционирование комплекса «правил» (явных и неявных, более или менее осознаваемых акторами, формальных и неформальных, поведенческих, ментальных, языковых, моральных, правовых, обычая, этикета... etc...), которые конституируют социальный порядок через «игру по правилам», их выбор, критическое или некритическое принятие, интернализацию, отвержение или нарушение, предпочтение альтернативных наборов правил и т.д. Откуда бе-

рутся указанные правила и каково их значение как средства организации социальной жизни? — на эти вопросы теоретическая социология всегда стремилась дать определенный ответ.

В различных теоретических традициях социологии используется различный терминологический арсенал для описания нормативных порядков общественной жизни. В функционалистской теории действия принято взаимоувязывать понятие нормы с разделяемыми индивидами ценностями и культурными образцами-паттернами (на смысло-содержательном, аксиологическом уровне), а на уровне поведенческом — с ролевыми ожиданиями, санкциями и социальным контролем.

Прямое отношение к теме порядка имеет и озвученный Т. Парсонсом принцип «двойной контингентости» (точнее — неконтингентности), согласно которому количество альтернатив развития событий в ситуации взаимодействия двух индивидов (A и B, Ego и Alter) сводится к минимуму, благодаря чему поведенческие реакции другого/других оказываются предсказуемыми, а взаимодействие в целом приобретает согласованный характер. Направляемые на партнеров по интеракции ролевые ожидания, реализуемые в большинстве случаев в их конформных актах, сшивают ткань социальной материи на микроуровне, делая возможным выстраивание и воспроизводство системы социальных институтов как относительно устойчивых и координированных «ансамблей социальных практик».

В феноменологической социологии принято говорить об идеализациях, структурирующих и организующих повседневный социальный опыт, в т.ч. о важнейших идеализациях «взаимности перспектив», скрепляющих социальный универсум и удерживающих его от распада. Вписанность мышления и поведения в структуры нормативных порядков общества обеспечивается благодаря практическому применению индивидами типизаций обыденного сознания.

Типизации выступают своего рода средством архивирования опыта человека, «разделяемого с другими», инструментом «экономии мышления», способом субъективной ориентации в окружающей действительности и адаптации к ней. Если компоненты опыта опознаны актором в их типичности, то тем самым они уже неизбежно «нормированы». Такой подход развиваемый, в частности А. Шютцем, восходит к более ранним версиям социологической и философской теории действия, представленной в американском прагматизме и символическом интеракционизме.

Во второй половине XX в. теоретические описания бинарной оппозиции субъекта (действия, агентности) — структуры (институтов) так или иначе фокусировались на проблемах генезиса и механизмов социального нормирования, проявляющегося и реифицируемого в объективированных формах общественных отношений. Принципиально сопоставимыми здесь оказываются концепции «социального конструирования реальности» П. Бергера и Т. Лукмана, жизненного мира и системы Ю. Хабермаса, генетический структурализм (теория габитуса/поля) П. Бурдье, теория структурации Э. Гидденса, концепции морфогенеза М. Арчер, Р. Бхаскара и т.д. Все они пытаются представить по возможности убедительные и логически непротиворечивые трактовки возникновения организованных форм общественной жизни, кристаллизующихся в институтах и подлежащих норматив-

ной регуляции, из «квази-стихийно» складывающихся конфигураций социального взаимодействия. «Волюнтаризм» и «креативность» действия всегда развертываются в структурно определенных, «объективно наличных» и в этом смысле «предзаданных» и навязанных индивидам контекстах, условиях и обстоятельствах, воспроизводимых или преобразуемых человеческой активностью. Нормы, с одной стороны, ограничивают, а с другой, — дают возможности и обеспечивают координацию взаимодействий. Поэтому совмещение в рамках одной объяснительной модели принципов реализма (холизма, эссенциализма) и номинализма (методологического индивидуализма, конструктивизма) в истории социологической науки вплоть до настоящего времени оставалось нетривиальной теоретической задачей.

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ: БАЗОВЫЕ ДЕФИНИЦИОННЫЕ ОПИСАНИЯ

Озвученная в свое время Т. Парсонсом «гоббсова» проблема порядка прямо соотносится с хрестоматийным для социологии понятием социальной нормы. Здесь небессмысленным представляется обращение к азам социологической науки. Что «усредненный» социолог, — более или менее независимо от собственной теоретико-методологической ориентации, — имеет в виду, когда говорит о социальных нормах?

Следует заметить наперед, что концепт социальной нормы является частью целого пучка взаимосвязанных понятий, которыми оперирует «школьная» социология. Говорящий о нормах как структурной составляющей социального порядка должен говорить также об институтах, контроле, ролях, ожиданиях, санкциях, ценностях, образцах, легитимности, конформности, девиациях и т.д.

Под социальными нормами обычно понимается широкая совокупность формальных и неформальных «правил», средств регуляции и регламентации социального поведения людей.

Существование системы социальных норм обычно рассматривается как необходимая предпосылка упорядоченной социальной жизни, ее организованных форм, обеспечивающая определенный уровень единообразия и предсказуемости человеческих поступков, совершаемых в типовых социальных ситуациях. «Нормированные» социальные практики приобретают неизбежно более или менее стандартизированный и рутинный характер, что является условием потенциальной прогнозируемости действий [«других»] и специфического «доверия» как основы устойчивых и воспроизводимых во времени социальных отношений. Доверие это подкрепляется обоюдной установкой вступающих во взаимодействие встретить «ожидаемую» (социально приемлемую и одобряемую) реакцию со стороны «другого» на тот или иной типовой поступок. Социальные нормы задают шаблоны и алгоритмы «рекомендуемых» поведенческих актов, модальные определения того, «что и как надлежит делать», соотносясь в субъективном плане с распространенными в обществе системами ценностей, ценностных образцов и ценностных ориентаций, которые в свою очередь наделяют нормы легитимностью, — вследствие чего большинство людей в рамках конкретной культуры верит в их рацио-

нальную обоснованность, моральную оправданность, священный характер и т.д. Нормы выполняют функцию социальной интеграции, поддерживая социальный порядок, социальную солидарность, стабильность институциональной структуры общества. Известно, что в ряде классических социологических концепций, например, у Дюркгейма, Парсонса, социальный порядок рассматривается прежде всего как «нормативный» порядок, как продукт ценностно-нормативного консенсуса.

Соблюдение норм обеспечивается благодаря действию механизмов социального контроля, через систему санкций, способствующих распространению конформного и пресечению отклоняющегося поведения.

Социологическая теория исходит из постулата, согласно которому всякая социальная система (будь то общество в целом, институт или группа) для воспроизводства собственных структур нуждается в известном уровне согласия между образующими ее единицами относительно базовых ценностей и правил социального взаимодействия. Социальные системы любого уровня стремятся к поддержанию нормативного порядка, предполагающего в качестве неотъемлемого условия наличие регламентации и регуляции (как внешней, так и внутренней) человеческого поведения. В этом смысле контроль представляет собой функционально необходимую характеристику устойчивых, организованных форм общественной жизни. Механизм контроля как средства нормативной регуляции является универсальным: нарушение социальной нормы (несоответствие поведенческих практик субъекта действия ролевым ожиданиям его окружения) провоцирует санкции, направленные на восстановление нормативного порядка и предотвращение рецидивов девиации. «Поощрение» и «наказание» как типовые реакции общества на те или иные человеческие действия выступают в качестве значимого средства процесса «социального научения».

Общество «навязывает» акторам доминирующие ценностные ориентации, образцы и нормы, которые усваиваются ими в процессе социализации (интернализации) и воспринимаются в большинстве случаев как «само собой разумеющиеся». Но общественное принуждение становится явным (и ощутимым) лишь в тех случаях, когда индивиды совершают поступки, отличные от принятых и допустимых в определенной социальной ситуации. Многие нормы воспроизводятся в поведении людей, будучи глубоко психологически усвоенными, что проявляется в формировании особого рода внутренних побуждений (мотиваций) личности, в выработке склонности поступать в определенных ситуациях определенным образом. В результате успешного протекания этих процессов обеспечивается социально-культурная преемственность и трансляция социальных норм во времени.

На уровне реальных взаимодействий нормы конкретизируются в комплексах ролевых ожиданий, зависящих от специфических свойств социальных институтов, социального статуса участников, распределения власти и ресурсов, ролевых ситуационных контекстов и т.д. При этом лишь незначительная часть социальных норм фиксируется в тех или иных письменных источниках, в т.ч. юридических документах или иных «кодексах» (религиозных, этических и др.). Большинство норм сохраняют значимость и действенность, несмотря на то что являются неформализованными. Эффективность влияния коллективных представлений на инди-

видуальное сознание и поведение достигается не только под давлением правовых и дисциплинарных институтов, выступающих от имени государства, но и под воздействием общественного мнения, господствующих «нравов», групповой или «общечеловеческой» морали и т.п. При этом степень обязывающей силы и строгости регламентации действий для различных типов норм может существенно варьироваться.

Многообразие разновидностей социальных норм весьма значительно и обнаруживается среди прочего в традициях, обычаях, обрядах, ритуалах и церемониях, табу («сакрализованных запретах»), «законах гостеприимства», таких феноменах, как мода, этикет, «правила обхождения» (прежде всего речевого и телесных движений), «вежливости» и «хорошего тона», «такт», «нормы приличия», манеры и т.д. Многие нормы, подлежащие рутинизации, функционируют в пространстве повседневности на латентном уровне, т.е. не осознаются в качестве таковых участниками социальных взаимодействий, выступая в форме привычек и поведенческих стереотипов.

Конкретные «правила» и «предписания» социальных норм дифференцированы и вариативны. Они диктуются особенностями социальной ситуации, микро- и макросоциального окружения, социально обусловленным контекстом и «рамками» взаимодействия. Нередко встречаются случаи содержательного рассогласования или даже противоречия между нормативными требованиями, исходящими от разных социальных субъектов, групп, общностей, институтов, в т.ч. противоречия между формальными и неформальными, «писаными» и «неписаными», «правовыми» и «нравственными», религиозными и светскими нормами, обязательствами публичной, профессиональной и частной жизни.

В самом широком смысле нормированность как конститутивная характеристика социальной жизни предполагает действие правил, которые не обязательно предстают в обличии императивов, модальностей, в явном «формате долженствования», — будь то гетерономного (перед «внешними» инстанциями типа «других людей», «трансцендентного бога» и т.п.), или автономного («чувство долга», «голос совести» и т.п.).

Люди часто ведут себя так-то и так-то, не потому что они *должны* так поступать, а просто потому, что они *так* поступают (но это «так» де-факто оказывается соответствующим неким «правилам», которые, ускользая от самого актора, тем не менее, управляют его поведением и сопутствующими ментальными, когнитивными, перцептивными, эмоциональными процессами, и которые исследователь может при желании эксплицировать).

Когда социолог говорит, что «здесь действует правило», он может иметь в виду просто, что те или иные теоретически и/или эмпирически фиксируемые элементы поведения и мышления акторов *как-то и чем-то* регулируются, т.е. не являются случайными, произвольными, «хаотическими» (правилосообразность как атрибут организации внутреннего и внешнего опыта).

Правила не только принуждают и воспринимаются как «принуждающие» индивидами, но и упорядочивают, координируют и регулируют. В этом, в сущно-

сти, — если рассуждать «в телеологических терминах» — и заключается их основное функциональное предназначение. О правилосообразности собственных действий, — в т.ч. отличающихся низким уровнем рефлексивного контроля и субъективной «управляемости», импульсивных и сильно эмоционально окрашенных, — актор может не догадываться, но он фактически реализует таковую в своих поступках. Определенный набор норм и правил, действующих «изнутри», по преимуществу латентных, становится неотъемлемой частью когнитивно-мироориентационного аппарата личности, и не воспринимается ею как нечто, имеющее хотя бы отчасти «внешнее», в т.ч. социальное, происхождение. В данном случае термин «габитус», приспособленный к социологическим нуждам Пьером Бурдье, представляется весьма показательным и адекватным: нельзя лишить человека габитуса, не лишив его при этом собственного «строя», «стержня», «облика», т.е. того, что делает его самим собой. Следовательно, человек есть «по определению» существо не просто механически нормированное, но и активно и перманентно нормирующее, — прежде всего самого себя, а через себя также компоненты собственного жизненного опыта, образ внешнего мира и т.д.

ГЕНЕЗИС СОЦИАЛЬНО-НОРМАТИВНЫХ ФЕНОМЕНОВ: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВАРИАЦИИ

Все это, так сказать, азбучные истины, которые мы имеем «на выходе», т.е. по прошествии, как минимум, полутора столетий напряженного интеллектуального развития социологии как теоретический дисциплины. Но размышления о нормативном характере общественной жизни в истории социологической мысли имели своим источником те или иные представления, часто более или менее спекулятивные, о происхождении социальных норм и их укорененности и выводимости из... «природы» человека; [универсальных?] характеристик его когнитивной и/или психической организации; используемых им биологических моделей адаптации; механизмов социального действия; и т.д. Проще говоря, здесь встает законный вопрос: откуда берутся социальные нормы?

Один из возможных ответов, предельно упрощенно сформулированный, гласит: нормы возникают из опривыченного поведения (нормы как продукт «хабитуализации» практик).

Привычка, становящаяся со временем нормой мышления и поступков, представляет собой склонность воспроизводить тот или иной образец, выработанный самостоятельно или заимствованный. В духе постулатов обмена Дж. Хоманса можно утверждать: если (взаимо)действие имело успех в прошлом, оно скорее всего будет повторяться, тиражироваться (если потребность, вызывающая то или иное поведение, еще актуальна, и переживается как «насущная») (1).

Разумеется, де-факто далеко не всякая привычка и не всякая норма являются исключительно и однозначно функциональными с точки зрения нужд акторов, совершающих конкретные опривыченные и нормосообразные поступки, и в этом смысле они не обязательно ведут субъекта действия к субъективно истолковываемому или объективному успеху. Однако предположить некую связь между *за-*

рождающейся привычкой как алгоритмом для будущих поступков и наблюдаемым успехом действия (именно на стадии возникновения привычки) было бы резонно.

Редукция генезиса нормы к привычке как механизму фиксации адаптационно приемлемых, «результативных» форм поведения встречается во многих концептуальных системах, описывающих логику взаимоотношений между субъектом практического сознания и миром, в т.ч. миром социальным. Такой подход особенно характерен для традиции англо-американской мысли, точнее, — линии, идущей от британского эмпиризма и сенсуализма, практической философии Просвещения через утилитаризм и англосаксонские (неконтинентальные) интерпретации дарвинизма к бихевиоризму, прагматизму, инструментализму и т.д.

Одним из начальных звеньев этой цепи идейных влияний выступает гносеология Д. Юма, в частности его знаменитая теория причинности. Наша наивная убежденность в том, что солнце завтра взойдет, а знакомая комната, покинутая на время, встретит нас той же обстановкой, и вообще останется *той же самой* комнатой, с точки зрения Юма, теоретически безосновательна. Практическое сознание, плавающее в океане опыта, держится за устойчивые пучки впечатлений, ассоциированные во времени и пространстве, принимая их за действительные законы природы (имеющие вид каузальных законов последовательности и смежности явлений). И только привычка, связанная с особого рода верой [belief] в порядок происходящих событий, позволяет нам держаться на воде, не тонуть и даже грести в определенном направлении, — т.е. жить, не теряя надежды, что «завтра» в своих существенных чертах будет похоже на «сегодня» и «вчера».

С теоретической точки зрения житейская индукция, включающая суждения и умозаключения, базирующиеся на прошлом опыте, весьма ненадежна. Однако с практической точки зрения сомнения в поставляемых ею данных неконструктивны. Поэтому поскольку и покуда привычка прочна, она позволяет хоть как-то ориентироваться в мире окружающих нас фактов.

Но привычка есть не просто свойство индивидуального сознания, помогающее выстроить здание, пригодное для жилья, над бездной непредсказуемости и хаоса. Она функционирует в обществе. Показательна в данном отношении трактовка проблемы, предложенная Уильямом Самнером, — одним из «пионеров» американской социологии. Происхождение нормативных порядков общества реконструируется в его концепции «народных обычаев» [11].

«Главной задачей в жизни было жить», — констатирует Самнер. — «Человек начинается с действий, а не с мыслей» [6. С. 10]. Звучит, правда, очень по-фаустовски и по-американски одновременно, но нельзя не согласиться, коль скоро речь идет о «детстве» человеческого рода. Просто жить значит — удовлетворять насущные потребности, более или менее наудачу, без особого участия строго рационального, абстрактного мышления, на уровне практических нужд и соответствующих им поступков, «методом проб и ошибок».

Насущные цели людей понимаются Самнером прежде всего как естественные задачи приспособления к условиям, которые ставит практическая жизнь, а не как

цели в рационалистическом смысле, точно осознаваемые. «Потребность была движущей силой. Удовольствие, с одной стороны, и боль — с другой, были теми грубыми рамками, которые определяли русло, в котором эти попытки должны развиваться... Таким образом, были выбраны наиболее целесообразные способы действия. Они соответствовали цели лучше, чем другие способы, или требовали меньших усилий и боли. В русле, в котором должны были осуществляться попытки, развивались привычка, шаблон и умение. Борьба за поддержание существования продолжалась не индивидуально, а группами. Каждый пользовался опытом другого; следовательно, была согласованность по отношению к тому, что показало себя наиболее целесообразным. В конце концов все следовали одному способу для достижения одной и той же цели; следовательно, способы превратились в обычаи и стали массовыми явлениями... Так появились народные обычаи. Молодежь воспринимала их по традиции, путем подражания и подчинения... С течением времени народные обычаи становятся более и более деспотичными, принудительными и императивными. Если первобытных людей спросить, почему в определенной ситуации они поступают именно так, а не иначе, ответом будет то, что и они сами, и их предки всегда поступали так» [6. С. 11—12].

Итак, по Самнеру, социальные нормы в историко-генетической перспективе представляют собой результат закрепления определенных способов человеческого поведения. В привычке такое закрепление совершается на индивидуальном уровне, а в обычае — на групповом. Когда коллективно разделяемые обычаи передаются из поколения в поколение, они образуют основы для традиции. Когда обычаи получают ту или иную культурную легитимацию, ценностно-идеологическое обоснование и оправдание, они превращаются в нравы. Законы суть разновидность обычаев, на страже которых стоит политически организованное сообщество (государство), вырабатывающее системы формальных санкций для нарушителей (2). Если обычай производит специальный аппарат для поддержания самого себя, он становится институтом.

Но в большинстве случаев индивиды сталкиваются с уже существующими наборами правил и образцов, поскольку не являются «первыми людьми» на белом свете. Им приходится включаться в работу наличествующих нормативных порядков, имеющих социально-историческое происхождение. Эти порядки возникли «не вчера» и подкреплены силой коллектива, оставляющего порой минимальные шансы для проявления индивидуальной новации и инициативы, — вернее, таких форм индивидуальной активности, которые не предусмотрены структурой сложившихся социальных отношений.

По пути, намеченному Самнером, следует Джон Дьюи: «Обычаи, или широко распространенные единообразия привычек, — пишет он, — существуют в значительной степени потому, что индивиды сталкиваются с одной и той же ситуацией и схожим образом на нее реагируют. Но в еще большей степени обычаи сохраняются потому, что индивиды формируют личные привычки в условиях, установленных предшествующими обычаями... Деятельности группы уже имеются в наличии, и некоторая ассимиляция актов индивида к их паттерну служит пред-

посылкой его участия в них... Каждый человек рождается младенцем, и каждый младенец с первого вдоха и первого крика попадает в зависимость от внимания и требований других. Эти другие — не просто люди вообще, наделенные разумом вообще. Это существа со своими привычками, в целом дорожащие своими привычками, и если не почему-то еще, то хотя бы поэтому их воображение ограничено. Привычке присуще быть утвердительной, напористой, самосохраняющейся... Мало кому из людей хватает энергии и богатства, чтобы строить для своих путешествий частные дороги. Им удобно, «естественно» пользоваться уже проложенными дорогами; а если их частные дороги не соединяются в какой-то точке с шоссе, то они при всем желании не смогут их построить» [3. С. 84—85].

Продолжая подобные «дорожно-транспортные» аналогии, можно констатировать травмирующую нонконформистское сознание неизбывность «зависимости от колеи» («path dependence»), провозглашенной неоинституционалистами, а ранее, по существу, Дюркгеймом в концепции социального факта, и, наконец, проницательно и тонко выраженной в поэтической форме Владимиром Высоцким («Чужая колея»).

В связи с оценкой перспектив человеческой «свободы», сталкивающейся с «принуждающими» и «ограничивающими» рамками социального факта, можно рассуждать, например, о «разветвленности дорожной сети», «глубине» и «вязкости» колеи, ее потенциальной изменчивости под воздействием чьих-то целенаправленных или непреднамеренных усилий, ее субъективно-психологической и материальной «комфортности» для участников движения [«условия, в общем, в колее нормальные...» (3)], возможности выбора индивидом «собственного» пути из множества предлагаемых исходя из его желаний, способностей, устремлений и т.п. Однако, как мы видим, даже весьма либерально настроенный Дьюи вынужден признать: движение по целине затруднительно, если не невозможно. А Александр Сергеевич, «наше поэтическое все», риторически вопрошает: «К чему бесплодно спорить с веком? Обычай — деспот меж людей».

Как бы то ни было, очевидно, что люди нуждаются в нормах, правилах и институтах, не могут обойтись без них, т.к. именно нормы и институты организуют жизнь, делая ее осмысленной, направляя в предсказуемое (для самих людей) русло.

Представитель совсем другой идейной линии Арнольд Гелен [9] (кстати, вполне в дюркгеймовском стиле) — как последовательный апологет социального в человеке и противник анархического бунта индивида против общества и культуры — настаивает на том, «что для стабильности человеческой психики, для самосохранения человека вообще ему необходимы социальные институты» (поскольку они компенсируют его биофизиологическую «недостаточность») [5. С. 426].

«Пластичность влечений, изменчивость действий, множественность аспектов вещей угрожают ему [человеку] хаосом. Чтобы частные аспекты мира соединялись в устойчивую систему восприятий и понятий, чтобы агрессивные импульсы не вели к истреблению себе подобных, человеку требуются регуляторы и нормы... Вся культура строится на системе стереотипных и стабильных привычек... Привычки обладают огромной силой сопротивления потоку времени. Привычное действие

совершается не задумываясь, автоматически — привычки тем самым замещают у человека инстинкты. Привычка освобождает от импровизированного образования мотивов и ведет к разгрузке психики от избыточного возбуждения. Это способствует стабильности предметов внешнего мира, но одновременно и собственные мотивы обретают стабильность... Институты возникают уже на основе привычек как сложные их соединения. В любой культуре мы сталкиваемся с ритуалами, которые составляют ансамбль привычных действий... Вся кооперация людей в обществе зависит от прочности передаваемых формализованных привычек. Культура способна существовать века и тысячелетия благодаря тому, что содержание вливается в прочные формы... Они [люди] следуют привычным правилам, и если они перестанут это делать, то общество развалится...» [5. С. 428—429].

Как видно, понятия нормы и института в классической социологической традиции сливаются в одно целое: и то, и другое явно указывает на формы и способы регуляции (регламентации) человеческих действий [4; 8]. Институты выступают как более или менее сложные, более или менее согласованные наборы, композиции норм и правил. А нормы и правила представляют собой структурную «начинку» или «оснастку» институтов, состоящую из явных и латентных императивов и образцов мышления и поведения, вменяемых акторам их социальной средой, и в большей или меньшей степени разделяемых ими и реализуемых в действии. Разговор о привычках и обычаях прямо приводит к понятию института, что хорошо прочитывается в дефиниции, сформулированной У. Гамильтоном (одним из представителей «старого институционализма») еще в первой трети XX в.: «Институты — это словесный символ для лучшего обозначения группы общественных обычаев. Они означают преобладающий и постоянный образ мысли, который стал привычным для группы или превратился для народа в обычай... Институты устанавливают границы и формы человеческой деятельности. Мир обычаев и привычек, к которому мы приспосабливаем нашу жизнь, представляет собой сплетение и неразрывную ткань институтов» [10. P. 84].

ГДЕ ОБИТАЮТ НОРМЫ?

В определениях норм или институтов бросается в глаза специфическая *двойственность*, провоцирующая социолога на непростые рассуждения. Размышляющие о феноменах социального нормирования теоретики обычно говорят об образах или способах мысли и образах или способах действия. Что, собственно, подлежит нормированию? — То, *что (и как)* люди думают, понимают, чувствуют, переживают, во что верят и т.п., т.е. *представления*? Или *что (и как)* они делают, т.е. *поведение*? По-видимому, — и то, и другое. Можно, наверное, нормировать поведение, совершенно не нормируя мышление, — чисто внешним образом, при помощи одной лишь грубой силы. Но построенный *только* на таком основании нормативный порядок не был бы достаточно надежен. В абсолютном большинстве случаев социальное поведение нормировано именно потому, что нормированы представления, — *и не только потому*, что их кто-то (какой-то конкретный

или абстрактный, индивидуальный или коллективно-институциональный субъект) пронормировал «извне», *но и потому*, что их «нормированность» является следствием внутренней организации когнитивных аппаратов мироориентации, присущих человеку как живому существу особого рода. Тем более, при определенных ракурсах рассмотрения граница мышления и поведения, — т.е. того, что думают и того, что делают, — и вовсе расплывается. Например, чем являются речевые акты, речевое поведение — формой действия или «манифестацией» сознания (и по сути единственной, по которой мы можем судить о «чужом» сознании)? Очевидно и тем, и другим одновременно.

Формально-структурная, «априорная» (если здесь уместен кантианский жаргон) предрасположенность сознания к нормированности *экстернализуется* в жизненном опыте, имеющем социальную природу, выступая необходимым условием фактической, т.е. «апостериорной», содержательной нормированности сознания, вбирающего в себя, *интернализующего* конкретные социальные влияния, исходящие от институтов, культуры, микро- и макрообщественного окружения и т.п. Таким образом, процессы нормирования имеют *двустороннюю* направленность: *от* устройства сознания, реализующегося и объективируемого в действиях и взаимодействиях разного рода, *к* социальным институтам как кристаллизованным формам множественных и повторяющихся интеракций, и *обратно — от* социально-институциональных структур *к* коллективным представлениям, преломляющимся и отражающимся в индивидуальном сознании акторов. Означенный «дуальный» характер процессов конституирования социальной жизни, — какой бы из членов бинарной оппозиции «субъект — структура» мы ни принимали за точку отсчета, — является общим фокусом, своего рода «краеугольным камнем» в поле теоретико-социологических дискуссий последних пятидесяти лет. С этим согласились бы и П. Бергер с Т. Лукманом, и П. Бурдье и Э. Гидденс, и многие другие.

Где обитают нормы? В «нормосообразных» структурах сознания (повседневного/практического, дискурсивного, рационального, теоретического...) и «нормосообразных» действиях социальных агентов, в культуре, языке, институтах. Нормы живут в головах и находят выражение в поступках-практиках; кристаллизуются в институциональных формах, стремящихся к воспроизводству во времени и передающихся и закрепляющихся в исторической традиции; задаются ситуационными и ролевыми контекстами взаимодействия; консервативны, но способны видоизменяться.

Все уровни и зоны бытования норм (разных типов) корреспондируются друг с другом, сохраняя при этом некоторую автономию и специфичность. Но схемы их взаимосвязей можно обрисовать лишь аналитически, поскольку линии детерминации здесь многосторонние и носят «циклический», «рекурсивный» характер: сознание акторов, их акты и интеракции запускают механизмы социального нормирования, порождая институты, и сами, в свою очередь, подпадают под регулирующее воздействие и влияние последних. Выделить «первый член», исходный пункт в такой цепочке взаимных детерминаций можно лишь искусственно, для удобства описания теоретически реконструируемого процесса.

Палитра различных ответов на вопрос о происхождении нормативных порядков общества не может быть полной без обращения к междисциплинарным перспективам и проекциям темы. Здесь свою лепту могут внести и философия, и психология, и биология, и лингвистика, и семиотика, и логика, и теория коммуникации, и их комбинации, коих немало произвел минувший XX век.

Например, можно утверждать, что человек предрасположен к «правилосообразному» поведению, хотя бы потому, что говорит на языке. А язык, без сомнения, представляет нормативно организованную семантически-семиотическую структуру, совершенно независимо от того, знают ли его носители грамматические правила или просто умеют ими пользоваться.

Говорящий на языке, выражающий свои мысли и чувства в словах, уже в силу одного этого следует определенному набору правил. Причем правила языка суть правила социального происхождения, циркулирующие в сообществе и разделяемые его членами. Чисто приватный язык (4), — если бы он был возможен, — был бы лишен большей части функций языка как символически-коммуникативной системы, направленной на передачу смыслового сообщения «другому» (пускай и с допустимыми погрешностями). Если ты хочешь, чтобы тебя поняли, ты должен называть «*вещи своими именами*», какое бы богатство средств выражения ни предлагал нам конкретный язык; т.е. называть вещи так, как *принято в* данном глобальном или локальном языковом *сообществе*, скажем, вот это лающее четвероногое существо — собакой, hound, dog, Hund, canis, le chien, il cane, el perro, pies, pes, псом, псиной, жучкой, шавкой, полканом, бобиком, шариком, барбосом, моськой, тузиком, терьером, сеттером, овчаркой, болонкой, или Каштанкой, Мухтаром, Джульбарсом, Белкой, Стрелкой... etc..., а не кисой, мурзиком, мурлыкиным, или «JGnBvk196бзк», «000548765700». Даже если последний ряд вариантов и возможен, то только тогда, когда вы *с кем-то* условились, специально договорились или просто привыкли, *вместе* — ты, как и он/она — в силу тех или иных обстоятельств, т.е. опять же *социально* и «по особому *правилу*», называть указанное существо именно так, например, котенка — именем «Гав».

Способность обозначения, «языковой маркировки» объектов связана с другой, не менее важной человеческой особенностью, а именно с психологической способностью к категоризации (хотя и не тождественна ей) [1]. В процессе психического развития индивид вырабатывает тонкие навыки ориентации в мире предметов и событий при помощи типологизирующих функций мышления, т.е. научается распределять объекты по группам, сортировать их, выделять общее и специфическое, сравнивать, объединять и различать. Даже если сама эта способность и подчиняется чисто психологическим механизмам (организации восприятия, памяти, концентрации внимания, распознавания образов, своего рода «гештальтирования» реальности... и т.п.), она фактически приобретается и осваивается индивидом поэтапно, в онтогенезе, и всегда в конкретном социокультурном окружении, которое диктует индивиду приоритетные схемы группирующей типологизации объектов. Таким образом общественная среда создает для индивида особые «отсеки» и «ячейки», в которых осуществляются процедуры социально легитимированной

«каталогизации» мира. В сущности, описываемые свойства сознания являются средством практического когнитивного мониторинга и «картографирования» доступных индивиду зон универсума (и прагматически актуальных для него). Данные процедуры по сути своей сходны с регуляцией, регламентаций и нормированием. Благодаря этому «картина мира» индивида становится (относительно) организованной и упорядоченной, а «нормативно организованное» восприятие выступает условием (вернее — одним из условий) «нормативно организованного» действия.

Нормы социальной типологизации помогают акторам когнитивно и поведенчески адаптироваться к бесконечно многообразным ситуациям столкновения с действительностью. Эти нормы должны иметь какую-то прагматическую ценность: как в сказке про мужика и медведя, конкурировавших за урожай ржи и репы. Сметливый крестьянин в отличие от незадачливого косолапого имел более прагматически адекватную и детализированную классификацию культурных растений и знал, что у корнеплодов типа репы «корешки» вкуснее и полезнее «вершков», а у злаков — наоборот. Медведь этого не знал и погорел на своей примитивной бинарной классификации, индуктивно выведенной из одного единственного эмпирического случая (сладкие корешки были только у репки, а не у всего, что выросло на поле).

Но дело, конечно, не только в прагматике, но и в культурно санкционированном многообразии правил. Когда мы говорим: «котлеты отдельно, мухи отдельно», мы подразумеваем, что перед нами эмпирически *различные* объекты, и поступать с ними нужно *по-разному* — мух отгоняем и убиваем, котлеты едим (если на них не посидели мухи, или едим все равно, или дополнительно их как-то «стерилизуем» [это, так сказать, допустимые в нашей культуре вариации поведенческой реакции]).

Но можно себе представить другую культуру: какое-нибудь племя «энтомофагов», где мух регулярно употребляют в пищу, сырыми или специально приготовленными, а котлеты из мяса млекопитающих, напротив, не едят по каким-то религиозным причинам, даже если и знают о существовании такого кушанья (как блюдо ритуально нечистое, или исходя из убеждения, что животные, из мяса которых делаются котлеты, являются священными, «предками рода», «сакральными сотрапезниками клана», или из-за других табу, наложенных, например, на способ приготовления — нельзя измельчать мясо, нельзя смешивать его с тестом, нельзя жарить на масле, нельзя лепить изделия овальной или круглой формы... и т.п.).

Как видно, подобные «правила» содержательно задаются культурой и обществом, хотя и формально коренятся в способности человека к преобразованию первичного хаоса опыта в космос, населенный типами, видами, экземплярами множеств, по отношению к которым оказываются применимыми и оправданными разные стратегии и рецепты поведения.

Вообще, проблема «следования правилу» является сложнейшей [2], как и, впрочем, задачи теоретического описания разновидностей правил и норм, их мно-

гообразия, интерпретации понятий отклонения от нормы и ее нарушения, вопросы о возможности или невозможности существования принципиально «ненормативного» поведения (5), о степени осознанности, осмысленности и рациональной эксплицируемости норм как необходимом или ненеобходимом условии их практического применения акторами и т.п.

К примеру, скорее всего, оправданным кажется различение правил, определяющих значимый для индивида ценностно-целевой выбор (правил типа *что* следует делать или не делать, к чему стремиться и от чего воздерживаться), и правил процедурных или инструментальных, т.е. правил-средств (типа *как* делать). Вопрос — стоит ли мужчине жениться или не стоит — будет решаться в том числе под давлением, явным или неявным, и с учетом определенных нормативных паттернов, ощущаемых самим субъектом на уровне адресуемых ему ролевых ожиданий. Если этот мужчина монах или соблюдающий нормы целибата католический священник, он связывает себя обетом безбрачия. Если человек планирует в перспективе стать православным «батюшкой», то найти себе заблаговременно спутницу, которая впоследствии станет «матушкой», — очень важная задача, т.к. статус неженатого приходского священника (немонаха) в православной церковной среде является «девиантным». Можно отказаться от одного выбора в пользу другого, но каждая из выбранных «опций» влечет за собой в качестве последствия открытие/активизацию определенного нормативного «меню», предусматривающего неизбежную ограниченность возможностей действия. Другое дело — процедурные нормы. Если Вы все же решили жениться, то Ваша культура сообщает Вам (возможно, не в деталях, и не столь категорично, как в ряде случаев) *как это делается* (как надо ухаживать, свататься, делать предложение, гулять свадьбу, и т.д.).

Очевидно, «нормативные порядки» многих социальных ситуаций, — не только на уровне повседневности в узком смысле и межличностного общения, но и на уровне «больших» и формальных институтов, — предполагают существование значительных диапазонов допустимых, социально приемлемых вариаций действия, которые позволяют реализовываться сугубо индивидуальным личностно-поведенческим наклонностям и предрасположенностям — без прямого риска вызвать негативное санкционирование со стороны «других» и без вынесения однозначно отрицательного «вердикта», т.е. квалификации поступка как «вопиющего нарушения нормы», влекущего за собой неизбежность наказания. Допустим, Вы можете явиться на собственную свадьбу в бежевом, синем или даже «серобуромалиновом» костюме, однотонной или полосатой рубашке, с запонками и бабочкой или без... но, пожалуй, все же не в чалме (если Вы, конечно, не сикх, не индус, не факир и не артист цирка). Вы можете дарить своей избраннице васильки или ромашки, тюльпаны или розы, но, вероятно, не белену и не борщевик (опять же, — если Ваша невеста не потомственная знахарка-травница). Разумеется, большинство подобных компонентов «мягкой» нормативной навигации действия являются в содержательном плане локализованными во внутренних пределах конкретных культурных традиций и привязаны к ним.

* * *

Современный российский исполнитель поп-музыки Митя Фомин в песне с жизнеутверждающим названием «Все будет хорошо!» ставит ребром вечный философский вопрос: «Я долго думал — кто же мы — просто пешки на доске или игроки?» (и тут же, по законам «клипового» жанра, уходит от поисков ответа, перескакивая на «не менее актуальные» темы любви и оптимизма). Парадоксальным образом, но та же проблема, хоть и иначе сформулированная, беспокоит социальную теорию, причем уже много веков. Философы и ученые-обществоведы как люди «вполне серьезные» куда более мотивированы на выработку решения, но однозначного решения, увы, не найдено. Поэтому теоретики продолжают сражаться с «дилеммами», «контроверзами» и «понятийными оппозициями».

Люди на социальном поле являются игроками (agency), а не просто марионетками. До известной степени так. Они также являются «пешками на доске» (или фигурами помощнее), но в любом случае, — участниками игры, правила которой не созданы никем из них лично и не могут быть легко, по одному лишь желанию обжалованы или пересмотрены. Вместе с тем эти правила воспроизводятся в каждом индивидуальном действии и социальном взаимодействии, ими наполнено каждое сознание, не исключая и сознание, отчаянно стремящееся к свободе. Отчасти нормативные структуры видоизменяются, обнаруживая то большую, то меньшую гибкость; иногда они рушатся в один миг, даже когда почти никто не ждал. Однако, свято место пусто не бывает — сразу же зарождаются и выкристаллизовываются какие-то «новые» социальные формы... Но без правил игры не было бы вовсе. Поэтому нормативный порядок общества выглядит как сказочная тюрьма, в запутанных лабиринтах которой «заключенные» ухитряются танцевать вальс, летать и покорять горные вершины.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Постулаты Хоманса, в том числе «успеха» и «стимула», описывают ситуации социального взаимодействия двух (и более) индивидов, но ничто не мешает трактовать их расширительно, в общеинструменталистском смысле, имея в виду то, что по отношению к природным объектам люди ведут себя сходным образом: если какой-то паттерн поведения в ситуациях определенного типа «работает» и «дает неплохие результаты», субъект будет склонен (при прочих равных условиях) применять его в будущем.

(2) Ср. с характеристикой обычая в юриспруденции как одного из источников права («обычное право»).

(3) И далее развертывается образцовый мотив самооправдания конформиста:
«...Никто не стукнет, не притрет —
Не жалуйся.
Желаешь двигаться вперед?
Пожалуйста.
Отказа нет в еде-питье
В уютной этой колее,
И я живо себя убедил —
Не один я в нее угодил.

Так держать! Колесо в колесе!
И доеду туда, куда все».

(4) Сомнение в возможности существования полностью приватного языка — известный теоретический «конек» Людвига Витгенштейна.

(5) Есть основания полагать, что социальным правилам, явным или неявным, сформулированным или нет, подчиняется любой индивид (включая обитателя необитаемого острова, на сознании которого лежит полностью неизгладимый отпечаток его старой культуры, или аскет, удаляющийся от мира в пустынь). В сложных обществах нормы являются чрезвычайно дифференцированными. Бунт против определенных правил совершается во имя других, возможно, новых правил, даже если их конституирование в акте протеста не осознается бунтарем. Так, П. Уинч приводит в пример убежденного анархиста, считающего себя свободным от любых правил, указывая, что и подобная позиция по существу нормирована. Как иронично замечает В.В. Волков, «панк не менее правилосообразен, чем банковский клерк» [2. С. 158]. Т.е. контрправила — суть тоже правила. Но правила бывают *разные*. Наличие многих альтернатив действия в конкретной ситуации и гибких систем социальной регуляции не отменяет существования правил. Еще одна хорошая иллюстрация, приводимая Уинчем: «люди могут иметь индивидуальные литературные стили, но, в рамках каких-то границ, могут писать только грамматически верно или неверно. Но из этого просто ошибочно делать вывод, что литературный стиль не подчинен никаким правилам: он представляет собой нечто, чему можно обучиться, что можно обсуждать...» [7. С. 40].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] *Брунер Дж.* Психология познания. За пределами непосредственной информации. М.: Прогресс, 1977.

[2] *Волков В.В.* «Следование правилу» как социологическая проблема // Социологический журнал. 1998. № 3/4.

[3] *Дьюи Дж.* Обычай и привычка // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века. М.: ИНИОН РАН, 2010.

[4] *Ковалев А.Д.* Проблема онтологического статуса и рабочей модели социальных институтов // Новое и старое в теоретической социологии / Под ред. Ю.Н. Давыдова. Кн. 4. М.: ИС РАН, 2006.

[5] *Руткевич А.М.* Теория институтов А. Гелена // Социологическая теория: История, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2008.

[6] *Самнер У.* Народные обычаи: Исследование социологического значения обычаев, манер, привычек, нравов и этики // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1998. № 12.

[7] *Уинч П.* Идея социальной науки и ее отношение к философии. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.

[8] *Шмерлина И.А.* Понятие «социальный институт»: анализ исследовательских подходов // Социологический журнал. 2008. № 4.

[9] *Gehlen A.* Urmensch und Spätkultur. Philosophische Ergebnisse und Ausagen. Wiesbaden: Aula, 1986.

[10] *Hamilton W.* Institution // Encyclopaedia of the social sciences. N.Y., 1932. Vol. VIII.

[11] *Sumner W.G.* Folkways: A Study of Mores, Manners, Customs and Morals. N.Y.: Cosimo, 2007.

NORMATIVE SOCIAL MORPHOGENESIS AND THE OPPOSITION "AGENCY—STRUCTURE": FROM INDIVIDUAL TO INSTITUTIONS AND BACK

D.G. Podvoyskiy

Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia

Sociological theory at any stage of development requires permanent reflection and comprehension of its own conceptual bases including its terminological axiomatic, which incorporates both the antinomy "subject (action, agency) and structure" and concepts of order, norms and rules, standards, cultural patterns and values, institutions, social control, power and coercion, conformism, deviation, etc. Conceptual descriptions of the opposition "agency—structure", the problems of social order and mechanisms of normative and institutional "morphogenesis" traditionally act as one of the main "paradigmatic" axes for the development of sociological theory, and their critical analysis and comparison clarify the general methodological basis of social knowledge as a whole and highlight the fundamental demarcation lines between different schools and branches of sociological thought. The author attempts to provide a preliminary reconstruction and revision of the general argumentation used in social theory to explain how normative orders emerge from the internal logic of social interaction that takes place at different levels including everyday life. The article aims to assist in producing a clear and prominent vision of the issues of the dualism of agency-structure in social relations and of their normative, "rule-oriented" nature.

Key words: social norms; social control; "normative" social order; "normative morphogenesis"; habits; customs; social institutions; following the rule; opposition "agency-structure"

REFERENCES

[1] *Bruner J.S.* Psihologija poznanija. Za predelami neposredstvennoj informacii [Beyond the Information Given. Studies in the Psychology of Knowing]. M.: Progress, 1977.

[2] *Volkov V.V.* «Sledovanie pravilu» kak sociologicheskaja problema [«Following the rule» as a sociological problem]. Sociologicheskij zhurnal. 1998. No 3/4.

[3] *Dewey J.* Obychaj i privychka [Custom and habit]. Interakcionizm v amerikanskoj sociologii i social'noj psihologii pervoj poloviny 20 veka. M.: INION RAN, 2010.

[4] *Kovalev A.D.* Problema ontologicheskogo statusa i rabochej modeli social'nyh institutov [The problem of the ontological status and the applied model of social institutions]. Novoe i staroe v teoreticheskoj sociologii. Pod red. Ju.N. Davydova. Kn. 4. M.: IS RAN, 2006.

[5] *Rutkevich A.M.* Teorija institutov A. Gelena [A. Gehlen's theory of institutions]. Sociologicheskaja teorija: Istorija, sovremennost', perspektivy. Al'manah zhurnala «Sociologicheskoe obozrenie». SPb.: Izd-vo «Vladimir Dal'», 2008.

[6] *Sumner W.G.* Narodnye obychai: Issledovanie sociologicheskogo znachenija obychaev, maner, privychek, nravov i jetiki [Folkways: A study of mores, manners, customs and morals]. Rubezh: Al'manah social'nyh issledovanij. 1998. No 12.

[7] *Winch P.* Ideja social'noj nauki i ee otnoshenie k filosofii [The Idea of a Social Science and its Relation to Philosophy]. M.: Russkoe fenomenologicheskoe obshhestvo, 1996.

[8] *Shmerlina I.A.* Ponjatie "social'nyj institut»: analiz issledovatel'skih podhodov [The concept of "social institution": An analysis of research approaches]. Sociologicheskij zhurnal. 2008. No 4.

«СИТУАЦИЯ» В ИССЛЕДОВАНИИ МОРАЛЬНО-ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ: ОТ ТЕОРИИ К КОНСТРУИРОВАНИЮ МЕТОДИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ

В.Е. Гребнева*

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

Многомерная структура правового сознания, в котором сталкиваются нормы разных порядков, а также запутанное переплетение когнитивного, эмотивного и поведенческого компонентов, не может быть раскрыто только в одной системе представлений. В настоящей статье рассматриваются концептуальные основания изучения морально-правового сознания на примере ситуации ценностно-когнитивных дилемм. Исследуются трактовки концепта «ситуация» в работах российских и западных ученых, выделяются общие теоретические основания и производится анализ возможностей его использования в изучении морально-правового сознания. Выдвигается предположение, что одним из возможных способов поиска и выявления детерминант морально-правового сознания может быть фиксация информации о конкретных решениях, принимаемых индивидами в разнообразных малых по масштабу и временной продолжительности жизненных ситуациях, которые помещены в определенную рамку и обусловлены нормативно. Выдвигается допущение, что именно при столкновении с ситуацией дилеммы социальный агент, какое бы решение он не принял, нуждается в рациональном оправдании и обосновании своего действия. В статье раскрывается процесс конструирования методического инструментария с использованием метода виньеток и техники управляемой проекции, предполагается изучение конфликта множественных рациональностей, предлагающих разные модели оправдания в структуре ценностного выбора.

Ключевые слова: ситуация выбора; морально-правовая дилемма; ценностно-когнитивная дилемма; фрейминг; ценностно-когнитивные диспозиции; теория становления правил; теория рационального выбора; виньетки

Морально-правовая социализация с позиции когнитивного подхода основывается на накоплении опыта разрешения разнообразных повседневных дилемм, в которых имеет место столкновение ценностей разного порядка, дальнейшую их классификацию и укоренение в сознании. Однако многие исследователи отмечают, что люди склонны вести себя по-разному в одних и тех же проблемных ситуациях, обосновывать свои и чужие действия («парадокс Лапьера» [1. С. 283], «фундаментальная ошибка атрибуции [14. С. 101]»).

Американские психологи Р. Нисбетт и Л. Росс в книге «Человек и ситуация» [18] демонстрируют всю сложность связности человеческого поведения и сознания, а также закономерностей, которые можно ошибочно вывести, опираясь на предшествующий опыт человека в схожих ситуациях. В любой ситуации находит отражение так называемый «динамизм напряженных систем», который является «результатом действия множества сил» [18], при этом некоторые силы подкрепляют друг друга, а некоторые, наоборот, находятся в противостоянии. Баланс системы держится на диспозициях личности, ситуации, «режиме вовлечен-

* © В.Е. Гребнева, 2016.

ности в события» [20. С. 285—313], а также на групповых нормах, которые предполагают набор санкций за их невыполнение и оказывают гораздо более сильное влияние на действия индивида, нежели получение выгоды за счет нарушения нормативного порядка.

Лоран Тевено детализирует идею «режимов вовлеченности» в события, относя к ним близость, сочувствие, безразличие и другие, которые могут ощущать люди, включенные в ту или иную проблемную ситуацию, требующую принятия решения и подталкивающую к спорам, конфликту взаимоисключающих позиций и активному обсуждению в поисках подходящего решения. Необходимо учитывать то, что различные социальные субъекты обладают различным набором ресурсов и при этом несовпадающими целями, что осложняет их взаимодействие и порождает напряжение. Представляется, что при изучении морально-правового сознания концепт «ситуации» может послужить отправным пунктом. Тогда предметом исследования выступит ситуация морально-правовой дилеммы, предполагающая, что ее участники начинают размышлять над задачей, в которой сталкиваются ценности разного порядка и осознают наличие противоречия.

Самое известное определение ситуации в социологии принадлежит У. Томасу и Ф. Знанецкому [21. С. 193—194], которые в своих работах выделяют три основных элемента, необходимых для анализа ситуации: определение ситуации, установки индивидов, включенных в ситуацию, и объективные условия [11. С. 106]. И. Гофман, трактуя идею Томаса, настаивал на том, что ситуации создаются нормативно определенными структурами взаимодействий (контекстом), которые существуют дольше, чем конкретная ситуация, а также советовал не преувеличивать субъективность конструирования социальной ситуации [11. С. 106]. Это является вопросом определения множества дифференцирующих признаков, так или иначе обуславливающих социальное действие, и требует от исследователя упорства в преодолении концептуальных и методических трудностей. Также остро стоит вопрос в определении «веса» признаков и в установлении взаимосвязи между реальным поведением и аттитюдом [6. С. 384]. Эта особенность затрагивается в теории диспозиционной регуляции социального поведения В.А. Ядова [24].

Понятие «фрейм» Гофман ввел с целью обозначить факт наличия у действующего индивида особых рамок, которые играют роль ограничений его произвола в определении ситуации. Анализируя работы Гофмана, В. Вахштайн определяет фрейм одновременно как «матрицу возможных событий», которую таковой делает «расстановка ролей», и «схему интерпретации» событий субъектами, в них участвующими [5]. Гофмана интересовал именно механизм «собирания» в одно целое фрагмента малой по масштабу и временной продолжительности жизненной ситуации, «здесь и сейчас», которая помещена в определенную рамку и обусловлена нормативно.

Преодолеть мультипарадигмальность социологии в «модели социологического объяснения» попытался немецкий ученый Хартмут Эссер, предложивший подход, первый этап которого требует анализа логики ситуации, который индивиды определяют субъективно (фрейминг); на втором этапе необходимо применение

теории действия, включающего в себя анализ логики выбора поведения индивида, и на третьем этапе, обозначенном Эссером как анализ логики агрегатов, подразумевается реконструкция того эффекта, который оказывает на структуру ситуации тот или иной выбор [27].

Теории Эссера и Гофмана имеют общее основание в отношении определения ситуации, которое заключается в том, что определенному выбору действия всегда предшествует установление и идентификация ситуации посредством приложения некоторых фреймов (моделей). Эссер использует введенное Гофманом понятие «фрейм» и с его помощью анализирует связь, между тем как индивид идентифицирует ситуацию, и тем, какой логики он придерживается в выборе действия, тем самым активно развивая теорию выбора рамок. Приложение и отбор моделей или рамок к определенной ситуации называется у Эссера «фреймингом». При использовании процедуры фрейминга происходит определение культурного, нормативного и функционального кода, отбор инструкции (программы действия) и модуса выбора решения [28].

Теория рационального выбора и связанный с ней выбор рамок, предложенные Эссером, позволяет преодолеть противостояние между рациональным и нормативным действием. Выбор, по мнению Эссера, если он совершается вне сферы экономики — происходит не только с опорой на рациональные посылки, также существуют ситуации выбора, заданные культурой. Теория выбора рамок Эссера позволяет определить ситуацию в формате активации определенных мысленных моделей, которые хранятся в памяти.

Проще говоря, то, что в теории рационального выбора рассматривается как закон, имеющий всеобщий характер, в теории Эссера трактуется как особый случай теории выбора рамок [17. С. 27—28]. В своей концепции он старается избежать крайностей и предлагает рассматривать его позицию как «микро-макро», в которой коллективные феномены объясняются как суммирующий результат индивидуальных действий. Феномены макроуровня представлены как некие социальные целостности — ситуации, образования, системы, всегда представляющие собой результат действия индивидуальных включенных в них акторов. «Основой такого соединения не являются социальные образования сами по себе. Не они выступают двигателями процессов, не они придают им динамику, это делают сами акторы, их проблемы, их видение ситуаций, как и возникающие на этой основе действия с определенными последствиями» [17. С. 30]. Исходя из этого первый шаг — это то, как индивидуальные акторы видят ситуацию в их связи с окружением, второй шаг — действия, и третий шаг — последствия.

Попытка совместить структуральный и активистский подходы содержится в теории становления правил (social rule systems) Т. Бэрнса и Х. Флэма [25]. В ней утверждается, что социальный порядок — это когнитивный порядок, социальные правила — это законы, социальные нормы, моральные принципы, процедуры административного регулирования, религиозные нормы и традиции, а также соответствующие требования социальных институтов и санкции. Каждый участник социальной системы имеет знания о нормах, ценностях, принятых и распределенных

в данной социальной системе, и интернализует их как системы правил. Давление разнообразных норм не всегда ощущается людьми, однако они имеют те или иные знания о них и стараются их применять в разнообразных жизненных ситуациях.

Правила и системы правил играют регулирующую роль, однако не полностью детерминируют действия индивида. Индивиды в своем выборе располагают определенной долей свободы. Сложность заключается в том, что у различных социальных субъектов такие системы разные, многие из них противоречат друг другу, по-разному воспринимаются и понимаются индивидами. Потому моральные нормы, законы, правовые предписания, представления о справедливом, могут быть как основой для группового согласия, так и источником конфликтов. Различные организации создают разные режимы правил и то, каким социальным правилам субъект придает большее значение, зависит от его социальных ролей и от того, в какие социальные организации встроены его представления о должном. Индивиды продуцируют и приводят в исполнение режимы правил, а дилеммы (конфликтные, проблемные ситуации) возникают в том случае, когда множественные системы правил пересекаются между собой, а также если у индивидов возникает потребность в изменении либо сохранении правил [25].

В прикладном исследовании теория становления правил может оказать помощь в выделении и изучении важнейших элементов ситуации и их значимости, обращая внимание исследователей, с одной стороны, на жесткость существующих систем правил, с другой стороны, на их амбивалентность и слабую легитимность. С.Г. Климова предлагает использовать концепт ситуации для применения определенного образца деятельности [11. С. 109]. Образец — это признанный «нормальным» способ поведения в данной ситуации [23. С. 53].

Чтобы проявить свой деятельностный потенциал, люди как-то должны истолковать ситуацию, в которой оказались. Для этого необходимо понять, где человек находится, с кем и ради какой цели взаимодействует, чего можно ожидать от других участников социальной ситуации. «То, как человек определил ситуацию, во многом определяет его поступки. Однако само определение ситуации детерминируется не только и не столько феноменами сознания» [11. С. 109].

Поиск и выявление детерминант в изучении морально-правового сознания и нормативности — это более чем нетривиальная задача, а в условиях амбивалентности существующих режимов правил возникает необходимость в фиксации информации о конкретных решениях, принимаемых индивидами.

Так как каждая морально-правовая дилемма в более широком смысле является так называемой «социальной дилеммой», очень полезными с теоретической точки зрения могут оказаться идеи Элионор Остром [15]. Она пишет: «Социальные дилеммы возникают тогда, когда в ситуации взаимозависимости индивиды сталкиваются с ситуацией выбора, в которой максимизация каждым из них своего краткосрочного интереса приводит к результатам, оставляющим всех в худшем положении, чем это было бы при иных возможных вариантах поведения» [32; 9. С. 12—69].

Окружающая действительность любого человека наполнена такими дилеммами, а в социальных науках их можно встретить под различными наименованиями:

«дилемма заключенного», «проблема безбилетника», «трагедия общего блага», «балансирование на грани», «война полов», «охота на оленя», «дилемма добровольца» и другие.

Рассмотрим, например, «дилемму безбилетника». Суть ее в том, что игроки, которые не хотят сотрудничать друг с другом, пользуются некоторым общественным благом, но избегают «оплаты» за него, либо «платят» меньше, чем предписано. Примеры «безбилетников» можно приводить бесконечно: это те, кто не платит за контент в Интернете, потребители пиратской продукции, неплательщики налогов и сборов, «зайцы» в общественном транспорте, люди, мусорящие в общественных местах, дающие и берущие взятки и т.д. Каждый из них, возможно, рассуждает схожим образом: «людей много, и, если я поступлю в конкретном случае неправомерно, обществу хуже не станет». Решения принимаются каждым членом общества по отдельности, но, в конечном счете, оказывают влияние на всех. Когда большая часть людей начинает рассуждать таким образом, законность в обществе в целом приходит в упадок.

С точки зрения отдельного игрока, стратегия «не платить» либо «игнорировать правовые предписания» является доминирующей, но неизбежно приводит к нерациональным результатам в масштабе общества, а также в долгосрочной перспективе ухудшает положение самого «безбилетника».

Несмотря на то, что реальное поведение людей очень сильно отличается от теоретических моделей, социологический анализ таких ситуаций нужен для выявления базовых социальных и когнитивных аспектов морально-правового сознания. Теория рационального действия позволяет выявить общие аспекты исходя из индивидуальных интеракций. На уровне мыслительных процессов о морально-правовом развитии личности свидетельствует степень осознанности ее суждений, а на уровне поступков — реальное поведение, его последовательность и способность не поддаваться ситуативным влияниям. Эксперименты, в которых детям была предоставлена возможность выбора действия, и ребенок должен был решать, будет ли он обманывать, причинять боль другому или отстаивать свои права, показали, что участники с более высоким уровнем морального сознания в меньшей степени подвержены конформному поведению. Также было продемонстрировано, что на более высоких стадиях развития морального сознания связь с поведением более тесная [12].

Однако наравне с этим другие психологические опыты и эксперименты показывают, что развитие практических компетентностей индивида входит в диссонанс с теорией когнитивного развития, предложенной Ж. Пиаже, где оно имеет прямую зависимость от успеха в оперировании абстрактными категориями и принципами. «Американские исследователи братья Стюарт и Хьюберт Р. Дрейфусы [26] еще в конце 1970-х гг., обобщив данные психологических исследований, установили, что на самом деле процесс обучения и социализации идет в противоположном направлении — от простого запоминания и усвоения универсальных максим на стадии «новичка» к мастерству «экспертного» решения проблем интуитивным способом на основе имеющегося опыта в любой сложной ситуации» [10. С. 199].

Столкновение с разнообразными ситуациями и способами их решения, ошибками и оценками — все это превращает «новичка» в «эксперта». При этом интуиция эксперта (быстрое, полное, эмоционально верное сравнение с уже известными ситуациями) представляет собой результат холистического видения кейса в репертуарной структуре накопленного практического багажа. Когнитивный компонент такого поведения выражается в способности к гибкому видению ситуации и способности отделять главное от второстепенного. И.В. Катерный пишет: «Именно руководствуясь „практической мудростью“, а не императивным разумом, действуют в реальной жизни „зрелые“ акторы, эксперты — как в профессиональной сфере, так и в любых морально-значимых ситуациях» [10. С. 199].

Сталкиваясь с ситуацией морально-правовой дилеммы, социальный агент, какое бы решение он ни принял, будет заинтересован в легитимности своих действий, а значит в их рациональном обосновании и оправдании. Таким образом, проявляется конфликт множественных рациональностей, предлагающих разные модели оправдания в структуре ценностного выбора.

Л. Болтански и Л. Тевено выводят целый набор таких рациональностей, базирующихся на различных ценностно-когнитивных принципах эквивалентности [10. С. 199]. В своей книге, посвященной критике и обоснованию справедливости и теории градов, они предпринимают попытку найти «золотую середину» между «субъективными значениями» и «объективными структурами общества», которые принимают во внимание индивиды в повседневной жизни.

Когда люди находятся в ситуации конфликта, у них возникает естественная необходимость убедительного обоснования своих притязаний, а для этого требуется умение апеллировать к определенным системам ценностей, опираясь на которые ситуацию можно интерпретировать выгодным для них образом.

Основной задачей, которую ставят Л. Болтански и Л. Тевено в своей работе, было выявление сходства, «как тот или иной человек, пытаясь объяснить свое поведение, идентифицирует себя, сближая с другими людьми в том или ином представляющимся ему уместным отношении, и тем, как исследователь старается причислить к одной и той же категории разных людей, чтобы выявить общую закономерность в их поведении» [3. С. 24]. Отличительной чертой их исследовательского подхода является указание на наличие требований прагматичного характера, так называемого «диспозитива» фактов, используемых участниками ситуации в качестве оправдания своей позиции, которые определяли его релевантность. «Индивиды, за действиями которых мы наблюдаем с целью понять их способ обосновывать свою правоту, вынужденных переходить от одного способа использования имеющихся у них доказательств к другому и от одной формы величия к другой в зависимости от ситуации, в которую они попадают» [3. С. 43—44]. Понятие «неопределенности величия» помогает понять значение тех прагматических условий «приписывания величия» конкретным ситуациям и людям и выходу из сферы умозрительных оснований и общих принципов в сферу социального действия.

Изучение «режимов оправдания» или справедливости привело Л. Тевено и Л. Болтански к выводу о том, что существует шесть миров оправдания, каждому

из которых свойственна собственная логика. Часто в ситуации дискуссии люди, обосновывая свою точку зрения, приводят аргументы из разных «режимов оправдания» и ссылаются на взаимоисключающие стандарты справедливости, а также хаотичным образом смешивают в высказываниях бытовые наблюдения из повседневного опыта и элементы высоких научных концепций [22. С. 32—41].

Социологи обращают внимание на то, что при условии внимательного изучения взаимосвязей между моделями справедливости и прагматическим действием, аргументами и объектами, возможно уйти от двух крайностей, типичных для социальных наук: объяснения повторяемости и согласованности человеческих действий либо однообразием верований и социальных представлений, либо наличием законов и систем, то есть фундаментальной повторяемостью вещей.

Тевено и Болтански используют подход, в котором действие рассматривается в ситуации испытания, столкновения с действительностью. Изучая напряжение между «патриархальным и гражданским градами», ученые констатируют, что проблема приобретает еще более выраженные очертания и критическое напряжение в ситуации, когда эти системы оказываются вовлеченными в одну сложную ситуацию, в один диспозитив [3].

Столкновение различных моделей справедливости описывается и в методике, предложенной Л. Кольбергом [30]. Опираясь на его концепцию, можно выделить не только и не столько ступени морально-правового развития, сколько различные типы социального. «Например, этический формализм, установка на отделение моральных норм от конкретных условий их реализации и на безусловное соблюдение правил, каковы бы ни были последствия этого, — не только определенная стадия морального развития, но и специфический тип жизненной ориентации, сопряженной с определенным стилем мышления и социального поведения» [12]. Тогда поисково-целевой переменной будет выступать тип морально-правового сознания. Поиск знания о типах в виде типологических синдромов в заданном смысле будет представлять собой основу для формирования объяснительных гипотез. Исходя из этого одной из задач в нашем исследовании было упростить и формализовать инструментарий, предложенный Кольбергом, сформулировать собственные виньетки — проективные ситуации, актуальные для исследования, с целью перейти с индивидуального уровня измерения к групповому.

При конструировании морально-правовых дилемм для инструментария предстояло выделить и определить множество дифференциальных признаков, которые помогут охарактеризовать феномены сознания и поведения социальных субъектов в частных случаях.

Выбранная тема исследования, с одной стороны, обладает высоким уровнем сенситивности, так как затрагивает вопросы, касающиеся нарушения морально-правовых норм, а с другой стороны, имеет сильную негативную окраску в массовом сознании. Представления разных групп и слоев о правовых и неправовых социальных действиях различны. Оценка социальных действий как законных или незаконных, правовых или неправовых в такой ситуации вызывает большие затруднения, а иногда совершенно невозможна [8. С. 11]. Поэтому было решено

использовать проективную методику, близкую методике управляемой проекции, а именно набирающую популярность в социологических кругах технику виньеток [16. С. 44—56]. Были сконструированы 11 миниописаний жизненных ситуаций, основой которым послужила методика Кольберга [7] и методика Рукавишникова [19. С. 88—101], касающаяся представлений о том, что может быть оправдано с точки зрения морально-правовых ориентаций.

Ситуация 1

Наташа — студентка 18-ти лет. Она собирается посмотреть фильм «Левиафан». Как известно, лента должна была выйти в российский прокат 5 февраля 2015 г. Однако уже 12 января в результате утечки всех фильмов, номинированных на Оскар в 2015 г., данная лента была выложена в Сеть. Команда создателей картины заявила, что не собирается удалять ее из открытого доступа. Однако независимый digital-продюсер Вячеслав Смирнов запустил сайт для сбора средств создателям фильма, аргументируя это тем, что пиратство вредит созданию контента, и поддержка авторов и плата за контент тем или иным способом крайне важна. После просмотра фильма зритель на добровольной основе может перевести авторам фильма символическую сумму денег. Наташа смотрит фильм дома до официальной премьеры и ...

Таблица 1

Решение	Вина	Наказание	Оправдание
1. ...переводит авторам сумму, примерно равную стоимости билета в кинотеатре. 2. ...не переводит деньги. Наташа — студентка, у нее нет лишних денег и ей это простительно. 3. ...не переводит деньги. Утечка фильмов в Сеть — это не проблема зрителей, а проблема авторов и тех, кто обязан заниматься защитой информации в Интернете.	*Наташа посмотрела фильм и не перевела деньги.* 1. Вина на ней есть. Это косвенное поощрение пиратства в Интернете. 2. Вины на ней нет. Студенту — простительно. А если бы она хорошо зарабатывала и не перевела деньги — тогда да, была бы виновата. 3. Вины на ней нет, любой человек поступил так же. Проблемой пиратства должны заниматься профессионалы, а если они плохо выполняют свою работу, простые зрители ни в чем не виноваты.	1. Наказывать нужно как пиратов, так и простых пользователей (зрителей) — ведь именно спрос порождает предложение. 2. Вообще наказывать за пиратство нужно, но именно в этой ситуации — нет. 3. Наказывать если и нужно, то только самих пиратов, а простых пользователей — нет.	1. Авторское право — одно из важнейших отраслей права, которые необходимо защищать в современном мире. Оправдания действиям Наташи нет. 2. Защита авторского права — это, конечно, очень важно, но именно в этой ситуации это сложно, а с точки зрения простых зрителей — невозможно. Сами авторы отказались от идеи изъятия фильма из свободного доступа. Простые зрители тем более не в силах что-либо изменить. 3. Защита авторского права — это исключительно проблема тех, чьи права нарушаются. Всем в мире помочь невозможно.

Ситуация 2

Маша — молодая мама, работает и уже несколько месяцев учится в автошколе. Числа экзаменов в ГАИ уже известны. Девушка добросовестно занималась и за ру-

лем чувствует себя уверенно. Однако ее инструктор намеренно рассказывает, что в ГАИ люди пересдают экзамен 5—7 раз, и предлагает ей «помочь». Маша решает, что ...

Таблица 2

Решение	Вина	Наказание	Оправдание
1. ... будет сдавать сама, даже если ей потребуется несколько раз приходить на пересдачи. 2. ...посещала все занятия. Теорию и «площадку» знает «на отлично», а на экзамене в «городе» пусть лучше ее «подстрахуют». 3. ... она молодая мама и к тому же еще работает, ходить на пересдачи ей просто некогда — главное получить корочки, а навыки все равно приходят с опытом.	*Маша передала некоторую сумму денег своему инструктору, у которого связи в ГАИ, и на экзамене ей немного «помогли».* 1. Она поощряет практику дачи взяток. Виновата. 2. Если знания и навыки у девушки есть, то нет никакой вины. Нет смысла 7 раз ходить на пересдачи в ее ситуации. 3. Все правильно. Мы живем в такой системе — так проще. А навыки вождения Маша приобретет с опытом.	*Маша заплатила и с первого раза сдала «город»…* 1. ... но за это ее, инспектора принимавшего экзамен и инструктора необходимо привлечь к ответственности. 2. ... в этой ситуации наказывать не нужно, ведь Маша добросовестно занималась в автошколе. Просто у нее такие жизненные условия, что ей некогда тратить время на пересдачи. 3. ...Машу наказывать не нужно: сами «стражи правопорядка» вынуждают простых людей так поступать.	1. Нормы права создаются людьми и для людей. Нужно стараться решать проблемы правовыми способами — действия девушки оправдать нельзя. 2. Бывают ситуации, когда можно и «помочь» и «ускорить» — эта ситуация как раз такая. 3. Это обыденность нашей жизни — так проще жить и необязательно всегда придерживаться закона.

После прочтения описания ситуации респонденту было предложено сделать выбор за главного героя. Предполагалось, что таким образом респондент, выбирая тот или иной ответ, репрезентирует свою собственную позицию, знания, представления и опыт, тем самым предоставляет доступ к материалу о «всем известных» правилах, нормативных предписаниях и представлениях о «должном» [13. С. 7171].

Морально-правовое сознание является сложным феноменом и на эмпирическом уровне интересно уделить внимание не столько изучению отдельных факторов, оказывающих на него влияние, сколько их сочетанию.

Все ситуации были описаны при помощи общей аналитической модели через значения четырех факторов: первый фактор — конкретное решение в ситуации выбора (украсть — не украсть, дать взятку — не давать ни при каких обстоятельствах, закрыть глаза на нарушение прав — занять принципиальную позицию и отстаивать права и т.д.).

Далее респондентам предлагалось представить ситуацию, в которой главный герой идет вразрез существующим предписаниям закона и оценить ситуацию еще по трем факторам: вина; необходимость наказания; возможное оправдание. Каждый фактор может быть описан тремя признаками: соблюдение правовых предписаний, действия в рамках закона; следование ситуативным представлениям о должном, выбор действия по сложившимся обстоятельствам, допущение возможности, что закон не всегда справедлив; следование эгоистическим представлениям,

игнорирование правовых способов разрешения ситуации дилеммы, руководство «правдой жизни».

Таким образом, обращение к концепту «ситуации» позволяют осуществить переход к созданию методического инструментария, отвечающему задачам исследования морально-правового сознания. На основе полученных данных предполагается осуществить построение типологии субъектов с определенными степенями готовности в решении предложенных ситуаций. Исследование реакций социального субъекта на «вызовы» обстоятельств морально-правовой действительности, требующих его активности, с нашей точки зрения, может дать ответ на вопрос, можно ли из комбинаций объединенных признаков и факторов получить ценностно-когнитивные типы решений при изучении морально-правового сознания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] *Андреева Г.М.* Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. М., 2009.

[2] *Барабашин М.Ю.* Оптимальные институциональные стратегии и идентичность в условиях неопределенности социальных дилемм (на примере бинарных игр) // Журнал институциональных исследований. 2014. № 4.

[3] *Болтански Л., Тевено Л.* Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М., 2013.

[4] *Бронзино Л.Ю.* Наблюдение за наблюдающими: субъективные заметки участника 10 конференции Европейской социологической ассоциации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. № 3.

[5] *Вахштайн В.С.* Книга о «реальности» социальной реальности: И. Гофман. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта // Социологический журнал. 2004. № 3—4.

[6] *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М., 2004.

[7] *Заикин В.А.* Динамика индивидуальных моральных суждений в контексте групповой дискуссии // Психологические исследования. 2012. № 5(25).

[8] *Заславская Т.И., Шабанова М.А*. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования. 2002. № 6.

[9] *Капелюшников Р.И.* Множественность институциональных миров: Нобелевская премия по экономике-2009 // Экономический журнал. 2010. Т. 14. № 1.

[10] *Катерный И.В*. Проблемы рационализации ценностно-когнитивных дилемм в условиях смешанных коммуникаций (на примере экологической практики) // Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации. М., 2015.

[11] *Климова С.Г.* Ситуационный анализ социально-трудовой сферы на предприятии: концептуальные основания // Социологические методы в современной исследовательской практике. М., 2011.

[12] *Кон И.* В поисках себя. Личность и ее самосознание // URL: http://www.psylib.org.ua/books/konis01/index.htm.

[13] *Кусакина В.О*. Метод виньеток в изучении репродуктивных установок // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. М., 2012.

[14] *Майерс Д*. Социальная психология. Интенсивный курс. СПб., 2007.

[15] *Остром Э*. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. М., 2010.

[16] *Пузанова Ж.В., Тертышникова А.Г.* Метод виньеток в социологических исследованиях: методологические принципы и методические решения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 4.

[17] *Романовский Н.В.* Мультипарадигмальная социология — auf Wiedersehen // Социологические исследования. 2005. № 12.
[18] *Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М., 1999.
[19] *Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П.* Мораль в сравнительном измерении // Социологические исследования. 1998. № 6.
[20] *Тевено Л.* Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности // Новое литературное обозрение. 2006. № 77.
[21] *Томас У., Знанецкий Ф.* Методологические заметки. М., 1994.
[22] *Хархордин О.В.* Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено // Социологические исследования. 2007. № 1.
[23] *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. М., 1969.
[24] *Ядов В.А.* Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. М., 2013.
[25] *Burns T., Flam H.* The Shaping of Social Organization: Social Rule System Theory with Application. L., 1987.
[26] *Dreyfus S.E., Hubert L.* A Five-Stage Model of the Mental Activities Involved in Directed Skill Acquisition. Washington, 2010.
[27] *Esser H.* Soziologie. Allgemeine Grundlagen. Frankfurt am Main, 1993.
[28] *Greshoff R., Schimank U.* Die integrative Sozialtheorie von Hartmut Esser // URL: www.femunu-hagen.de/ESGW/SOZ/weiters/preprints/russ.pdf.
[29] *Kohlberg L.* Moral stages and moralization: The cognitive-developmental approach // Moral Development and Behavior: Theory, Research and Social Issues. N.Y., 1976.
[30] *Kohlberg L.* The development of modes of moral thinking and choice in the years ten to sixteen. Unpublished doctoral dissertation. Chicago, 1958.
[31] *Kohlberg L., Levine C., Hewer A.* Moral Stages: A Current Formulation and a Response to Critics. 1983.
[32] *Ostrom E.* A behavioral approach to the rational choice theory of collective action // American Political Science Review. 1998. Vol. 92.

"SITUATION" IN THE STUDY OF MORAL AND LEGAL CONSCIOUSNESS: FROM THEORY TO TECHNIQUES

V.E. Grebneva

Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia

The multidimensional structure of legal consciousness, in which the norms of different orders collide, and the intricate intertwining of cognitive, emotive and behavioral components cannot be described in just one system of representations. This article considers conceptual bases of the study of moral and legal consciousness on the example of value-cognitive dilemmas. The author presents interpretations of the concept "situation" in the works of Russian and Western scientists, identifies its general theoretical bases and analyzes its potential in the study of moral and legal consciousness; suggests as one of the ways to find and identify determinants of moral and legal consciousness identification of specific decisions made by individuals in a variety of small-scale short situations in the given frame and normatively determined,

because in the situational dilemma a social agent, whatever decision he makes, needs a rational reason and justification. The author describes the process of designing a technique on the basis of vignette-method and the method of controlled projection for the study of the conflict of multiple rationalities implying different models of justification in the structure of value choice.

Key words: situation of choice; moral-legal dilemma; value-cognitive dilemma; framing; value-cognitive dispositions; theory of social rules emergence; theory of rational choice; vignettes

REFERENCES

[1] *Andreyeva G.M.* Sotsial'naya psikhologiya: Uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedeniy [Social Psychology: A Textbook for the High School]. M., 2009.

[2] *Barabashin M.YU.* Optimal'nyye institutsional'nyye strategii i identichnost' v usloviyakh neopredelennosti sotsial'nykh dilemm (na primere binarnykh igr) [Optimal institutional strategies and identity under the uncertain social dilemmas (on the example of binary games)]. Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy. 2014. No 4.

[3] *Boltanski L., Thevenot L.* Kritika i obosnovaniye spravedlivosti: Ocherki sotsiologii gradov [Critics and Justification of Justice: Essays on the Sociology of Worlds]. M., 2013.

[4] *Bronzino L.Y.* Nabludenie za nabludayushchimi, ili cub'ektivnie zametki uchastniri 10 conferenzii Evropeiskoy sociologocheskoy assoziazii [The Observation of the Observer, Or some Subjective Notes of the Participant of the 10th Conference of European Sociological Association]. Zhurnal sociologii i socialnoy antropologii. 2012. Vol. XV. No 3.

[5] *Vakhshtayn V.S.* Kniga o «real'nosti» sotsial'noy real'nosti: E. Goffman. Analiz freymov: Esse ob organizatsii povsednevnogo opyta [A book on the "reality" of social reality: E. Goffman. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience]. Sotsiologicheskiy zhurnal. 2004. No 3—4.

[6] *Goffman E.* Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta [Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience]. M., 2004.

[7] *Zaikin V.A.* Dinamika individual'nykh moral'nykh suzhdeniy v kontekste gruppovoy diskussii [The dynamics of individual moral judgments under the group discussion]. Psikhologicheskiye issledovaniya. 2012. No 5.

[8] *Zaslavskaya T.I., Shabanova M.A.* Nepravovyye trudovyye praktiki i sotsial'nyye transformatsii v Rossii [Non-legal labor practices and social transformations in Russia]. Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2002. No 6.

[9] *Kapelyushnikov R.I.* Mnozhestvennost' institutsional'nykh mirov: Nobelevskaya premiya po ekonomike-2009 [Multiplicity of institutional worlds: the Nobel Prize in Economics-2009]. Ekonomicheskiy zhurnal. 2010. No 1.

[10] *Katernyy I.V.* Problemy ratsionalizatsii tsennostno-kognitivnykh dilemm v usloviyakh smeshannykh kommunikatsiy (na primere ekologicheskoy praktiki) [Problems of rationalization of value-cognitive dilemmas under the mixed communication (on the example of environmental practice)]. Obydennoye i nauchnoye znaniye ob obshchestve: vzaimovliyaniya i rekonfiguratsii. M., 2015.

[11] *Klimova S.G.* Situatsionnyy analiz sotsial'no-trudovoy sfery na predpriyatii: kontseptual'nyye osnovaniya [Situational analysis of social and labor sphere at the enterprise: Conceptual bases]. Sotsiologicheskiye metody v sovremennoy issledovatel'skoy praktike. M., 2011.

[12] *Kon I.* V poiskakh sebya. Lichnost' i yeye samosoznaniye [In search of oneself. Personality and its identity]. URL: http://www.psylib.org.ua/books/konis01/index.htm.

[13] *Kusakina V.O.* Metod vin'yetok v izuchenii reproduktivnykh ustanovok [Vignettes method in the study of reproductive attitudes]. Sotsiologiya i obshchestvo: global'nyye vyzovy i regional'noye razvitiye. M., 2012.

[14] *Myers D.* Sotsial'naya psikhologiya [Social Psychology]. Intensivnyy kurs. SPb., 2007.

[15] *Ostrom E.* Upravlyaya obshchim: Evolyutsiya institutov kollektivnoy deyatel'nosti [Governing the Commons: The evolution of Institutions for Collective Action]. M., 2010.
[16] *Puzanova Zh.V., Tertyshnikova A.G.* Metod vin'yetok v sotsiologicheskikh issledovaniyakh: metodologicheskiye printsipy i metodicheskiye resheniya [Vignette method in sociological research: Methodological principles and techniques]. Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya. 2015. No 4.
[17] *Romanovskiy N.V.* Mul'tiparadigmal'naya sotsiologiya — auf Wiedersehen [Multiparadigmal sociology — auf Wiedersehen]. Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2005. No 12.
[18] *Ross L., Nisbett R.* Chelovek i situatsiya [The Person and the Situation]. Perspektivy sotsial'noy psikhologii. M., 1999.
[19] *Rukavishnikov V.O., Khalman L., Ester P.* Moral' v sravnitel'nom izmerenii [Morality in the comparative measurement]. Sotsiologicheskiye issledovaniya. 1998. No 6.
[20] *Thevenot L.* Kreativnyye konfiguratsii v gumanitarnykh naukakh i figuratsii sotsial'noy obshchnosti [Creative configurations in the humanities and social communities figurations]. 2006. № 77.
[21] *Thomas W., Znaniecki F.* Metodologicheskiye zametki [Methodological Notes]. M., 1994.
[22] *Kharkhordin O.V.* Pragmaticheskiy povorot: sotsiologiya L. Boltanski i L. Thevenot [Pragmatic turn: L. Boltanski and L. Thevenot sociology]. Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2007. No 1.
[23] *Shchepansky Ya.* Elementarnyye ponyatiya sotsiologii [The Elementary Concepts of Sociology]. M., 1969.
[24] *Yadov V.A.* Samoregulyatsiya i prognozirovaniye sotsial'nogo povedeniya lichnosti: Dispozitsionnaya kontseptsiya [Self-Control and Prediction of Personal Social Behavior. Dispositional Theory]. M., 2013.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ИДЕНТИЧНОСТЬ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТАХ ИММИГРАЦИИ

А.И. Куропятник*

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Контексты и контекстуальность рассматриваются в статье как инструменты анализа современной иммиграции. Первый контекст характеризует ее как фактор глобальной конкуренции. Типичная исследовательская модель иммиграции «донор»-«реципиент» дополняется третьим агентом взаимодействия — политико-экономическими центрами мира, мировыми транснациональными компаниями. Они являются настоящей приглашающей иммигрантов стороной. Их цель — перераспределение рабочей силы по наиболее важным рынкам труда современности. Иммиграция используется в качестве инструмента корректировки социальной политики государства. Иммиграция вносит свой вклад в культурную и социальную фрагментацию Европы. Второй контекст иммиграции посвящен изучению применения принципа рационализации как формы европейской экспансии. Вслед за А. Туреном в статье высказывается мнение, что рационализация как форма экспансии и как одна из характеристик европейской цивилизации означает разрушение социальных и культурных констелляций. По отношению к иммиграции современная Европа представлена как разделенная на две части. Западная часть или группа стран воспроизводит модель иммиграции, характерную в прошлом для стран классической иммиграции. Она открыта иммиграции. Восточная группа стран воспроизводит отношение к иммиграции старой Европы и отличается «закрытостью». Определяющим фактором этого процесса является сила притяжения экономических и финансовых центров мира. Ее новое содержание состоит в том, что она становится преимущественно безвозвратной. Третий контекст иммиграции основан на провозглашении приоритета культуры, традиции и ценности национального сообщества. Иммиграция для него нежелательна. Иммиграция не является трудовой. Она не рассчитана на местные рынки труда. Иммигранты являются беженцами. Их существование обеспечивается частично за счет бюджетных средств. К иммигрантам предъявляются высокие интеграционные требования, предполагающие изучение национального языка, культуры и норм общественной жизни принимающего общества.

Ключевые слова: социология миграции; социальная антропология миграции; иммиграция; контексты иммиграции; культура; идентичность; Европейский Союз; глобализация

На фоне новейших политико-экономических, социальных и культурных событий, происходящих на Европейском континенте, тема миграции опять приобрела высокую актуальность среди исследователей и политиков. На этот раз в центре

* © А.И. Куропятник, 2016.

дискуссий оказалась проблема иммиграции, которая в большинстве стран Евросоюза воспринимается как настоящее испытание, выпавшее на долю европейской солидарности, экономической и культурной безопасности Европы, а также на долю формирующейся в настоящее время новой европейской идентичности и морали. В контурах последней возникают опыты общественных переживаний, миграционных ситуаций, позволяющих дифференцировать потоки социальных и культурных событий в актуальные контексты современности. В рамках одного из них значение имеют глобальные предпосылки миграции как формы социальной турбулентности и изменений. В границах другого актуальным становится империалистическое накопление капитала и последствия европейской экспансии в неевропейские миры. В связи с чем особое значение приобретает рационалистическое отношение к миграции, ее культурному и социальному потенциалу. В контурах третьего на первый план выступает задача переосмысления идентичности и культуры в обществах, балансирующих между «территориалистской» (Д. Арриги) и капиталистической стратегиями формирования и поддержки национальной государственности [3. С. 76].

В каждом из выделенных аспектов контекстуальности ситуаций миграции общим выступает наличие характерного отправного момента анализа, в фокусе которого концентрируются линии взаимосвязей, действующие силы, внешние обстоятельства и, наконец, смыслы изучаемых социальных событий. В соответствии с этим в данной работе «контекст» понимается не как периферийный план значений и смыслов современных миграционных процессов, но как способ их выявления и интерпретации.

ИММИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Противоречивость миграции определяется ее неизбежностью. Благодаря вовлеченности в процессы капиталистического накопления она легко трансформирует текучие формы локальности в глобальные феномены и культурные прецеденты. Чаще всего именно эти аспекты социокультурной реальности принимаются как наиболее значимые для анализа последствий миграции и оптимизации интеграции. Основой рабочей модели ее изучения выступает взаимодействие, актуализирующее дихотомическую структуру отношений «донор»—«реципиент», в других случаях — «иммигранты» — «принимающее государство». При этом в ее границах не выделяются, как правило, другие важные участники процесса взаимодействия, например, транснациональные компании, международные банковские структуры, правительства, обеспечивающие интересы международных бизнес-организаций, которые действительно выступают в роли «приглашающей», инициирующей иммиграцию стороны, но которые остаются зачастую в тени и, как следствие, вне сферы научного анализа. Тем самым ошибочно признается, что они не более других вовлечены в отношения между иммигрантами и принимающей средой.

Неудивительно поэтому, что контуры взаимодействий между указанными агентами — «донором» и «реципиентом» при участии «третьего игрока» — фор-

мируются вне логики ожидаемой социальности и культуры. Вероятно, они развиваются по правилам доминирования и «подражания» (Ф. Бродель), согласно которым формируют свои отношения производственные и финансовые центры капитализма. Целью последних является привлечение дешевой рабочей силы, концентрация капитала, борьба за власть и ресурсы в рамках национальных и транснациональных проектов. Целью национальных правительств при этом выступает решение демографических проблем, изменение социальной и профессиональной структуры населения и ряда других вопросов. Ясно, что в обоих случаях иммиграция выполняет утилитарную функцию, направленную на изменение численности и качества населения, а также качества принимающего общества.

В капиталистических экономиках подобные изменения воплощаются не только посредством развития инноваций, но также благодаря применению известного рода социальной инженерии, направленной на ввоз и концентрацию в определенных местах или производственных сферах рабочей силы — иммигрантов. Значение имеют при этом такие их культурные, этнические, социальные характеристики и опыты мобильности, привнесение которых в принимающее общество сделает его похожим на лидирующее общество, обладающее технологиями и темпами развития, характерными для мировых экономических и политических центров.

При этом неважно, становятся ли иммигранты гражданами принявшей их страны, легальными трудящимися, или остаются нелегалами. Одним лишь фактом своего присутствия они создают ситуацию турбулентности на региональных и местных рынках труда. Стремление к выравниванию шансов между конкурирующими странами, группами стран, предприятиями предполагает в таких случаях применение аналогичных мер оптимизации рынка рабочей силы путем повторения, копирования стратегий развития в экономике, оказывающих специфическое влияние на плотность и направленность миграционных потоков, на динамику трансформаций культуры мигрантов и культуры принявшего их общества.

Еще совсем недавно каждое национальное государство имело свои модели регулирования иммиграции и отношений с иммигрантами. Задача оптимизации миграционных процессов, сохранения традиции и культуры возлагалась на институты государства и решалась ими. Однако в настоящее время, в условиях доминирования наднациональных, международных политических и финансовых структур, изменения моделей политической, социальной и экономической эффективности, полномочия национальных государств существенно сокращаются, а в ряде случаев поглощаются коллективными экономическими, политическими или военными проектами, например, Евразийским экономическим союзом, Евросоюзом, НАТО. И даже при таком положении дел упомянутый выше третий участник всемирной миграционной ситуации предпочитает оставаться невидимым, скрываться в зазеркалье технологий организации глобальной социальной мобильности и конкуренции.

Следуя современной формуле успеха, он не стремится «...развивать привязанностей, особенно сентиментальных, к вещам, местам, включая результаты собственной деятельности» [4. С. 135].

Его особенность состоит в том, что он постоянно остается неявленным. Реальны лишь его экспликации в виде международного долгового рынка, миграционных потоков, кредитов и глобальных угроз.

Увеличивая территорию и численность населения, предоставляя новые возможности для перераспределения рабочей силы, межкультурного смешения и социальной интеграции, Евросоюз как «третий глобальный игрок» живет тем не менее с оглядкой на эти экспликации. Он опасается то иммиграции, то перспективы жить в условиях господства США и Китая, то экономического кризиса, расхваливая преимущества коллективности перед своими членами, благодаря которой голос каждого из них непременно будет в мире услышан [8. С. 18].

Справедливо считая себя крупнейшим объединением государств современности, Евросоюз балансирует в поле возможностей обретенного положения. С некоторых пор он предпочитает включать в свой состав не крупные европейские государства, но государства-карлики без собственной экономики, в которые он вместе с партнерами превратил уже Югославию, и в которые будет пытаться превратить также другие страны, втянуть их в реальность эпохи меньшинств. Сценарий принуждения к демократии и коллективности был предсказан задолго до бомбежек Ирака [4. С. 200—206]. «На сегодняшний день последней страной, вошедшей в состав Европейского Союза, — пишет Э. Гидденс, — стала Хорватия. Очень важно добиться того, чтобы ее соседи, и прежде всего Сербия, рано или поздно последовали ее примеру. Важнейшим достижением было бы добиться того, чтобы все балканские страны вошли в ЕС и стали его полноправными членами» [8. С. 19].

Иммиграция также вносит свой вклад в культурную и этническую фрагментацию Европы, все больше превращая ее в пространство разнообразия, в «островное» пространство меньшинств.

Вопреки известным подходам, миграционный контекст этих событий состоит не в подсчетах допущенных в страну иммигрантов, погибших, пострадавших и бежавших от войны людей, не только в поисках военных преступников и решениях Гаагского трибунала, но в первую очередь — и это самое важное — в готовности сильных мира сего, не раздумывая, развязать войну ради обогащения и господства. «Черный передел» мировых сырьевых ресурсов, территорий, рабочей силы идет полным ходом. Быть сильным — значит быть богатым. Как заявлял в 1980-е гг. ведущий экономист Банка Японии Хироши Такеучи, слабый всегда работает на сильного. В связи с чем «задача Японии будет состоять в помощи Соединенным Штатам посредством экспорта наших денег для перестройки вашей экономики. Это свидетельствует о том, что наша экономика в своей основе слаба. Деньги идут в Америку, потому что вы в своей основе сильны» [3. С. 55]. Иммиграционные потоки, как и потоки финансов, также устремляются к сильным экономикам и центрам военно-политического доминирования.

КОНТЕКСТ «БЕЗМЫСЛЕННОСТИ» ИММИГРАЦИИ

Мир за двадцатый век мало чему научился. Сразу после Второй мировой войны Ханна Арендт, подчеркивая гуманитарную несуразность империалистических целей обогащения, средств их достижения и судеб человечества, писала о том,

что «...в сравнении с конечным результатом — разорением всех европейских стран, крушением всех западных традиций, угрозой существования всех европейских народов и моральным опустошением огромной части западного человечества — существование небольшого класса капиталистов, чье богатство подорвало социальное состояние их стран, а производственная мощность расшатала экономические системы их народов, что заставило их рыскать алчным взглядом по земному шару в поисках выгодных инвестиций для избыточного капитала, — поистине мелочь. Эта пагубная несоразмерность причины и следствия как исторически, так и экономически лежит в основе бесчеловечной абсурдности нашего времени» [2. С. 13—14]. Ее не стоит искать в формировании общеевропейского правового, политико-экономического и социокультурного пространства Евросоюза, в давлении иммигрантов на национальные и общеевропейские институты или мультикультурализме. Это несомненное будущее Европы. И она им успешно занимается. «Бесчеловечная абсурдность нашего времени» как проекция, контекст современной миграционной ситуации состоит не в самой миграции или ее последствиях, а в актуальном переосмыслении ее феномена, новой ее философии, в соответствии с которой иммигранты в массе своей перестают быть «кочевниками» и все чаще становятся безвозвратными переселенцами.

Современный глобальный миграционный процесс, таким образом, выступает новейшим клоном исторически известного процесса массового перемещения людей за океан. Как мы теперь знаем, векторы такого движения не имеют значения. Главное, — оно не предполагает возвращения. Оно рассчитано на освоение и признание новых мест локализации как «своих» — будь то в географии, обществе или культуре. Именно поэтому иммиграция современная преисполнена ожиданием ритуальности, чистоты в межкультурном взаимодействии, упрощения смыслов общего для иммигрантов и принимающего общества культурного пространства, направленного на вытеснение из сферы культурного контакта паттернов одного из взаимодействующих агентов.

Апеллируя к уровню жизни национального большинства, иммиграция создает дополнительные стимулы для формирования групп этнических и национальных меньшинств как субъектов перераспределения национальных и глобальных ресурсов.

Таким образом, в местах «входа», в границах общего социокультурного пространства, на основе технологий «подражания» и универсализации, перестраиваются реальные конфигурации культуры, а в ряде случаев изымаются актуальные культурные паттерны принимающей группы как не отвечающие взглядам и культурным запросам иммигрантов. В частности, в Европе переосмысляются: образ Санта Клауса, европейская детская игрушка, рождественская елка, религиозные святыни европейцев, отношения между женщинами и мужчинами, между родителями и детьми. И если раньше европейцы уже испытали ответственность за культурный империализм в виде возвратной миграции в метрополию, то сегодня они познают реверсивный характер стигмы, навязанной ими миру неевропейской культуры. Но не ясно пока, кому это выгодно — иммигрантам, принимающему населению, светским, духовным властям, приглашающим иммигрантов

правительствам или глобальным транснациональным компаниям. Очевидным является только одно — кризис европейской «коллективной идентичности, проявляющийся, — по словам Ричарда Керни, — в эрозии прежних идеологий и заставляющий все более уходить в себя, впадая временами в эксцессы неистового национализма и расизма» [10. С. 12]. Именно под их влиянием обретают силу новые интерпретации эсэсовских «фабрик смерти», детских концлагерей, нацистской символики на центральных площадях европейских столиц и маршей ветеранов СС. Картина абсурдности европейского времени дополняется реконструкциями структур типа СС, наделенных мандатами национальных парламентов и ожиданием неизбежности власти.

Вследствие этого паттерны, олицетворявшие прежде духовность, преемственность европейской культуры, ее память и особое место в истории человечества, обретают сегодня бесформенные, несвойственные ей смыслы, которые, вслед за Ханной Арендт, было бы правильно называть «безмысленностью» [1. С. 12—13]. Именно в контурах «безмысленности» формируется первый и самый важный контекст современной иммиграции. Как представляется, его мало изучать в терминах протеста принимающей стороны или в рамках теорий идентичности, как недостаточно объяснять неизбежность издержек иммиграции в категориях конфликта, перераспределения ресурсов или жизненного пространства между национальным большинством и религиозными, этническими группами иммигрантов. Ее контексты, несомненно, нужно изучать как упрощение отношения к иммиграции и принимающим обществам, как инструмент реинтерпретации национальной идентичности и культуры, как фактор изменения общественного сознания и переписывания истории, как оправдание радикальной политики и военной риторики.

В той мере, в какой тема иммиграции ускользает из поля интересов гражданского общества, она становится исключительным достоянием формальных институций — пропагандистских агентств, статистических бюро, комитетов, комиссий. В них иммиграция осмысляется в понятиях утилитарности. Во-первых, с точки зрения ее полезности для пополнения рынка труда, во-вторых, — для изменения характеристик населения в целом. Именно в этой сфере иммиграция заставляет обращать внимание на культурное, этническое смешение, межкультурную коммуникацию, перемещение рабочей силы в центры развития производства, плюрализацию образов и стилей жизни как на формы взаимного подражания, выравнивания экономических, социальных и культурных возможностей конкуренции между ведущими промышленными и финансовыми центрами мира: США, Китаем, Евросоюзом, странами БРИКС, Евразийским экономическим союзом. Подобные действия «по инерции» не просто оптимизируют иммиграцию, но задают направление иммиграционным потокам. Вследствие этого они могут рассматриваться не только в качестве защиты от реальности, но как древнейший инструмент корректировки социальной политики, формирования определенных стратегий поддержания государственности. И если раньше, чтобы «добыть» недостающее население, нужно было идти войной, нести непомерные, скорее, непоправимые человеческие и материальные потери, то теперь «работа социального воображения» (А. Ападурай), основанная на рекламных роликах, убедительно

демонстрирующих преимущества жизни и работы в новой стране и на новом месте, побуждает мигрантов пуститься в путь.

Контекст «безмысленности» иммиграции усиливается еще и тем, что опаленные, раздавленные бедой люди попадают в социальные пространства и общества, где отсутствие войны обескураживает тишиной и суетой повседневности, а ощущение мира вызывает невероятно долгие мгновения отчаяния от перенесенных страданий и потерь. Здесь оправдано ожидание протянутой руки и участие. Но даже они в контекстах современной иммиграции находятся под подозрением из-за калейдоскопа образов, вовлеченных в поток иммиграции как действительно спасающих себя от войны женщин, детей и мужчин, так и бегущих других, торопливо становящихся в очередь за пособиями и удобствами жизни, созданными чужими руками. И если одним достаточно участия и веры в свои силы, чтобы увидеть горизонты будущего, то другим важна «тирания покаяния», осознание ответственности за происходящее теми, кто протягивает руку спасения. Именно этой, другой частью иммигрантов они воспринимаются не как радушные хозяева, а как ответственные за темные страницы европейской биографии, в которых отношения с Востоком предстают как хрупкие границы, отделяющие Европу от ее «собственной низости» [6. С. 46]. Перед этой частью иммиграции долг можно компенсировать только одним способом — поделиться с ней благополучием, а также толерантностью, очищающей пространство контакта от европейской культурной традиции и устоявшихся норм жизни. В таком случае иммигрант, — человек из другого мира, превращается в своеобразный феномен, позиционирующий себя в новой, принимающей среде как символическое напоминание о двойных стандартах, колониализме и несправедливостях европейцев по отношению к его миру. Но так ли все однозначно?

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО: ИММИГРАЦИЯ КАК «ЗЕРКАЛО ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА»

Люди нередко думают о том, как выглядят со стороны. Другого человека, мнением которого мы интересуемся, который и есть, в сущности, наше зеркало («зеркало для человека» — К. Клакхон), по разным причинам мы подменяем обычным зеркалом и этим вполне удовлетворяемся. И если в обыденной жизни, в воображаемом культурном пространстве, своей «стерильной» социальной среде мы можем об этой подмене не думать, жить по инерции, то в контексте миграции мы думать об этом обязаны, потому что от этого зависит наше прошлое, настоящее и будущее. В каждом из названных элементов историко-культурного и социального континуума иммигранты борются за культуру принявшего их общества как за инструмент его освоения. В такой ситуации общество иммиграции в той же степени нуждается в толерантности и защите, как и мигранты.

Понятно, что здесь толерантность не может быть просто привычкой или обычаем. Последние «исчезают с пугающей скоростью, с какой их забывают и перестают им следовать, если только новые обстоятельства требуют перемен в манерах и схемах поведения» [1. С. 13]. Толерантность не может быть здесь также

терпимостью, как «безмысленность» оправданием. Она может быть приглашением к осмысленной гражданской позиции, ответственному к себе отношению, к своей истории и культуре. Толерантность здесь — это умение признавать себя и других.

Мы часто находимся в ситуации, институционально корректно оформленной, но двусмысленной, когда говорим, заботимся об иммигрантах, пишем о них книги, предлагаем «золотые клетки» в виде политик позитивной дискриминации, особый статус, уважение, но не социальное партнерство. Социальное партнерство требует другого характера и содержания социальных отношений, потому что основывается на ответственности и равноправии, предполагающих равную степень участия и равную меру ответственности за события, действия, музыку, песни, фильмы и совместную повседневность, инициаторами или участниками которых мы выступаем. Весьма показательны в этом смысле слова бывшего Президента Ирана М. Хатами, — «Нередко мы сталкиваемся с тем, — подчеркивал он, — что в востоковедении к Востоку относятся как к объекту изучения, а не как ко „второму участнику диалога“. Для того чтобы действительно состоялся настоящий диалог между цивилизациями, совершенно необходимо, чтобы Восток стал подлинным участником обсуждения, а не оставался только объектом изучения» [15. С. 401].

В этой связи важно напомнить, что толерантность в форме политкорректности — вплоть до отказа от своей культуры — воспринимается людьми из других стран и культурных миров как-то по-своему, иначе, чем это можем вообразить себе мы. Можно представить, что наше радушное, исполненное саморазрушительного культурного символизма предложение конкретным иммигрантам «чувствовать себя как дома» вполне воспринимается ими как возможный сценарий их собственного будущего здесь, исполненного доброжелательства, но лишенного религиозного и осмысленного культурного содержания. Вполне вероятно, что именно эта перспектива по-настоящему их пугает. Неудивительно, что спасение при этом они ищут в религиозных практиках, в этнической самодеятельности, совместных празднованиях, социальных связях по земляческому, родственному или культурно-религиозному признакам, постепенно отдаляясь от культурно и религиозно других.

На первый взгляд, в таком способе поддержания своей системы ценностей нет ничего предосудительного. Даже — напротив, его можно приветствовать. Но именно такого рода практики оказывают решающее воздействие на появление религиозных, этнических и «культурных островов», когда за границами последних теряется нить осмысленного существования общего социального пространства, в котором важно жить и строить планы на будущее совместно с культурно другими, а не проповедовать «островной» порядок устроения человеческого общества.

ИММИГРАЦИЯ КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ ЕВРОПОЦЕНТРИЗМА

Второй контекст иммиграции в некотором смысле связан с первым и, может быть, даже является его продолжением. В его основе находится принцип европоцентризма — то есть такой порядок отношений между агентами, в соответствии с которым правила игры меняются только в интересах одного — наиболее

сильного из них, но всегда в ущерб интересам другого. В этом смысле интересны два теоретических положения, сформулированные А. Туреном.

Одно из них гласит, что в основе западных представлений о модернизации лежит идея революции, провозглашающая, с одной стороны, принцип разрушения до основания, а с другой, — принцип созидания. Второй принцип как раз и содержит объяснение общего механизма их действия.

«Европейский опыт, — пишет А. Турен, — который так долго господствовал на мировой сцене, черпал свою силу, жестокость и пугающую способность к экспансии главным образом в уверенности, что современность должна быть создана исключительно усилиями разума и что ничто не должно противостоять тому универсализирующему влиянию, которое разрушит все социальные и культурные традиции, верования, привилегии и сообщества» [14. С. 98].

В контексте сказанного движение населения в форме иммиграции выполняет двоякую функцию. С одной стороны, оно способствует изменению верований, традиций, социальных связей, высвобождает силу мобильности самих мигрантов. С другой, — трансформирует контуры социальных, культурных и информационных полей, преобразуя человеческий потенциал, превращая творческую энергию миграции в инструмент обогащения и силы. Поддержание рациональности в ущерб культуре здесь является условием осуществления господства.

Это означает, что сохранение культуры, религии и традиции не является первостепенной задачей агентов, реализующих стратегии экономической, военной и информационной экспансии. Тем более что они могут не принадлежать к так называемому принимающему обществу, а быть третьей стороной, например, сырьевой транснациональной кампанией. В этом контексте иммиграция приобретает еще и значение феномена, включающего в себя не только обездоленных войной или безработицей иммигрантов или просто людей, ищущих возможностей профессиональной самореализации, но так называемых «новых кочевников», путешествующих со своими несметными капиталами по сырьевым и людским клондайкам в целях обогащения, не неся никакой ответственности ни перед правительствами, ни перед странами их принявшими [4. С. 202].

В русле второго контекста иммиграция в странах Евросоюза рассматривается национальными и общеевропейскими институциями как способ улучшения демографических показателей, увеличения численности работоспособного населения, желательно с высшим или иным специальным профессиональным образованием, обеспечения социальных гарантий пенсионерам и другим категориям граждан. Типичными элементами дискурса иммиграции в Германии, например, являются экспертные мнения, что население страны к 2060 г. уменьшится с 77 до 62 млн жителей. И для того чтобы избежать дефицита рабочей силы, а также других социальных проблем, необходимо ежегодно завозить 27 000 хорошо образованных молодых людей [17].

В соответствии с этим часть населения в странах западного крыла Евросоюза или «старой Европы» считает иммиграцию положительным фактором изменений в экономике, культуре и обществе. Демонстрации в поддержку иммиграции и иммигрантов, организованные в этой части Евросоюза, свидетельствуют о рациональном к ней отношении, а также об определенных демографических и социаль-

ных выгодах такой позиции. Например, по данным Евростата на январь 2014 г. в большинстве стран «старой Европы» доля иммигрантов составляет более 7% населения. Исключением здесь являются Франция, Нидерланды, Финляндия и Чехия, в которых доля иммигрантов меньше этой цифры. В восточной группе стран Евросоюза доля иммигрантов в структуре населения в основном не превышает 1,5%, исключением являются только Эстония и Латвия [16. P. 20]. Таким образом, линия открытости национальных границ иммиграции в Европе отчетливо обозначена. Страны «старой Европы» имеют сильные экономики, переосмысляют себя как общества иммиграции и делают ставку на общеевропейские ценности, тогда как на Востоке Евросоюза слабость национальных экономик компенсируется возрастанием роли этничности и культуры, закрытостью стран для иммиграции. Как представляется, именно эта причина лежала в основе общеевропейской дискуссии о квотах на иммигрантов [11].

Современный дискурс иммиграции приобрел в Европе значения, характерные для стран классической иммиграции, где политика привлечения в страну иностранцев была нацелена в основном на решение демографических проблем и пополнение рынков труда. Исходя из этого, по способам воспроизводства населения страны мира до настоящего времени подразделяются на две группы — на так называемые страны классической иммиграции: США, Канада, Австралия и др., которые решали свои демографические задачи путем ежегодных квот на ввоз иммигрантов из Европы, Азии и Латинской Америки, и на государства, обеспечивающие прирост численности населения в целом за счет внутренних ресурсов и незначительной внутрирегиональной иммиграции. Это в основном страны Европы, Азии, Африки и Латинской Америки.

В европейских странах реализуются проекты, аналогичные демографическим проектам стран классической иммиграции. По отношению к иммиграции они также подразделяются на две группы. Одна из них, — западная группа стран Евросоюза, — подобно Австралии, США и Канаде, осознают себя обществами иммиграции. Другая, — восточная группа стран, — подобно старой Европе поддерживает обособленность и закрытость национальных границ.

И если в западной группе Евросоюза поддерживается высокий интерес к иммиграции, то в странах классической иммиграции, в частности в США, современное отношение к иммиграции существенно изменилось. «Взгляды на иммиграцию обнаруживают еще больший регресс. По тому вопросу, в котором Соединенные Штаты когда-то были примером для всего человечества, — пишет Фарид Захария, — страна заняла позицию оскалившегося зверя. Если прежде мы жаждали быть пионерами во всех видах новых технологий, то теперь мы смотрим на инновации со страхом: мы боимся перемен [9. С. 69]. Таким образом, общество, принимающее мигрантов, непосредственно вовлечено в иммиграцию, ее динамику и сопутствующие ей перемены. Изменения затрагивают при этом не только сферу производства и политики, но также сферу культуры, предполагающей новые темпы изменений в образовании, образах жизни и идентичности. С учетом этих обстоятельств формируются новые подходы к изучению различных комбинаций взаимодействий иммигрантов, принимающего населения и «третьих акторов».

В сложившихся условиях ни одних, ни других, ни третьих уже невозможно рассматривать по-старому - как монолитные, гомогенные социальные и культурные образования, как застывшие во времени традиции, формы социальной жизни и центры политико-экономического доминирования и управления.

В силу разных причин, в том числе и в силу миграционного прошлого, им присуща внутренняя экономическая, культурная и социальная неоднородность, подвижность. Коллективное осознание этой гетерогенности в границах принимающего общества, например, вынуждает артикулировать групповые интересы. В их контурах оформляются противоречия, конкуренция, борьба за ресурсы, социальная иерархия, стремление к присвоению социальных и физических пространств [7. С. 57].

Линии социокультурных конфигураций в зонах взаимодействия, как линии потенциального соприкосновения, в том числе и с новыми иммигрантами, становятся не просто более протяженными, но значительно более мобильными, проницаемыми для контактов.

В эти процессы и отношения в определенной форме и на сходных основаниях вовлекаются и иммигранты, которых также нельзя рассматривать как целостную монолитную культурную или этническую группу. Часто даже в пределах «одной национальности» они представляют собой этнический и культурный калейдоскоп групп. Сообщества мигрантов имеют сложную социальную иерархическую структуру. Уже только эти факторы указывают на то, что они не готовы к сценарию ускоренной интеграции и ассимиляции. Зачастую именно в силу этого они становятся объектами манипуляции. Особенно в форме колонизации, определяющей прибыли от локализации и близости к источнику ресурсов [7. С. 57—58]. В контекстах всех этих условий и противоречий иммигранты выступают в роли новых агентов социальных пространств и ситуаций, привносящих миграционный контекст в актуальные информационные, социальные и культурные события современности. Например, в Германии все политические партии привлекают выходцев из республик бывшего СССР в качестве своих избирателей.

Представляется, что в новейших исследованиях иммиграции важно учитывать изменение отношения к дихотомической оппозиции коренного населения и мигрантов. Ведь в реальности редкостью являются группы населения, а также индивиды, не имеющие «за плечами» миграционной истории. Терминологические упражнения в этой сфере сопряжены часто с неясными дефинициями. Каждый вид и тип миграции имеет свои контекстуальные особенности, социальные и культурные конфигурации. В связи с этим представления о миграции «вообще» и жонглирование определениями непродуктивны. Как уже говорилось, военное принуждение к демократии или иным, например, авторитарным политическим режимам также вызывает значительные потоки беженцев-мигрантов. Контексты миграции в этих ситуациях особенно важны с точки зрения социального восприятия и понимания их причин и последствий. В связи чем наряду с социологическими подходами важно использование антропологических методов измерения и интерпретации социальных ситуаций и процессов.

ИММИГРАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ БЕЗОГОВОРОЧНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Третий контекст иммиграции касается восточной группы стран Евросоюза, для которой характерна высокая чувствительность к вопросам сохранения национальной культуры, сообщества, языка и традиции.

Будучи вовлеченным в процессы миграции в пределах европейских рынков труда, трудоспособное население из стран Восточной Европы проходит, с одной стороны, своеобразное обучение интеграции в общеевропейском социокультурном пространстве. С другой, — освобождает свои, локальные рынки труда и пространство культуры для других иммигрантов — беженцев, существование которых обеспечивается в том числе из бюджета.

Это две принципиально разные ситуации миграции, а также категории мигрантов. Мигрировавшие в Европу европейцы по опыту знают, что интеграция в сегмент общества, где они живут и работают, не предполагает никакой социальной или финансовой поддержки. Не требует она и глубокого изменения моделей родной культуры, особенно если планируется возвращение домой. Для успешной жизни в новой среде достаточно иметь профессию, освоить немногие общие правила и стандарты институциональной и повседневной коммуникации, а также английский язык.

В восточных странах Евросоюза к иммигрантам предъявляются иные интеграционные требования, предполагающие глубокое вовлечение в национальное сообщество, этнические пласты культуры принявшего общества и соответствующий национальный язык. Вследствие этого контексты миграции имеют здесь весьма показательное однообразие. Для стран Балтии важно, например, чтобы размер квоты на иммиграцию был небольшим [12].

Обязательным требованием к иммигрантам является изучение соответствующего государственного языка, культуры, получение профессионального образования и интеграция в национальное общество. Каждое из этих требований несет на себе контекстуальную печать, находящую отражение в социальных ситуациях, а также в образах, характеризующих этническое и культурные параметры населения регионов, городов и отдельных локальностей. В этой связи в странах Балтии «...опасаются не самих мигрантов, а того, что они не будут изучать местные языки и культуру...» [13].

Опыт интеграции различных этнических и культурных групп населения в так называемую «этническую группу большинства» показывает, что сценарий ускоренного включения иммигрантов является не всегда выполнимым. В этом случае иммигранты и принимающее общество могут постепенно дифференцироваться друг от друга. Этот сценарий тем более вероятен, когда принимающее общество ставит условие культурной интеграции, а наднациональные структуры предписывают финансирование некоторых групп иммигрантов без учета этих обязательств. Конфигурации социальных констелляций, возникающие при этом, характеризуются накоплением энергии разнообразных групповых стратегий социальной, культурной, экономической и политической жизни. В этих условиях группы иммигрантов либо становятся политическими акторами, либо перестают быть

религиозными, этническими и культурными. В каждом конкретном случае они отражают вектор интеграционного побуждения национального общества, транснационального пространства или отдельной локальности.

В этом смысле интересна интерпретация отношений между иммигрантами и французами, выполненная Ж. Бодрийяром. По его мнению, есть три принципиальных ситуации, позволяющих оформляться стратегии социальной сегрегации. Первая состоит в том, что «одни и другие живут сами по себе». Вторая подчеркивает социальную дистанцию, когда «иммигранты все еще остаются для французов неприкасаемыми». Третья определяет порядок культурного взаимодействия, когда «культурные правила могут наследовать и создавать только французы» [5. С. 158].

Этнические и культурные группы населения, иммигрантские сообщества в этом случае важны не как статистическая категория, а как имеющие особенное методологическое контекстуальное значение, как социальные и культурные общности. Они выступают в роли своеобразных генераторов социальной энергии, позволяющей устанавливать направленность и характер процессов взаимодействия, выявлять факторы переопределения физических и социальных пространств, находить новые формы реконфигурации, обновления и смены идентичностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] *Арендт Х.* Жизнь ума. СПб.: Наука, 2013.
[2] *Арендт Х.* Скрытая традиция. М.: Текст, 2008.
[3] *Арриги Д.* Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.
[4] *Бауман З.* Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
[5] *Бодрийяр Ж.* Америка. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2000.
[6] *Брюкнер П.* Тирания покаяния: эссе о западном мазохизме. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009.
[7] *Бурдье П.* Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
[8] *Гидденс Э.* Неспокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? М.: Издательский дом «Дело», 2015.
[9] *Захария Ф.* Постамериканский мир. М.: Издательство «Европа», 2009.
[10] *Керни Р.* Диалоги о Европе. М.: Издательство «Весь Мир», 2002.
[11] Кризис солидарности. URL: https://lenta.ru/articles/2015/06/19/eu_crisis/2016-02-27.
[12] Прибалтийские страны взбунтовались против решения Брюсселя. URL: http://www/ntv.ru/novosti/1421337/12.02.2016.
[13] Прибалтика взбунтовалась против африканских мигрантов. URL: http://www.ntv.ru/novosti/1419642/ 2016-02-27.
[14] *Турен А.* Идея Революции // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 1.
[15] *Хатами М.* Ислам в современном мире // *Дмитриев В.А.* Миграция: конфликтное измерение. М.: Альфа-М, 2006.
[16] *Hawkins O.* Migration Statistics / Briefing Paper. Number SN 06077, 25 February 2016. URL: www.parliament.uk/commons-library|intranet.parliament.uk/commons-library| papers@parliament.uk|/2016-03-07.
[17] *Loeffelholz H.D.* Demografischer Wandel und Migration als Megatrends. URL: http://www.bpb.de/apuz/33449/demografischer-wandel-und-migration-als-megatrends? p=all 2.3.2011 /2016-02-12.

IDENTITY AND CULTURE IN THE CONTEXTS OF IMMIGRATION

A.I. Kuropjatnik
Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia

The article considers contexts and contextuality as a means to analyze the contemporary immigration, which is defined as a factor of global competition in the framework of the first context. The typical research model of 'donor-recipient' is supplemented by a third actor — political and economic world centers, and the world's multinational companies that invite migrants in order to redistribute the labor resources on the most important labor markets. Immigration is used as an instrument to regulate state social policies; immigration contributes to the social and cultural fragmentation of Europe. The second context is devoted to the study of the rationalization principle as a form of European expansion. Following the conception of A. Touraine, the author defines the rationalization as a form of expansion and as one of the European civilization features that destroys social and cultural constellations. Today Europe is divided into two parts in relation to immigration: the western part (or group of countries) reproduces the immigration model typical for the classic immigration in the past (it is open to immigration); the eastern group of countries reproduces the perception of immigration typical for the old Europe (it is closed to immigration). The determining factor of immigration is the force of attraction of economic and financial world centers; however, the new feature of immigration is that it becomes predominantly nonreturn. The third immigration context is based on the declaration of the priority of culture, traditions and values of the national community. Immigration here is undesirable, non-labor and unacceptable for local labor markets. Immigrants are refugees partly supported by the budgetary funds. Immigrants face high integration requirements such as the study of the language, culture and social norms of the host society.

Key words: sociology of migration; social anthropology of migration; immigration; contexts of immigration; culture; identity; the European Union; globalization

REFERENCES

[1] *Arendt H.* Zhizn' uma [The Life of the Mind]. SPb.: Nauka, 2013.
[2] *Arendt H.* Skrytaia tradiziia [Latent Tradition]. M.: Text, 2008.
[3] *Arrighi G.* Dolgii dvadzatyi vek: Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni [The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times]. M.: Izdatel'skii dom «Territoriia budushchego», 2006.
[4] *Bauman Z.* Tekuchaia sovremennost' [Liquid Modernity]. SPb.: Piter, 2008.
[5] *Baudrillard J.* Amerika [America]. SPb.: «Vladimir Dal'», 2000.
[6] *Bruckner P.* Tiraniia pokaianiia: esse o zapadnom mazohizme [The Tyranny of Guilt: An Essay on Western Masochism]. SPb.: Izd-vo Ivana Limbaha, 2009.
[7] *Bourdieu P.* Soziologiia sozial'nogo prostranstva [Sociology of Social Space]. M.: Institut eksperimental'noi soziologii; SPb.: Aleteiia, 2007.
[8] *Giddens E.* Nespokoinyi I mogushchestvennyi continent: chto zhdiet Evropu v budusgchem? [Turbulent and Mighty Continent. What Future for Europe?]. M.: Izdatel'skii dom «Delo» RANHiGS, 2015.
[9] *Zakaria F.* Postamerikanskii mir [The Post-American World]. M.: Izdatel'stvo «Evropa», 2009.
[10] *Kearney R.* Dialogi o Evrope [Dialogues on Europe]. M.: Izdatel'stvo «Ves' mir», 2002.
[11] Krizis solidarnosti [Solidarity crisis]. URL: https://lenta.ru/articles/2015/06/19/eu_crisis/ 2016-02-27.
[12] Pribaltiiskie strany vzbuntovalis' protiv resheniia Briusselia [Baltic countries have rebelled against the decision of Brussels]. URL: http://www.ntv.ru/novosti/1421337/ 12.02.2016.
[13] Pribaltika vzbuntovalas' protiv africanskih migrantov [Baltic rebelled against African migrants]. URL: http://www.ntv.ru/novosti/1419642/2016-02-27.
[14] *Touraine A.* Ideia revoliutsyi [The idea of revolution]. Soziologicheskoe obozrenie. 2014. Vol. 13. No 1.
[15] *Khatami M.* Islam v sovremennom mire [Islam in the modern world]. *Dmitriev V.A.* Migraziia: konfliktnoie izmerenie. M.: Al'fa-M, 2006.

РЕАЛЬНЫЕ И НОМИНАЛЬНЫЕ КОЛЛИЗИИ В АРСЕНАЛЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ*

А.Г. Киселев

Информационный бюллетень «Президентский контроль»
Администрации Президента Российской Федерации,
Москва, Россия

П.Н. Киричек

Международный университет природы, общества и человека «Дубна»,
Дубна, Россия

В статье исследуются формы и методы государственного управления в переходном обществе — с точки зрения адекватности его арсенала целям и задачам модернизации социума. Оценивается стратегические и тактические возможности устоявшейся практики современного управления для решения проблем организации и самоорганизации общественной жизни. Анализируется объем ресурсно-правовой достаточности для оперативно-управленческого творчества со стороны органа власти административно-территориальной единицы. С точки зрения авторов, серьезным барьером для эффективных отношений органов власти федерального центра и субъектов является неопределенность целостной системы единых и постоянных принципов, что не позволяет оба уровня рассматривать как единый социальный институт и препятствует налаживанию устойчивой и продуктивной властной «вертикали». Повышению управляемости регионов как административно-территориальных образований сложно достигнуть без налаживания всего комплекса отношений между различными уровнями государственной власти. Авторами дается характеристика основному механизму управления на современном этапе реформации страны — регулированию, его сущности и функционально-технологическим основаниям. Определяются основы реализации двух ведущих принципов регулирования социально-экономической жизни страны и ее регионов — территориального и отраслевого. Акцентируется внимание на необходимости преодоления субъектами руководства (органами власти) сложившихся диспропорций в пределах их компетенции, или соотношением управленческой номинальности и реальности.

Ключевые слова: государственное управление; формы управления; методы и практики управления; регулирование; территориальный принцип; отраслевой принцип; компетенция; полномочия; правовой ресурс

Эпоха реформирования неизбежно порождает различные коллизии «номинальности — реальности»: например, она обусловливает переменный характер государственного управления, опирающегося на весьма подвижный арсенал собственных форм и методов. Подвижный в смысле «быстро меняющийся и сильно обновляющийся арсенал», что открывает для органов власти большие возможности для оперативно-управленческого творчества. Именно оперативного, поскольку сегодняшние федеральные, региональные, муниципальные управленцы с начала 90-х гг. XX в. продолжают испытывать дефицит всего необходимого для осуществления как стратегического, так и тактического руководства страной и ее административно-территориальными единицами: в частности, недостаточность правовой базы, этической основы, социально-культурного фона, информационных, организационных, финансовых ресурсов.

* © А.Г. Кисилев, П.Н. Киричек, 2016.

Со стороны органов власти основным механизмом оперативного управления процессом развития социума в переходных условиях является регулирование — это «установление и практическое исполнение определенных правил (норм) поведения и деятельности» [1. С. 338], причем с обеих участвующих в общем деле сторон — как управляющего субъекта (лица, структуры, органа власти), так и управляемого объекта (индивида, коллектива, ситуации, явления). Прагматический (функционально-технологический) характер этой дефиниции точно соответствует сути регулирования, имеющего четкое целевое отличие от других составляющих элементов управленческого комплекса — в частности, прогнозирования, экспертирования, планирования и т.д.

Разумеется, меры регулирования по причине универсальности процесса управления присутствуют на любой его стадии, поскольку необходимость интроекции поправок, корректировок, уточнений, дополнений в периметре руководства субъекта каким-либо объектом обычно возникает в постоянном режиме. В производственном обиходе для любого органа власти и его руководителя это означает «держать руку на пульсе»: в противном случае управленческие решения, какими бы многообещающими по замыслу (прогнозу) они ни были, не принесут из-за не просчитанных отклонений от нормальных условий ожидаемого социально-экономического эффекта, а само управление окажется несостоятельным по достигнутому результату.

По функционально-технологическим основаниям регулирование увязывается в первую очередь с тем конкретным этапом управления, который терминологически определяется как «целереализация». Этот этап является своеобразной «золотой серединой» процесса управления, который начинается с этапа «целеполагание» и завершается этапом «целедостижение». Разумеется, успешность всего этого процесса с учетом неизбежности его регулирования во многом зависит «от самой природы управления, парадоксального сочетания в ней прерывности и непрерывности. Целевой характер управления требует фиксации во времени достижения определенного результата, но при этом нельзя сказать, что деятельность по построению системы управления предполагает его дискретность» [2. С. 139].

Наибольшую потребность в оперативно-управленческом творчестве, связанном с разработкой и запуском эффективных механизмов регулирования социально-экономического развития, испытывают в настоящее время субъекты Российской Федерации, названные раньше основным звеном государственного управления в масштабах всей страны. Субъект РФ (республика, край, область) также является своеобразной «золотой серединой» управленческой вертикали страны — между федеральным центром и муниципальным образованием. Специфика государственного управления на уровне субъекта РФ объясняется, прежде всего, сложным средостением отраслевого и территориального начал социально-экономического развития региона.

Это территориально-отраслевое средостение понуждает региональные органы власти постоянно решать управленческие проблемы (цели и задачи) двойного свойства: с одной стороны, стратегические — для всего региона, которые смыкаются с векторами развития федерального масштаба, а с другой стороны, такти-

ческие — для отдельных муниципальных образований, которые вписываются в направления развития регионального значения. И здесь ведущие для региона принципы — отраслевой и территориальный — образуют два полюса государственного управления, которые придают ему организационно-методологическую законченность, позволяющую успешно применять эффективные меры оперативного регулирования к различным ситуациям социально-экономического характера.

Во-первых, на полюсе отраслевого регулирования (на примере трех республик Приволжского федерального округа — Чувашии, Мордовии, Марий-Эл), если судить по материалам административного делопроизводства, основными субъектами руководства выступают, главным образом, министерства и ведомства, возможности которых во многом обусловливаются соотношением прав и функций в пределах их компетенции или сложившейся пропорцией управленческой номинальности и реальности.

Практика последних десяти лет показывает, что права министерств и ведомств республиканского уровня являются неадекватными возложенным на них управленческим функциям. В большинстве положений о данных субъектах управления в явно недостаточном объеме прописаны нередко самые важные для властного регулирования и координации организационно-административные и финансово-хозяйственные полномочия. В частности, право финансировать деятельность соответствующих отраслей и работу подведомственных организаций и учреждений предоставлено лишь некоторым министерствам и ведомствам, что изначально лишает систему отношений «субъект — объект» всякой производственно-управленческой логики. Во многих положениях отсутствует также право контроля данных субъектов за финансово-хозяйственной деятельностью подведомственных структур, в результате чего система управления, лишенная элемента самопроверки, заранее оказывается лишь частично эффективной.

На самом деле министерств с наделенными отраслями, но с пустыми для их инвестирования карманами, не должно быть в принципе. Кроме того, управленческий пустоцвет неизбежно вырастает в пределах министерств, лишенных контрольных инструментов. И первым, и вторым компонентами нужно наделить республиканские отраслевые министерства и ведомства, которым как воздух необходимо заполучить дополнительные организационно-административные и финансово-хозяйственные полномочия. При этом чашу управленческих весов вполне можно удержать в равновесии, если одновременно усилить контроль за деятельностью министерств и ведомств со стороны профильных отделов республиканских правительств и региональных управлений, а также повысить роль властных структур общей компетенции (министерств экономики и финансов) в координации экономической деятельности отраслевых подразделений.

Дисбаланс в процессе регионального управления часто имел реформационные корни: многие изменения в наборе прав и функций министерств и ведомств, сделанные в 90-е гг. XX в., сразу шли не в плюс, а в минус. В частности, если лишить министерство возможности быть интеллектуально-организационным лидером в своей отрасли, или другими словами: закладывать основы государствен-

ной политики региона по данному профилю, а также отстранить его от формирования показателей республиканского бюджета, то вряд ли оно станет действовать с большим эффектом в рыночных условиях, не будучи одновременно и генератором, и реализатором собственноручно составленных и защищенных перед законодателями программ развития.

За примером далеко не нужно ходить: в круг исходных целей и задач деятельности марийского Министерства социальной защиты населения как раз и не входят разработка основ государственной политики региона в этой сфере, а также участие в формировании показателей республиканского бюджета. В итоге на долю министерства выпадает в основном текущая «оперативка» с исполнением спущенных сверху контрольных показателей и обязательных мероприятий, что практически сводит к нулю аналитический (прогнозно-плановый) потенциал большого контингента профессиональных управленцев — лучших специалистов в своем деле.

Перечень проблемных зон регионального управления значительно расширяется по причине назревающей корректировки специфических функций республиканских министерств (ведомств). Многое из управленческого статус-кво в регионах не поддается простой логике, например: почему в Положении о Министерстве финансов Республики Чувашии не определяются статус, подчиненность и полномочия входящей в его структуру Комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку; почему Государственный комитет по поддержке и развитию малого предпринимательства Республики Марий-Эл не имеет права распоряжаться средствами Фонда поддержки предпринимательства, к тому же подчиняющегося в настоящее время Антимонопольному комитету; почему в Положении о Министерстве торговли и бытового обслуживания Республики Мордовии не прописывается обязанность проведения маркетинговых исследований, без чего в современных условиях невозможно определить ключевой функциональный момент — динамику спроса и предложения на региональном рынке товаров и услуг.

Это только три «почему» отраслевого характера, сделанных, как говорят, навскидку. А сколько еще подобных вопросов может возникнуть и потребовать на них ответов, если глубоко проанализировать все нормативные акты, регулирующие деятельность министерств и ведомств республик. И для того чтобы преодолеть дисбаланс между номинальностью и реальностью в сфере регионального управления, необходимо прежде всего разработать модельный вариант Положения о министерстве (ведомстве) субъекта Российской Федерации.

Во-вторых, на полюсе территориального регулирования (на примере тех же республик Приволжского федерального округа — Мордовии, Чувашии, Марий-Эл с взятыми для анализа аналогичными материалами административного делопроизводства) многие управленческие проблемы в основном являются прямым следствием общей незавершенности государственного строительства в масштабах всей страны. По этой причине в деятельности органов управления разных уровней постоянно возникают дисфункции, вызванные в том числе противоречивостью политики федерального центра, неоднократно менявшего стратегические установки на модель общественного жизнеустройства: то он заявлял регионам, что они

могут брать суверенитета столько, сколько могут «переварить», то в скором времени взятые ими права отбирал назад. Например, сначала глав республик избирали всем населением, потом их назначали президентским указом, потом полуназначали/полуизбирали в местных — послушных исполнительной власти — парламентах, теперь их снова избирают прямым народным голосованием.

Противоречивая региональная политика с бесконечной сменой правил игры (с манипуляциями в пользу федерального центра) неизбежно порождает на системном уровне непонимание между федеральными, региональными, муниципальными органами власти, что не может, естественно, служить прочным основанием для создания реального и последовательного комплекса механизмов территориального управления. Складывающаяся в стране ситуация усугубляется тем обстоятельством, что в попытках создания оптимальной модели государственного территориального управления с подачи федеральной власти, предпочитающей следовать неолиберальной теории и практике общественного развития, по существу игнорируется отечественный исторический опыт, о чем публично говорят даже юмористы, например, М. Задорнов: «Префект Клячкин и шериф Драчкин уселись в „мерс“ и отправились на сход граждан»...

Сложность территориального регулирования в субъектах Российской Федерации начинается с определения самих единиц управления, в состав которых включаются три группы: города республиканского значения, районы, территории поселковых (сельских) советов, обладающие статусом субъектов муниципального управления. И здесь в механизмы управления сразу закладываются серьезные помехи: принадлежность таких крупных территориальных единиц, как города и районы, к системе местного самоуправления, во-первых, лишает органы государственной власти субъектов Федерации возможности напрямую влиять на значительную часть происходящих в регионе процессов, во-вторых, не позволяет местным сообществам решать многие задачи, часто требующие государственного финансирования.

Для разрешения этой непростой проблемы можно предложить несколько сценариев реформирования системы властных отношений, в частности: передача органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий и (или) назначение в городах и районах того или иного региона представителей его администрации; наделение статусом муниципального образования административно-территориальных единиц, за исключением районов и городов республиканского значения; предоставление государственного статуса органам местного самоуправления городов и районов республик и включение их в единую «вертикаль» государственного управления. Последнее предложение согласуется с идеями актуального до сих пор Указа Президента РФ от 22.12.97 г. № 1353 «О мерах по совершенствованию взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в Удмуртской Республике».

Однако все три реформационных варианта связаны с определенными трудностями в их реализации. Первая — с необходимостью совершенствования существующего законодательства (от издания новых законов до внесения изменений

в конституции страны и ее регионов), вторая — с установлением обязательных гарантий населению территорий права на осуществление местного самоуправления и учета его мнения при изменении границ самоуправляющих территорий.

Ну и, конечно, реформы реформами, но они ни в коем случае не должны принижать значения местного самоуправления, органы власти которого задействованы на оказании повседневных услуг гражданам и решении житейских проблем населения. В этой связи никак не идет на пользу общему управленческому консенсусу, когда «региональные власти вмешиваются в дела местного самоуправления или деятельность территориальных органов федеральной власти, что существенно сдерживает реализацию экономической и других реформ. Предстоит модернизировать функции и структуру исполнительной власти, формы ее взаимодействия с законодательными органами» [3. С. 20].

Поскольку сейчас на повестке дня стоит вопрос о формировании в России гражданского общества, то функции органов муниципального управления должны как само собой разумеющееся включать в свой круг различные инициативы населения по месту жительства. Вектор таких инициатив берет начало от системы территориального общественного самоуправления (ТОС), становление которой сегодня лишь начинается в регионах. Она в наибольшей степени выражает смысл местного самоуправления, максимально приближенного к потребностям населения и зависимого непосредственно от него. Значительным плюсом системы ТОС является то, что она функционально дополняет государственные органы и органы местного самоуправления, а главное — формирует внебюджетные источники финансирования, при этом содействует консолидации денежных средств населения и вовлечению их в социально-экономический оборот.

Процесс территориального регулирования в принципе не может быть эффективным без элемента саморегулирования. В этой связи важным резервом реформирования местного самоуправления на поселенческом уровне должна стать максимальная приближенность и непосредственная зависимость его органов от населения. Власть на данном уровне должна осуществляться напрямую избранным населением и ответственным перед ним руководителем администрации. Представительные органы, например, сельсоветы, в этом случае могут в некоторых случаях иметь альтернативу в форме сходов, собраний и т.п.

Самой острой проблемной зоной федерального, регионального, муниципального управления и раньше была, и сегодня остается «стыковка» прав, полномочий и функций государственных и негосударственных субъектов власти. Как воздух, здесь требуется выработка таких механизмов разграничения полномочий между Федерацией, ее субъектами и органами местного самоуправления, при которых будут, во-первых, исключаться любые формы сепаратизма, во-вторых, нивелироваться объективные неравенства между регионами. Это особенно важно сейчас, когда для нашего социума вновь стало «характерно состояние раскола — экономического, социального, политического, культурного, которое являлось отличительной чертой Российского общества на протяжении последних трех столетий, если не считать советский период. Раскол и отпад от общества выражаются в виде постоянных потоков массовой эмиграции из России в течение последних двух столетий» [4. С. 493].

Серьезным барьером для эффективных отношений органов власти федерального Центра и субъектов Федерации является неопределенность целостной системы единых и постоянных принципов, что не позволяет оба названных уровня рассматривать как единый социальный институт. Это препятствует налаживанию устойчивой и продуктивной властной «вертикали», поэтому любой степени повышения управляемости регионов как административно-территориальных образований нельзя достигнуть в современных условиях без налаживания всего комплекса отношений между различными уровнями государственной власти.

От добра, как говорится, добра не ищут: в соответствии с Конституцией России между федеральными органами власти и большинством субъектов Федерации заключены договоры и соглашения о разграничении предметов ведений и полномочий. Между тем анализ применения этих соглашений показывает, что они по большей части не достигают поставленных целей и не повышают эффективность государственного управления в основном из-за половинчатости их содержательных установок. Разграничение полномочий федеральной и региональной государственной власти и местного самоуправления в вопросах регулирования социально-экономического развития территорий должно отвечать следующим условиям: быть, по возможности, исчерпывающим, содержать механизм осуществления как общих целей, так и взаимно делегированных полномочий, основываться на принципе субсидиарности (дополнительности).

Всех этих качеств явно недостает нормативно-правовой базе государственного регионального и муниципального управления, которая к настоящему времени не отличается целостной проработкой и нуждается в развитии. В частности, не имеет «прозрачной» правовой основы практика взаимодействия республиканских министерств и ведомств с местными органами самоуправления. Так, городские и районные отделы образования и культуры, являясь структурными подразделениями соответствующих муниципальных администраций, подчиняются министерствам образования и культуры только по методическим вопросам, в результате чего в управленческой цепочке неизбежно возникают функциональные разрывы.

Новыми гранями предстает комплекс проблем на стыке информации и управления, который порождается возрастающей актуальностью развития межотраслевого и межведомственного взаимодействия. В этой связи нельзя исключать в скором времени возможности возрождения в обновленных формах структур оперативного управления территориальными воспроизводственными комплексами в виде совнархоза, совета агропромышленного комплекса и т.п.

В случае отнесения районного и городского звеньев к государственному административно-территориальному управлению потребуется создание смежного государственно-муниципального информационно-коммуникативного механизма взаимодействия. В принципе, для системного подхода к регулированию государственно-муниципальных отношений в субъектах РФ необходимо создание специальных информационно-аналитических систем, позволяющих определять приоритеты социально-экономического развития, а также оперативно диагностировать и эффективно преодолевать назревающие проблемы управленческого свойства.

Сложный и противоречивый характер сегодняшней экономической ситуации в стране и регионах явился фактическим результатом чрезмерного завышения со стороны управленцев возможностей рыночного механизма саморегулирования производства и товарно-денежных отношений. Целая череда кризисов показывает, что резервы стихийной адаптации производителей к жестким условиям рынка уже подходят к своему концу. С каждым годом назревает потребность в частичном возрождении плановых начал в управлении народным хозяйством страны в целом, а также каждой ее территории и отрасли. Такой подход требуется, прежде всего, к формированию заказов на государственные нужды и развитию бюджетных отраслей народного хозяйства, что вызывает необходимость создания в составе федерального и региональных министерств экономики структурных подразделений, выполняющих эти функции на плановой основе. Ну а в дальнейшем не исключается даже преобразование нынешних министерств экономики в министерства планирования и прогнозирования социально-экономического развития страны и ее регионов.

Наконец, основой совершенствования экономических функций государственных и муниципальных органов территориального и отраслевого управления должна стать корректировка механизма формирования структуры собственности как важный элемент процесса регулирования. Многообразие форм собственности не требует их перевода в функциональную принадлежность государственных и муниципальных структур. Общий замысел предполагаемых преобразований состоит в повышении доли и роли государственной и муниципальной собственности в базовых отраслях и градообразующих хозяйствующих субъектах.

Ранее говорилось об отсутствии типовой управленческой модели отраслевого регулирования повседневной жизнедеятельности региона. Нет такой модели сегодня и для территориального регулирования. Особо деятельные первые лица регионов (разумеется, вместе со своей командой управленцев) стремятся заполнить этот вакуум доморощенными импровизациями, при этом зуд «хотя бы какого-нибудь» реформаторства обычно сопровождается у нынешней элиты неолиберальными публичными заявлениями: «Надо ведь что-то делать». Как правило, главная цель создания всяких территориально-регуляционных схем управления заключается в том, чтобы запустить в работу оптимальный для местных социально-экономических условий механизм финансово-бюджетных отношений, способный провести регион с его населением с наименьшими издержками между Сциллой государственности и Харибдой муниципальности. Однако редко кому из губернаторов с его командой удается этого добиться...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] *Атаманчук Г.В.* Управление в жизнедеятельности людей (очерки проблем). М.: Изд-во РАГС, 2008.

[2] *Попов В.Д.* Понятие системы государственного и муниципального управления // Государственное и муниципальное управление. М.: ИНФРА-М, 2014.

[3] *Тихонов А.В.* Социология управления. М.: «Канон+» = РООИ «Реабилитация», 2007.

[4] *Шевченко В.Н., Соколова Р.И., Спиридонова В.И.* Российское государство: опыт философского прочтения. М.: Прогресс-Традиция, 2012.

REAL AND NOMINAL COLLISIONS IN THE ARSENAL OF PUBLIC ADMINISTRATION

A.G. Kiselev

Newsletter "Presidential Control",
Moscow, Russia

P.N. Kirichek

Dubna International University for Nature, Society and Man,
Dubna, Russia

The article examines forms and methods of public administration in the transitional society in terms of the adequacy of its arsenal to the goals and objectives of social modernization. The authors assess strategic and tactical capabilities of the established management practices to meet the challenges of organization and self-organization of social life; analyze the resources and legal sufficiency of the administrative-territorial unit of power for operational and creative management. The authors believe that there is a serious barrier for effective relations of the federal center and the subjects — uncertainty of the integrated system of uniform and permanent principles, which does not allow both levels to function as a single social institution and prevents establishing a stable and productive power "vertical". It is difficult to increase the manageability of regions as administrative-territorial forms without establishing the whole complex of relations between different levels of administration. The author describe the main control mechanism at the current stage of Russian reforms — regulation, its nature, functions and technological basis; define the basis for implementing two leading principles of regulation in the social and economic life of the country and its regions — territorial and sectoral; underline the need for the subjects of management (authorities) to overcome the existing imbalances within their competence, or by the coordination of administrative nominality and reality.

Key words: public administration; forms of governance; management methods and practices; regulation; territorial principle; sectoral principle; competence; authority; legal resource

REFERENCES

[1] *Atamanchuk G.V.* Upravlenie v zhiznedejatel'nosti ljudej (ocherki problem) [Management in Human Activity (A Sketch of the Problems)]. M.: Izd-vo RAGS, 2008.

[2] *Popov V.D.* Ponjatie sistemy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie [Concept of the System of Public and Municipal Administration]. M.: INFRA-M, 2014.

[3] *Tihonov A.V.* Sociologija upravlenija [Sociology of Management]. M.: «Kanon+» = ROOI «Reabilitacija», 2007.

[4] *Shevchenko V.N., Sokolova R.I., Spiridonova V.I.* Rossijskoe gosudarstvo: opyt filosofskogo prochtenija [Russian State: The Case of Philosophical Reading]. M.: Progress-Tradicija, 2012.

CHURCHES, RETURNS DIRECTIVE, AND THE IMMIGRATION ISSUES IN THE EUROPEAN UNION

S.A. Mudrov*

Institute for Advanced Study, New Europe College,
Bucharest, Romania

This article analyses the role of Christian churches in the European Union immigration policy with the special focus on the elaboration and adoption of the Directive on common standards and procedures in Member States for returning illegally staying third-country nationals (the so-called 'Returns Directive'). The author briefly discusses the main developments of the European Union policy in the area of migration and asylum, and then identifies the key Christian organizations, which work in this sphere at the European Union level. This part of the article is followed by the detailed analysis of the process of adoption of the Returns Directive. It was the first legislative proposal made under the co-decision mechanism in the area of migration and asylum. Christian organizations were involved in this process almost from its beginning exercising their influence via statements and negotiations. Although many Churches' suggestions were not taken into account, this happened under the great diversity of opinions of the stakeholders, which made the promotion of Churches' perspective very complicated. Overall, the author considers necessary to admit that Christian organizations with all their experience and expertise proved to be respected partners of the European Union policy-making in the sphere of migration and asylum.

Key words: Christian churches; European Union; immigration; Returns Directive; religion; non-governmental organizations

In the European Union today the issues of migration and asylum are among the most controversial. Indeed, the number of people willing to enter the EU both legally and illegally does not always meet the Union's capacities (this became especially evident in the light of the 2015 refugee crisis). The issue of integrating migrants into the host societies is very acute, particularly of those of non-Christian background. These questions attract substantial attention of the mass media, political parties, and non-governmental organizations. Christian churches also are involved, in fact, their participation is logical and understandable since churches have been active in this field for several decades [6]. It is therefore impossible to ignore their contribution to the debates on the migration issues, especially when it comes with a high degree of professionalism as well as with the desire to be with the most vulnerable and suffering ones. This article analyses the contribution of Christian churches to the EU immigration policy with a focus on the adoption of the Directive on common standards and procedures in Member States for returning illegally staying third-country nationals (the Returns Directive). The structure of the article is as follows: it starts with a short overview of the main developments in the immigration and asylum policy in the European Union and the description of Christian organizations working in this area; then comes the main part — the analysis of the process of elaboration and adoption of the Returns Directive.

EU IMMIGRATION POLICY AND RELIGIOUS ORGANIZATIONS

The starting point of the European Communities' cooperation in the area of immigration takes us back to the 1970s. Its beginning at that time was modest, and the de-

* © S.A. Mudrov, 2015.

velopments afterwards were gradual, perhaps even slow. Although "from 1975 onwards intergovernmental cooperation was gradually established in the fields of immigration, the rights of asylum and police and judicial cooperation" [12], the European institutions were excluded from the process of regulating immigration and asylum. The decisions were taken at the intergovernmental level reflecting the "lowest common denominator". The path from intergovernmentalism to the supranational procedures was long and complicated. In fact, the turnaround in the European Union policy on immigration and asylum can be attributed to the entering into force in 1999 of the Treaty of Amsterdam, which "inserted new legal competences covering most dimensions of immigration law, ranging from external border controls and visas, to asylum and resident third country nationals" [4. P. 137].

From the Treaty of Amsterdam, the European Union gradually increased its competence in the sphere of immigration and asylum. The main developments in the area were grouped around the three principal stages: (1) the transitional period (1999—2004), when the power of the member states was largely preserved; (2) the period of the Hague Programme (2004—2009), when (since May 2005) the co-decision and qualified majority decision-making were used in the fields of asylum, immigration and the border control; (3) and the entering into force of the Treaty of Lisbon (December 2009) followed by the adoption of the Stockholm Programme for 2010—2014. During the first two stages the important legislative acts in the areas of migration and asylum were adopted including the ones defining the procedures for asylum seekers, the rights of legal immigrants and the measures for combating illegal immigration such as the return of migrants residing illegally in the European Union member states. The Lisbon Treaty extended the qualified majority voting and the co-decision procedures into some new areas such as legal migration, visa lists and visa formats. Under the Stockholm Programme the focus was mainly on reviewing and reforming existing legislation [9. P. 4]. After this programme was over, the Council of the European Union in June 2014 formulated "The strategic guidelines" for the legislative and operational work in the area of migration and asylum for subsequent years, and an "absolute priority" was given to the transposition and effective implementation of the Common European Asylum System [13].

Christian churches were active in the area of migration and asylum long before the European Union acquired the appropriate competence. In fact, they established special structures to deal with migration issues. All three Christian confessions — Orthodox, Catholic and Protestant — are well presented in the area, they work via such organizations, as the Churches' Commission for Migrants in Europe (CCME), International Catholic Migration Commission (ICMC), Jesuit Refugee Service Europe (JRS Europe), Commission of the Bishops' Conferences of the European Union (COMECE), Caritas Europa and the Quaker Council for European Affairs (QCEA). The strategy used by these organizations resembles that of the regular NGOs, but also reflects the specific ties of Christian NGOs with their churches. Apart from the letters and petitions (used both at the national and European levels) Christian organizations try to negotiate with the policy-makers. This seems especially efficient in the countries, where churches have close links with the authorities and their overall influence is high. However, their main role is in monitoring and assessment rather than in contribution to legislative work, although

the latter certainly takes place [20]. Indeed, even monitoring and assessment may prompt the European Union institutions to introduce some changes in legislative acts, although this is more of an indirect effect. For instance, quite recently this indirect effect could arise from strong criticism by the JRS Europe of keeping asylum-seekers in detention facilities, which, according to the JRS, shows "no response to the request of the protection" and fails to respect the dignity of the person [17. P. 3].

A direct effect is that Christian organizations endeavor to influence the content of legislation, sometimes from the early stages of its elaboration. Here churches can find themselves in the situation, where their aims and objectives substantially contradict the policy initiatives of their own countries. Even if this happens, it should not prevent the Christian community from being active in the field, especially due to the unique character of the experience, expertise and motivation of churches. An exact assessment of their influence may be almost impossible, but attempts to do this allow us to see precisely how Churches organise their work, and how they try to contribute to policy-making. One case of their contribution will be assessed through the analysis of the adoption of one of the European Union legislative acts — the Directive on common standards and procedures in Member States for returning illegally staying third-country nationals (the Returns Directive).

RETURNS DIRECTIVE: AN UNEASY STRUGGLE

The area of irregular (or illegal) immigration remains one of the most politicized, controversial, and considered in the manifestos of many political parties across Europe, although the approaches here range from negative to tolerant. Under "illegal immigrants" we understand those who either enter the European Union illegally, without appropriate entry documents, or come with relevant visas, but do not leave the European Union when they are obliged to do so (usually when their visas expire). The total number of irregular immigrants is unknown; according to the earlier Commission's estimates it ranges from 2 to 8 million people [4. P. 141]. In this area, "the EU's primary concern ... focuses on preventing the phenomenon, detecting and punishing those who facilitate it, and returning irregular migrants to their country of origin" [4. P. 141—142]. A number of measures have been taken in this field: sanctions and criminal persecution for those who assist in illegal entry or employ illegal immigrants, and the forcible return of immigrants to their country of origin [4. P. 142]. The procedures of return are now reflected in what is known as the "Directive 2008/115/EC of the European Parliament and of the Council of 16 December 2008 on common standards and procedures in Member States for returning illegally staying third-country nationals". The process of its adoption was very controversial, with a substantial division among representatives of the European Union institutions, member states and non-state actors. This could hardly be surprising, since the Directive touched upon sensitive areas and national interests of most member states, particularly those that are heavily affected by irregular immigration.

The Returns Directive was the first legislative proposal made under the co-decision mechanism in the area of migration and asylum. Heli Askola claims that this Directive "has been widely seen as a key means of establishing the Union's credibility in this

field" [2. P. 160]. Emanuela Canetta considered the adoption process of the Returns Directive "as a test case of the functioning of the new co-decision procedure" [5. P. 446]. As Steve Peers explains, "the key feature of the co-decision process is the exercise of equal legislative powers as between the European Parliament and the Council" [22. P. 2]. Normally the process is conducted as follows: first, the Commission makes a formal proposal for the relevant legislation, which is examined simultaneously by both the European Parliament and the Council — both need to formulate their position on the text. At the initial stage it is possible to reach a deal on the text, which is known as a first-reading agreement. This requires negotiations among the representatives of the Parliament and the Council. These negotiations are often informal and are lacking transparency, even to the point that "sometimes not even the shadow rapporteurs are invited to the meetings, or when they are invited they often cannot take the stand" [1. P. 25]. If the deal is reached, it should be approved by the majority of votes of MEPs and the qualified majority voting in the Council. Otherwise, the European Parliament adopts its first reading opinion and the Council adopts a "Common Position". The process moves to the "second reading", when the Parliament needs to decide whether to accept the Common Position, to reject it, or to propose some amendments. If it rejects or proposes amendments, then the Council decides whether to accept the Parliament's amendments or not. If it fails, the process moves to the third reading. The third reading requires the convening of a "conciliation committee" composed of equal numbers of MEPs and the Council representatives. If it reaches a deal, then the final text is again voted by the Parliament (a majority of votes is required) and the Council (a qualified majority is necessary). If, however, the negotiations are not successful and the agreed position is not reached, the legislative process is terminated.

Obviously, civil society organizations are not directly involved at any stage of the process unless there is a will of the Council or the Parliament to invite them. In addition, the NGOs may try to exercise their influence via friendly MEPs or (exceptionally) friendly government ministers. However, since the ministers are often less accessible, lobbying via MEPs can be more widespread, but we need to remember that successful passing of the amendment via Parliament will require the ability to convince a substantial number of its members.

The work on the Returns Directive was preceded by preliminary steps taken much earlier than the appearance in 2005 of the draft of the Commission's proposal. In 2001, in the Communication on a Common Policy on Illegal Immigration (15 November 2001), the Commission "pointed out that return policy is an integral and crucial part of the fight against illegal immigration" [10. P. 2]. Three elements were identified as a foundation of the return policy: common principles, common standards and common measures [10. P. 2]. In February 2002, the Council adopted the Action plan to combat illegal migration.

The involvement of Christian organizations in the process was registered almost from the very beginning albeit on the level of public statements and declarations. The starting point was the publication of a joint comment: in May 2002 Caritas, CCME, COMECE, ICMC, JRS Europe, and QCEA expressed their view on this issue suggesting

some humane measures to combat illegal immigration. In particular, they spoke about the necessity to open more opportunities for legal channels of immigration into the European Union (in order to decrease the illegal one), and not to exclude the possibility of regularization for those who reside illegally. Christian organizations pointed to the poor and unstable conditions for many illegal immigrants, who "work under unprotected conditions, many in the rural and agricultural sectors, providing domestic cleaning and care services, as well as employing their skills on building and construction sites, in restaurant and hotel services" [18. P. 5]. Commenting on the return measures Christian organizations expressed their support for the softer, more tolerant measures, such as "the principle of the priority of voluntary return over forced return" as well as "the necessity to consider the human rights situation in the country with which the readmission agreement is planned for conclusion" [18. P. 5].

In April 2002, the Commission presented the Green Paper on a Community Return Policy. Based on the Paper a public hearing was organized in July 2002 with the COMECE and CCME representatives taking part. Christian organizations again underlined the necessity for "clear, accessible and open procedures for legal labour migration into the EU" and "an improved efficiency and quality of asylum procedures, and an asylum policy which would make it possible to reach the territory of the Union in a legal way" [8. P. 2]. The necessity for the priority of voluntary return was highlighted, and it was clearly articulated that all measures need to "uphold the dignity of each person" [8. P. 5]. The representatives of churches spoke about the necessity of fairness and justice in order for the interests of the European Union member states not to take the precedence over the interests of suffering people. In the explanatory notes, which were attached to the draft Directive, the Commission summarised the main proposals from "NGOs", although Churches were not specifically mentioned. This public hearing was the only event when civil society organizations were able to interact directly with the Commission in the consultation format.

The further work of the Commission on the Returns Directive was conducted in a more closed manner, only with the consultations in the second half of 2004, with the "Member States experts active in the field of return" [10. P. 3]. As a representative of Caritas Europa noticed, "it was impossible to get any information on the draft until it was published" [16]. Therefore, only the appearance of the draft in the public domain in 2005 allowed Christian organizations to express their visions and concerns. Diego Acosta points out six main elements in the original proposal: scope, voluntary departure, re-entry ban, remedies, detention and unaccompanied minors [1. P. 26—27]. In terms of scope, the Directive could apply to any illegally staying third-country national unless member states chose not to apply it to those who were refused entry in transit zones. The option of voluntary return was given a priority with a time limit of up to four weeks. The Directive allowed the introduction of a re-entry ban of up to five years. Also it gave to the illegal immigrants the right of access to effective judicial remedy (including those who lacked adequate resources). Finally, the use of temporary custody of up to six months was allowed, and extra guarantees were given to minors in view of the best interests of the child [1. P. 26—27].

The first public statement of the Christian groups related to the important issues raised by the Directive was made on 31 August 2005, when Churches together with some secular organizations published "Common principles on removal of irregular migrants and rejected asylum seekers". The signatories represented very different organizations on the various sides of the values' spectrum. On the Church side, there were Caritas Europa, JRS Europe, CCME, the Quaker Council for European Affairs, the Spanish Evangelical Church, Cimade, and the Federation of Evangelical Churches in Italy, and on the secular side — Amnesty International, European Council on Refugees and Exiles, Human Rights Watch, the Platform for International Cooperation on Undocumented Migrants, Save the Children, and Sensoa. The "common principles" referred inter alia to the priority of voluntary return, the guarantee of access to effective remedies, prohibition of the re-entry ban and respect of the family unit [11]. The above mentioned principles were taken as a reference point for the Joint Comments published in March 2006, in which the issues for concern were explicitly identified. First, Churches expressed their regret that the member states may be allowed not to apply the Directive in the transit zones [19. P. 3]. Secondly, the provisions for voluntary return were found inadequate. Christian organizations mentioned that the time period of four weeks "is not sufficient to organise a voluntary return in a fair and proper way" [19. P. 3]. The term "absconding" was also criticised as having negative connotations derived from the criminal law. It was suggested to use a more neutral term. The possibility of issuing the return decision together with the removal order was found unacceptable because it "will put such pressure on migrants that they will not be able to properly consider voluntary return" [19. P. 4]. Also the very fact that the assessment of the risk to abscond was left entirely to the member state (as well as the opportunity to force such person "to stay at a certain place") would, according to the Christian organizations, "lead to a systemic use of detention" [19. P. 5].

Christian organizations expressed severe criticism on the provision of re-entry ban, which, in their view, "should be deleted from the directive" [19. P. 6]. If left it should be of no more than one year (instead of the suggested five) and for adults only. Churches pointed out the vagueness of the notion "threat to public policy" so that in practice "every migrant with no permit may be considered as a threat to public policy" [19. P. 6]. The very fact that only the "main elements of the return and/or removal order" will be translated for the irregular immigrant (and not the whole document) was also perceived with regret. In addition to that the absence of the automatic suspensive effect of appeals against return and removal orders was criticised, as well as the maximum duration for detention ("temporary custody") of six months. Christian organizations stated: "Six months as a maximum duration of detention is too long for an administrative measure which applies to persons who are not criminals. Because of its gravity, detention should be as short as possible and should be limited to the time necessary to organize return with due diligence of the administration" [19. P. 8]. Churches were also concerned that the detention of minors was not forbidden. In summary, they articulated the following requests: "We call for the Return Directive to be: applicable in transit zones; to establish a clear preference for voluntary return; to promote the two-step procedure;

to assure better protection for vulnerable people and prevention of detention of minors in accordance with international obligations; to abandon or at least restrict re-entry bans; to provide for the proper translation of documents and effective judicial remedy; to apply the same minimum standards to return and removal as to the reception of asylum seekers; to avoid detention and to guarantee fair treatment in detention" [19. P. 10].

THE PROCESS OF ADOPTION AND THE CHURCHES' ROLE

The process of the Directive's adoption passed through several stages with the participation of three main European institutions, but mainly the Council and the Parliament. The draft Directive was discussed in the Parliament and the Council. In October and November 2006, the Finnish Presidency offered compromise suggestions. The Council text made the Directive's provisions more restrictive, and the German Presidency (first half of 2007) wanted even more restrictive measures. The European Parliament adopted its Report in September 2007, and a series of informal meetings began in November 2007 (the Portuguese Presidency) to achieve a first-reading agreement. A series of negotiations took place in the first half of 2008 (Slovenian Presidency, Commission and EP Rapporteur). These complex negotiations with the various drafts on the agenda resulted in the final text that was politically endorsed by the Council on 5 June 2008, and approved by the Parliament on 18 June. During the negotiations it became clear that such countries as Luxembourg, the Netherlands, Spain and Sweden kept to a less restrictive position, while Czech Republic, France, Hungary, Austria, Germany, Latvia and Greece preferred more restrictive elements of the Directive.

During this legislative process comments and declarations constituted only one aspect of the activities of Christian organizations. Other aspects included practical steps taken to promote the declared principles. Christian organizations (and secular NGOs) had several meetings with the members of the European Parliament. CCME and the Conference of European Churches (CEC) in cooperation with Caritas Europa and COMECE "wrote to the Presidents of the European Parliament, European Commission and EU Council to voice the Churches' concerns" [7. P. 5]. The meetings were held with the EU Presidency in Slovenia and the European Parliament President in Strasbourg [7. P. 5]. However, it is difficult to assess how active the Christian organizations were in their lobbying activities. The agenda and the content of the mentioned meetings have not been disclosed to the general public. Moreover, one could not observe an active role of national churches, which, in principle, could try to influence the position of the member states (which is very important for changing the Council's perspectives). Obviously, Christian organizations were engaged in various activities, but their scope and intensity remains subject to contradictory interpretations.

We can only note that the European Parliament suggested some amendments, which were similar to the ones of Christian NGOs. These amendments were reflected in the Draft Report on 16 June 2006 and the final Report on 20 September 2007. The parliamentarians, in particular, stressed that the voluntary return should be preferred [14. P. 7], that at least four weeks should be granted for the voluntary departure [14. P. 12], that no reimbursement of the return procedure would be required as a pre-condition for

lifting the re-entry ban [14. P. 17], that the third-country nationals will be informed about the legal remedies available to them in writing and "in a language the third-country national understands or is reasonably presumed to understand" [14. P. 19], and that the sentence "such visits may be subject to authorization" is deleted from the article dealing with the visits to temporary custody facilities [14. P. 23].

However, the Parliament refused to accept that the Directive should be applied to the transit zones and that the re-entry ban should be abolished or substantially reduced [14. P. 16]. The legislative body virtually enlarged the temporary custody for up to 18 months [14. P. 22]. In the "minority opinion" expressed by MEP Giusto Catania the necessity of "temporary custody" and 18 months of detention were severely criticized as well as the conditions in some detention centers in which irregular immigrants are kept [15]. This obviously coincided with the Churches' criticism of conditions in detention centers.

It is now stated that the final version of the Directive contains a number of measures, which are not compatible with the respect of the individual and his dignity including "prolonged pre-removal detention and mandatory entry bans" [3. P. 2]. Anneliese Baldaccini lists a number of drawbacks in the text of the Directive. First, she indicates that the Directive does not explicitly prohibit the issue of return decision on such grounds as "the best interest of the child, family life, the state of health of the third country national concerned" [3. P. 7]. Second, she criticises "the mandatory ban on re-entering the territory of the EU after a return decision has been issued and removal has been enforced" claiming that the value of the bans is doubtful and can even be regarded as counter-productive, because "they might reinforce the circle of irregular migration for the many who will find themselves banned and for whom illegal entry remains the sole option available" [3. P. 9]. Third, Baldaccini particularly criticises the rules on detention, because the two grounds for that (a risk of absconding and if the person avoids or hampers the removal process) are non-exhaustive, "which does not provide sufficient safeguard that persons should not be detained just because they are irregular migrants" [3. P. 13]. Fourth, she regrets that the rules on the length of detention "became considerably harsher in the final agreement: a six-month detention period is permitted, with a possible 12-month extension if the person concerned is uncooperative with the removal process or in the case of delays in obtaining documents" [3. P. 14]. Baldaccini rightly assumes that this is "an extremely long period for depriving irregular migrants of their liberty for the sole reason of facilitating their removal and preventing them from absconding in the meantime. Detention is an extreme sanction for people who have committed no criminal offence" [3. P. 14]. This is particularly true taking into account that the conditions in the detention centers are, at times, below acceptable standards. Consequently, it is not surprising that Baldaccini claims that "negotiations on the text of this Directive have failed to produce a result that entirely meets the minimum standards of proportionality, fairness and humanity which should apply to EU immigration and asylum law" [3. P. 17].

Obviously, one cannot deny that in the final version of the Directive many of the Churches' suggestions were not taken into account. However, the great diversity of opinions of the stakeholders made the achievement of a common position very difficult.

Even more difficult was to achieve a position that could coincide with the requests of the Christian organizations. Therefore, even partial success suggests that the role and influence of the Churches should be taken into consideration. We also need to bear in mind that the arguments employed in the area of migration and asylum often lack religious language and are addressed more globally to human rights and the rights of the vulnerable, the suffering and the oppressed.

***

Migration and asylum are the spheres where the Churches have extensive practical expertise since they worked with migrants and asylum seekers long before the European Union acquired an adequate degree of competence in the area. However, we need to understand that in most cases the work is done not by the Churches themselves, but by different Christian organizations that cannot be equated with the Churches. In fact, these special structures were created by the Churches for more focused tasks and responsibilities. These organizations, which work at the European level, are now firmly established in Brussels and their work encompasses some broad areas and different methods to achieve their aims. On the surface (and in terms of their legal status) the Church NGOs may look similar to secular NGOs working on the same issues. The main difference here is, first, closer links with the Churches and, second, the recognition of the religious origin of those values and principles, which inspire their work.

Overall, we can admit that Christian organizations with their experience and expertise proved to be respected partners of the European Union policy-making in migration and asylum. They are able to interact on a high level both with the European Commission and the European Parliament. Their presence is evident in the amendments proposed and sometimes accepted during the legislative process. Of course, one can hardly ignore the fact that many suggestions of Christian organizations, as seen in the adoption of the Returns Directive, were not taken into account. However, this should not be regarded as a reason to underestimate the Churches' influence. In fact, the scope of activities of the Churches in this area may be not as substantial as when it relates, for example, to the foundation documents of the European Union (i. e. Constitution). Second, even those politicians who are very respectful towards Churches do not necessarily follow their advice on the issues of migration [21]. One of the reasons for that is the prevalence of the viewpoint that the issues of bioethics, family and morality are of much higher importance for the Christian community than the promotion of legislation aimed to take care of illegal immigrants and similar categories of "aliens" on the European Union territory. Finally, the Churches' resources are restricted and sometimes directed to specific projects, while the interaction with the European Union is limited partly due to the lack of interest from both sides.

We cannot, of course, exaggerate the level of influence of Christian organizations, but with the limited resources at their disposal and in the circumstances that the views of the member states are very different, the Church NGOs are indeed the ones, which cannot be overlooked or ignored. With the growing level of expertise it is even likely that they will be able to exercise more influence in the future than they do now.

REFERENCES

[1] *Acosta D.* The good, the bad and the ugly in EU Migration Law: Is the European Parliament becoming bad and ugly? (The adoption of Directive 2008/15: The Returns Directive). European Journal of Migration and Law. 2009. Vol. 11. No. 4.

[2] *Askola H.* 'Illegal migrants', gender and vulnerability: The case of the EU's Returns Directive. Feminist Legal Studies. 2010. No 18.

[3] *Baldaccini A.* The return and removal of irregular migrants under EU law: An analysis of the Returns Directive. European Journal of Migration and Law. 2009. No 11.

[4] *Bell M.* Racism and Equality in the European Union. Oxford: Oxford University Press, 2009.

[5] *Canetta E.* The EU policy on return of illegally staying third-country nationals. European Journal of Migration and Law. 2007. No 9.

[6] Churches and Christian Organizations in Europe on Migration and Asylum. Brussels: CCME, 2005.

[7] CCME Activity Report 2005—2007. Brussels: CCME, 2008.

[8] Contributions by Felix Leinemann on behalf of the Migration Working Group of COMECE and by Doris Peschke of CCME as part of the Christian organizations ' response to the Green Paper. Brussels, 2002.

[9] *Collett E.* Future EU policy development on immigration and asylum: Understanding the challenge. 2014. URL: http://www.migrationpolicy.org/research/future-eu-policy-development-immigration-and-asylum-understanding-challenge.

[10] Commission of the European Communities. Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on common standards and procedures in Member States for returning illegally staying third-country nationals. 01.09.2005.

[11] Human Rights Watch. Common Principles on removal of irregular migrants and rejected asylum seekers. 2005. URL: http://www.refworld.org/docid/437dd5304.html.

[12] Europa. The gradual establishment of an area of freedom, security and justice. URL: http://europa.eu/legislation_summaries/institutional_affairs/treaties/amsterdam_treaty/a11000_en. htm.

[13] European Council. Conclusions. 2014. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/143478.pdf.

[14] European Parliament. Report on the proposal for a directive of the European Parliament and of the Council on common standards and procedures in Member States for returning illegally staying third-country nationals. 20.09.2007.

[15] European Parliament. Return Directive Debate: Political groups hold different positions ahead of vote. 16.06.2008.

[16] Interview with Peter Verhaeghe, Migration Officer at Caritas Europa. 27.08.2010.

[17] JRS Europe. Annual Report 2014. URL: https://jrseurope.org/assets/Publications/File/JRS_Europe_Annual_Report_2014.pdf.

[18] Joint Comments. Caritas Europa, CCME, COMECE, ICMC, JRS Europe, QCEA. May 2002.

[19] Joint Comments. Caritas Europa, CCME, COMECE, ICMC, JRS Europe, QCEA. November 2006.

[20] *Mudrov S.* Christian churches and the EU immigration and asylum policy. Journal of Religion in Europe. 2013. Vol.6. No 3.

[21] *Panara C.* In the name of God: State and religion in contemporary Italy. Religion and Human Rights. 2011. No 6.

[22] *Peers S.* The Returns Directive. 2008. URL: http://www.statewatch.org/news/2008/jun/eu-analysis-returns-directive-june-2008-final.pdf.

ЦЕРКВИ, ДИРЕКТИВА О ВОЗВРАЩЕНИИ И ИММИГРАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

С.А. Мудров

Институт последипломного образования,
Новоевропейский колледж,
Бухарест, Румыния

В статье анализируется роль христианских церквей в иммиграционной политике Европейского Союза. Особое внимание автор уделяет длительному процессу разработки и принятия «Директивы об общих стандартах и процедурах, подлежащих применению в государствах-членах для возврата незаконно пребывающих на их территории граждан третьих стран» (так называемая «Директива о возвращении»). В начале статьи кратко рассмотрены основные черты политики Европейского Союза в области внешней миграции и предоставления убежища, а также определены ведущие христианские организации, работающие в данной сфере на общеевропейском уровне принятия решений, в том числе юридического характера. Далее автор детально анализирует процесс принятия Директивы о возвращении, показывая здесь и основные исторические этапы, и ключевые дискуссионные моменты. Данная директива была первым законопроектом, предложенным в условиях действии механизма совместного принятия решений в области миграции и предоставления убежища на территории Европейского Союза. Христианские организации участвовали в процессе принятия директивы с самого начала посредством официальных критических заявлений и переговоров. Невзирая на гуманистический пафос, многие предложения церквей не были учтены в итоговом документе, что, видимо, следует объяснять серьезными расхождениями во мнениях участников законодательного процесса, что значительно затрудняло продвижение позиции церквей. В целом можно признать, что христианские организации, с учетом их огромного опыта и разносторонних экспертных знаний, подтвердили свой статус уважаемых партнеров Европейского Союза в области миграции и предоставления убежища.

Ключевые слова: христианские церкви; Европейский Союз; иммиграция; Директива о возвращении; религия; неправительственные организации

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

ЭТНИЗАЦИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ РУССКИХ В МОСКОВСКОМ РЕГИОНЕ: ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ПРОЦЕССА*

А.А. Оносов[1], А.Г. Гаспаришвили[2]

[1]Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
[2]Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия

В статье в рамках существующих научных подходов продолжается рассмотрение этнизации массового сознания российских граждан, происходящей в условиях трудовой миграции внутри России и из-за рубежа. В работе представлены результаты ситуационного анализа и гуманитарной экспертизы процесса формирования этнической идентичности русского населения Москвы и Московской области как главных российских центров притяжения международных трудовых мигрантов. На основе статистического материала, данных опроса общественного мнения и экспертных оценок описывается эмпирическая модель этнической идентичности, предлагается ее теоретическое обоснование и интерпретация. Исследование этнической идентичности сопровождается изучением вопросов о причинах и факторах самого процесса этнизации массового сознания русских, анализом и экспликацией реального содержания и характера этого процесса с учетом конкретных условий его проявления, способствующих усилению или ослаблению этнизации. При этом этнизация сознания рассматривается в широком контексте глобальной этносоциальной динамики: как часть и отражение общего цивилизационного процесса, в логике которого подъем этнического самосознания различных социальных групп и региональных сообществ — не только в России, но и далеко за ее пределами — есть вынужденный ответ на глобализацию в том виде, в каком она практикуется в современном мире.

Ключевые слова: идентичность; трудовая миграция; этническая идентичность; этнизация; этническое самосознание; общественное мнение; гуманитарная экспертиза

В рамках исследовательской инициативы по изучению миграционной ситуации в современной России был выполнен проект «Исследование этнизации массового сознания русских в условиях массовой трудовой миграции внутри России и из-за рубежа, интеграции мигрантов в российское общество»**. Целями этого проекта являлись получение научной картины процесса этнизации массового со-

* © А.А. Оносов, А.Т. Гаспаришвили, 2016.

** При реализации данного проекта были использованы средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта Институтом общественного проектирования по итогам VI Конкурса «Проблемы развития современного российского общества» в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 3 мая 2012 г. № 216-рп.

знания российских граждан, происходящего в условиях массовой трудовой миграции внутри России и из-за рубежа, определение возможных негативных последствий этого процесса для формирования российской политической нации, социальной стабильности в регионе и стране, изучение образцов толерантного сосуществования и взаимодействия российских граждан разной этнической принадлежности и граждан других государств постсоветского пространства, условий толерантности и перспектив интеграции, выработка рекомендаций по совершенствованию политики, направленной на оптимизацию межэтнических отношений в российском обществе.

В качестве целевых групп исследования выступали этнические русские, постоянно проживающие в Москве и Московской области, а также эксперты в области миграции: представители органов государственного управления, представители общественных организаций, ученые, представители СМИ.

Основные характеристики *миграционной ситуации* в московском регионе как необходимого контекста этнизации массового сознания русских рассмотрены в отдельной работе [1]. В предыдущей статье [2] на эмпирическом материале рассматривались вопросы многомерной *идентичности представителей русского этноса* московского региона. В данной работе затрагивается другая часть обозначенной проектом проблематики — процесс собственно этнизации русского населения, его анализ и экспертная оценка.

Исследование этнической идентичности с необходимостью ставит вопросы о причинах и факторах самого процесса этнизации массового сознания русских, требует экспликации его реального содержания и характера с учетом конкретных условий его проявления, способствующих усилению или ослаблению этнизации. Большинство экспертов разделяет мнение, что в настоящее время действительно происходит этнизация сознания русских. При этом значительная часть специалистов высказывают свое согласие с этим тезисом лишь с некоторыми оговорками.

Иная позиция, подвергающая сомнению актуальность процесса этнизации русской части населения России, была выражена суждениями различной степени категоричности.

1. Несогласие, которое сводится к сомнениям в том, что этнизация актуализировалась именно в настоящее время, а не проявлялась и ранее: осознание себя русскими — не новое явление для русских. Они всегда ощущали себя таковыми, гордились этим. Может быть, сегодня они просто в относительно большей мере ощущают себя таковыми.

Скепсис в вопросе этнизации сознания русских может носить и более категоричный характер, приобретая форму явного несогласия или даже отрицания. В частности, эксперты указывают, что в 1990-е гг. процесс этнизации русских происходил более активно и бурно, чем в настоящее время: в период резко нестационарной социальной динамики последнего десятилетия минувшего столетия, когда шло интенсивное становление и восстановление многих идентичностей, был резкий всплеск и русского самосознания. Был и феноменальный подъем религиозного чувства и сознания. Все это направляло и оформляло общественный дискурс в поисках ответа русских людей на вопрос «кто они» и сопровождалось

различными опытами осознавания себя русскими — представителями этноса, возвращающегося к своим фундаментальным архетипам в новое историческое время, в новых геополитических условиях. Сейчас активность этого процесса снижена, отчасти, по причине более стабильной, уравновешенной ситуации, отчасти — благодаря именно опыту этнизации, приобретенному с тех самых 90-х, позволившему уже освоить относительные высоты этнического самосознания русских, достичь его определенной зрелости. Так или иначе, по мнению экспертов, в «нулевые годы» процесс этнизации русских был если и не приостановлен, то заметно заторможен, зато наблюдались его отдельные маргинальные проявления, заключающиеся в политизации этнического компонента организованности российского социума.

Вместе с тем следует отметить, что подъем этнического самосознания различных социальных групп и региональных сообществ, не только в России, но и далеко за ее пределами, есть часть и отражение общего цивилизационного процесса, точнее — вынужденный ответ на глобализацию в том виде, в каком она практикуется в современном мире. Тесная клетка унифицированного формата глобализации, не терпящей самостийных вариаций, ее жесткий подгоняющий ритм, прокрустово ложе ее экономических, политических, культурных стандартов порождает в мире сопротивление этому, по сути, «бульдозерному» процессу — его поглощающему самобытные этносы, отдельные государства и целые исторические провинции ходу — в виде региональных и локальных этнокультурных моделей. Это сопротивление глобализации, ее цивилизационная оппозиция приобретает черты *глокализации*, нарастание которой повсеместно в мире становится особенно очевидным в последнее десятилетие. Глокализация как раз существенно подстегивает процесс этнизации, получая в ней свое частное обоснование, а в ее лоне происходит оформление отдельного мирового социокультурного паттерна в рамках некоторой целостности, в том числе — этнической.

И все же, оспаривая темпы, формы и конкретный характер процесса этнизации сознания русских, эксперты из числа скептиков в этом вопросе, тем не менее, неявно соглашаются с тем, что самоидентификация русских именно как представителей русского этноса происходит, по сути, во всякое время, пока существует сам этнос, ибо так он воспроизводит себя на идеологическом уровне.

2. Несогласие может сводиться к специфическому пониманию процесса этнизации. В первую очередь, это связано с особенностями актуального состояния этносоциологии, в рамках которой нет выработанных единых дефиниций таких ключевых понятий, как «этнос» и «нация», и существует целый ряд подходов к их содержательному определению. Например, этничность может восприниматься в первую очередь как феномен, основанный на кровнородственных связях, в настоящее время проявляемый преимущественно в сельской местности: этнические архетипы лучше укоренены и меньше подвержены искажениям «на земле», в деревнях, в тиши и неспешности сельского уклада жизни. Москва же — это мегаполис, и в нем и его пригородах принципиально другой стиль жизни.

По мнению ряда экспертов, нельзя ожидать, что в разношерстном мегаполисе, являющемся к тому же еще и столицей, развивается процесс активной, выражен-

ной этнизации. Здесь, в виду стремительности и мозаичности потока городской жизни, разноформатности и многозвучия «modus vivendi», скорее всего, может формироваться и укрепляться чувство собственной идентичности, отстраненной от жестких этнических стандартов, становящихся плохо различимыми в «шуме городском» различных этнокультур.

При таком понимании этничности процесс этнизации остается за стенами мегаполиса, хотя, как отмечают некоторые эксперты, в Москве все же происходит усиление этнической идентичности. Таким образом, в данном случае несогласие с тезисом об актуализации процесса этнизации сознания русского населения столичного региона связано с пониманием самой этничности в достаточно узком и строгом смысле — как феномена домодерного и реликтового, и, по этому определению, уже несвойственного современному городскому пространству.

3. В развитие данной темы эксперты отмечают, что процесс этнизации вообще более характерен для регионов, чем для административных столиц и урбанистических центров: этнизации сознания в большей мере отвечают условия провинциальных городов и городков, сельских районов и поселений, но не мегаполисов, обитатели которых ставят перед собой несколько иные цели, решают иные задачи и в целом ведут иной образ жизни.

4. Другой комплекс причин несогласия связан с утверждением, что этнизация происходит не массово, а лишь в отдельных социальных группах. Часть экспертного сообщества уверена при этом, что этнизация навязывается обществу, тогда как ее естественный ход купирован в достаточно узком слое людей. Например, этнизация сознания характерна для групп, занятых в реальной «местной» экономике, но не свойственна вовлеченным в сферу мировой экономической активности, которые в большей степени тяготеют к космополитическим социально-профессиональным идентичностям. Другую социальную среду, в которой идет процесс этнизации, по экспертному мнению, создают определенные политические группы и силы, эксплуатирующие в своей общественной деятельности этническую проблематику.

Таким образом, экспертное заключение о процессе этнизации русской части населения Москвы и области — его актуальности, выраженности, масштабности и проч. параметрах — отражает не столько отрицание самого процесса, сколько сложную терминологическую ситуацию в этносоциологии, неоднозначное оперирование базовыми категориями, а также попытки дифференцировать и сузить социальную базу этнизации. Чаще всего несогласие с гипотезой об идущей в столичном регионе этнизации русских заключается в том, что этот процесс признается снизившим или утратившим свое напряжение и актуальность или о превалировании в городском пространстве Москвы социально-профессиональных идентичностей.

В конечном счете, учитывая все рассмотренные частные оговорки и разночтения в экспертных мнениях, в качестве доминирующей, более обоснованной и общей точки зрения специалистов следует признать ту, согласно которой в среде русских, проживающих в московском регионе, действительно идет и по своим законам развивается процесс этнизации.

Можно выделить ряд наиболее важных взаимосвязанных причин нарастания и углубления процесса этнизации.

1. Распад Советского Союза, который не только вызвал идеологический отказ от конструирования сверхнациональной общности «советский народ», но и привел к переструктурированию единого советского пространства в постсоветскую ассоциацию национальных республик-государств. Кроме того, процессом распада СССР были активированы миграционные потоки — как внешние, так и внутренние, были выдвинуты вопросы о статусе различных субъектов самой Российской Федерации. Все эти обстоятельства, безусловно, способствовали интенсификации процесса этнизации.

2. В результате активизации миграционных процессов в постсоветский период началось быстрое изменение этнического состава Москвы, что привело к постепенному сформированию в мегаполисе характерного этноконтактного пространства. Мигранты, представляющие для русских москвичей «других», стали частью их жизненного мира. Вследствие этого значительно выросла значимость лингвистических, визуальных, культурных, поведенческих различий между двумя группами — местным населением и инокультурным контингентом. Подобные ситуации, как правило, запускают и усиливают идентификационные процессы по критериям отличий групп «своих» и «других». В данном случае эти критерии тесно связаны с этничностью.

Когда разнообразные и многочисленные этнические товарищества, землячества, диаспоры размежевывают единое культурное пространство мегаполиса, чтобы самим лучше ориентироваться в нем и сделать его более комфортным, «этнически теплым» для себя, они невольно этими воздвигаемыми переборками отгораживают себя от других этносов, в том числе — русских. А в результате такая этнокультурная, по сути, псевдоадаптационная инициатива диаспор отгораживает самих русских, отграничивая и маркируя флажками иных культур пространство, оставшееся незанятым, для русской культуры. Последняя «прописывается» на той территории социокультурного целого, которая арифметически есть остаток после вычитания из этого целого различных пришлых этнокультурных многообразий.

3. По мере формирования в Москве устойчивого этноконтактного пространства все большую злободневность и остроту приобретают проблемы межэтнического взаимодействия в политическом, культурном, бытовом, информационном полях, что обуславливает появление политических и гражданских движений, различных инициативных объединений, акцентирующих внимание на этих проблемах, создающих праведный и неправедный политический капитал на теме межэтнических противоречий и конфликтов. Возникновение и деятельность подобных движений, — даже та, которая нередко оборачивается манипуляцией массовым сознанием, — способствует самоорганизации людей в группы «общественного самоуправления», «инициативы снизу», «народного правопорядка» и проч., которым свойственен эффект «информационного резонанса». В результате, по экспертной оценке, создается ощущение, что идея, на основании которой формируется та или иная целевая инициативная группа — всеобщая и к тому же обнажающая самую суть вскрытой проблемы межэтнических отношений.

4. Причиной этнизации сознания русских служит и негативное отношение к ним, начиная с несправедливых, дискриминационных шаблонов восприятия представителями иных — как внутрироссийских, так и зарубежных — этносов, и заканчивая откровенным этнотерриториальным сепаратизмом, угрозами и санкциями внешних политических субъектов, их плохо маскируемыми стремлениями к децентрализации России как полиэтнического государства. Для обозначения данного отношения экспертами применялся концепт «русофобия», который приписывается некоторым этническим группам (татарам, чеченцам) и государствам (Польше, Латвии, Эстонии, Украине). В таком контексте этнизация понимается как консолидация этноса, его ответная защитная реакция на политику, негативно воспринимаемую русским населением.

В этих случаях ряд экспертов отмечают присущее русским стремление оказать определенное противодействие той русофобии, которая имеет место. Русофобия, по их мнению, — это проблема не московского и даже не российского масштаба; ее генезис связан чаще всего с внешними источниками и причинами. Так или иначе, фактор русофобии побуждает русских не только в Москве и области, но и в России в целом к тому, чтобы они еще громче и увереннее заявляли, что они являются носителями особой этничности, что они — именно русские.

5. Утрата русскими роли и статуса системной, государствообразующей нации. Согласно историческим справкам специалистов, в советский период, как и во времена Российской империи, этнизация сознания русских политически сдерживалась культивированием идеи об особой роли русских в государстве («имперская миссия», позиционирование русского народа в качестве «старшего брата» в советской семье народов). Такая внутренняя политика привела к тому, что к концу XX в. русские все еще не оформились как классическая нация — одна из современных наций по типу европейских. Сложившееся положение сохранялось и сразу после распада СССР, но вызванная им историческая необходимость осознания русским народом себя в новых государственных очертаниях — Российской Федерации, и в новой этнокультурной конфигурации, неотвратимо поставила вопрос и о статусе самого русского народа.

Последующая этнизация русских стала закономерным следствием такого хода исторических событий: важно было не раствориться, не затеряться в очередной раз в большом числе и многообразии проживающих в новообразованном государстве этносов, имеющих и прямо декларирующих свои национальные права и интересы в этом полиэтническом государстве.

Обобщая выявленные экспертной группой причины активизации процесса этнизации массового сознания русских в Москве и области, следует обратить внимание, что во всех случаях в качестве ключевой точки развития процесса этнизации выступает распад СССР, породивший соответствующие условия. Действительно, все обозначенные выше причины этнизации русских сами являются прямыми или косвенными следствиями дезинтеграции советского пространства, его трансформации в постсоветское, и потому распад СССР можно классифицировать как геополитический мегафактор этнизации сознания русского населения России в целом и московского региона в частности.

Помимо этого предельно генерализированного комплексного фактора можно также выделить факторы «второго порядка общности», агрегирующие частные, вполне конкретные причины этнизации сознания русских, проживающих в Москве и Подмосковье.

1. *Информационный фактор.* Информационная политика различных СМИ, включая государственные, безусловно, способна оказывать направленное воздействие на этнизацию, задавая ее смысловые акценты, придавая ей тот или иной характер: подстегивая или притормаживая ее ход, направляя ее в цивилизованное и конструктивное русло или же поощряя форму стихийного и разрушительного для самого этноса процесса.

Рассматривая конкретную историческую ситуацию — развитие этнизации сознания русского населения Москвы и области, — эксперты отмечают двойственную роль средств массовой информации в этом процессе. Часть специалистов фиксируют стимулирующий эффект информационного фона, выражающийся в активизации становления и оформления этнической идентичности русских, наполнении ее содержательными идеологическими концептами.

Другая часть специалистов указывает, что современная информационная среда, генерируемая большим количеством, преимущественно, неподконтрольных источников самого разного рода, полярной политической ориентации и всевозможной национальной юрисдикции, технологически и событийно представляя собой принципиально глобализированное явление, неизбежно носит космополитичный характер, который, наоборот, не способствует развитию процессов этнизации русского населения. В результате в общем информационном потоке равнодействующая различных СМИ приводит к сдерживанию и затуханию этнизации, к дезактивации самой потребности в этнической идентичности.

2. *Политический фактор*, анализ которого представлен экспертами в двух аспектах. В одном случае рассматривается «отрицательная значимость» этого фактора — как результат отсутствия национальной политики, способной однозначно определить роль и место русских в новом российском государстве, в исторически долгосрочной цивилизационной перспективе. В другом случае его действие прослеживается в стремлении различных политических групп, которые на общественном интересе к вопросам этнизации сознания *«сколачивают политический капитал»*, актуализировать и повысить значимость этнической идентичности для достижения своих политических целей.

3. *Материальный и социальный факторы.* В наиболее концентрированном виде комплексное значение данных факторов можно выразить следующей формулой: если люди имеют низкую зарплату, проблемы с работой, социальной защитой, то они в значительно большей мере, чем их материально и социально более благополучные сограждане, склонны видеть врагов в представителях другой национальности. При этом вопрос о форме зависимости между экономическим положением, социальным статусом и акцентированностью сознания остается за скобками темы этнизации.

4. *Культурный фактор.* Как уже отмечалось, мигранты и русские москвичи чаще всего выступают носителями различных типов культур, поведенческие сте-

реотипы которых могут негативно восприниматься в нормативных базисах других культур. Таким образом, проявление нереферентных типов культур способствует усилению этнизации через отторжение нехарактерных образцов поведения. Например, пока на московских улицах не стреляли во время свадьбы, у москвичей не было возможности оценивать такую кавказскую «традицию», оказавшуюся для них неприемлемой. Или до тех пор, пока в мусульманские праздники не стали перекрывать проспект Мира в окрестности мечети, представители других конфессий тоже не имели повода для недовольства, а значит — и лишнего барьера в отношениях с иноверцами и дополнительного критерия этнической самоидентификации. При этом необходимо принимать во внимание не только различия в культурах, обусловленные их *этническим* своеобразием, но и дистанцию между *городской* и *сельской* культурами, по-сути, противостоящими в мегаполисе, а также расхождение между *постфигуративной* (традиционной культурой, в которой младшие учатся у старших) и *префигуративной* (культурой, в которой старшие учатся у младших) культурами.

С другой стороны, в совокупности культурных факторов этнизации необходимо указать такое сдерживающее начало, как сохранение у определенной части русского населения советской модели интернационального восприятия этнических процессов. Этой модели, унаследованной из прежних времен, присуще приглушенное, прикровенное отношение к этническим проявлениям бытия социума, стремление понизить их значимость и тональность или вовсе придать им латентный характер. Но и в этом случае известным противовесом уходящей в историческое предание советской нормы межэтнических отношений выступает отмечаемое экспертами повышение интереса русских к своей, русской истории. Это путь «просвещенной этнизации» сознания русских. Вписанный в контекст общемировой истории, этот путь, скорее всего, позволяет надеяться на выстраивание этнической идентичности, адекватной современной цивилизационной обстановке в мире.

5. *Образовательный фактор.* Помимо упомянутой «просвещенной этнизации», опирающейся на достаточно высокий образовательный уровень, можно говорить и еще об одном, противоположном в своей причинности, эффекте образования. Это выдвинутое в качестве гипотезы представление, что этнизации способствует, напротив, процесс архаизации социальных структур, их упрощение за счет снижения качества образования. Вследствие такой культурно-образовательной редукции люди в своем мышлении, в восприятии реальности и отношении с окружающими переходят к оперированию упрощенными дихотомическими категориями «свой — чужой», устойчивость которых обеспечивается их предельной поляризацией и логической простотой. Очевидно, качество такой этнизации существенно отличается, разумеется, в худшую сторону, от действительно образованного этнического самосознания.

6. *Криминальный фактор.* Факты преступлений, совершенных нерусскими мигрантами по отношению к русским, создают удобный информационный плацдарм для этнизации. Эксперты отмечают распространенность в среде русских мо-

сквичей клише: федеральные и местные власти, в силу разных причин, включая и коррумпированность их полномочных представителей, фактически покровительствуют чужакам, которые, вследствие этого, чувствуют себя достаточно вольготно и безнаказанно, ведут себя нагло и развязно, как «хозяева жизни». В случаях реальных конфликтов властные структуры очень часто стремятся «минимизировать», замять инцидент, при этом «прикрывают» мигрантов или откровенно принимают их сторону. Даже по отношению к убийцам деятельный розыск иногда вообще не осуществляется, или же оказывается, что, отбывая срок наказания на своей исторической родине, эти преступники безосновательно освобождаются по УДО. Все это вызывает и питает горькое чувство несправедливости у русских, формирует у них устойчивое ощущение, что власть покровительствует именно этим этническим группам и национальным сообществам, а русские, находящиеся в своем историческом доме, заброшены и преданы нынешней политикой.

Криминальный фактор тесно взаимосвязан с информационным фактором, так как именно информационное поле реализует и наполняет каналы трансляции сообщений о подобных инцидентах и способно усиливать или смягчать этнические акценты в новостных выпусках масс-медиа. Разумеется, если человек, социальный агент сам становится действующим лицом, участником конфликта, если проявления этнической преступности непосредственно касаются его жизненного мира, роль СМИ как катализатора криминального фактора снижается, уступая собственным свидетельствам и переживаниям данной ситуации.

Выделенные специалистами факторы этнизации сознания относятся ко всем ключевым сферам общественной жизни (экономической, политической, социальной, культурной), что указывает на многоаспектность и масштабность данного процесса. Как отмечают сами эксперты, этнизация — это очень разветвленный, многогранный процесс.

В содержательном плане процесс этнизации можно рассматривать в следующих аспектах:

— этнизация как актуализация этничности в этноконтактном пространстве мегаполиса, как усиление чувства сопричастности к «своей» этнической группе. Это, по сути, личностный горизонт этнизации сознания — выстраивание идентичности русского человека по признаку этнической принадлежности;

— этнизация как реакция — защитная и потому вынужденная — на ущемление прав русских другими этническими группами России, как ответное противопоставление русского народа всем иным. По замечанию экспертов, русские ощущают себя народом, угнетаемым на своей территории, де-факто имеющим меньше прав, чем разнообразные этнические меньшинства, каким-то посторонним субъектом в национальном составе государства;

— этнизация как трамплин для ксенофобии и как усиление чувства «мы против них». В русле этого иррационального восприятия происходит идеологическое конструирование и социально-технологическое внедрение упрощенных схем коллективной национальной ответственности; гипертрофированная, чрезмерно смещенная в область позитива и вызывающая социальную эйфорию, интерпретация

коллективных национальных достижений, которые присущи именно и исключительно русским. А с другой стороны — поддержание в полной боевой готовности «трюизма», подкрепляемого историческими примерами, о наличии у русского народа врагов, которые постоянно мешают ему жить и процветать;

— этнизация, как поиск «естественных», социоприродных оснований русскости, который может выражаться в обращении к истории — русского государства, российского общества, города Москвы, — к истории и содержанию национальной культуры и опыту исторического бытия народа в попытке идентифицировать и осмыслить объективное значение «русскости», установить значение феномена «русского мира» для общероссийского и международного социума, в глобально-цивилизационном контексте.

Последнее содержательное определение этнизации представляется наиболее важным и требующим более подробного анализа, так как оно выводит на связь понятий «этничность» и «русскость». Это тем более необходимо, что на протяжении длительного периода этничность русских находилась в латентном состоянии и активно начала проявляться лишь в период постсоветской социальной трансформации. Длительная политическая сублимация этнической рефлексии русских, мотивированная государственными интересами и «оправданная» статусом «старшего брата», в новое время привела к возникновению параллельных, весьма различных смыслов и интерпретаций русской идентичности.

Помимо этого целесообразно не только принять во внимание само содержание суждений экспертов по вопросам русской идентичности, но и попытаться проследить методологические установки, на основании которых специалисты строят окончательные заключения. Такой подход опирается на хорошо известную модель восприятия этничности, описывающую три класса установок: (1) эссенциализм (отношение к этническим группам как к обладающим сущностными атрибутами, родовыми наборами качеств и свойств) — центрирующий принцип; (2) эссенциалистская идеализация своей этнической группы — сдвиг ее образа в область положительных оценок; и (3) приписывание другим нациям и этносам, напротив, сущностных негативных характеристик — смещение этно-национального «фона» в область отрицательных оценок.

В указанном семантическом пространстве характерным высказыванием, включающим в себя и признание «природных» свойств русского этноса, и идеализацию русских, и приписывание негативных качеств другим этническим субъектам, можно считать, например, следующее: *«Русские лишены всяких признаков ксенофобии. Но мы видим дикое проявление ксенофобии в разнообразных материалах многих средств массовой информации национальных республик. Однако в Москве и в других русских регионах представители даже тех этнических республик, в которых активно исповедуют — на очень высоком социально-политическом уровне — русофобию, никаких проблем не испытывают»*.

Такая дискурсивная схема обнаруживается в ряде экспертных выводов. Однако следует учитывать, что эксперты — не только специалисты в области этнических отношений, но еще и публичные люди, имеющие санкционированный дос-

туп к арсеналу информационных инструментов. Например, представители органов государственного управления, руководители общественных организаций и СМИ, как правило, обладают большим ресурсом в информационном поле, а члены академического сообщества имеют возможность транслировать информацию, причем в различной модальности, достаточно широкому кругу специалистов и учащихся по научно-образовательным каналам. Наконец, представители государственной власти в большей степени, чем другие социальные агенты, могут влиять на принимаемые управленческие решения, т.е., по-сути, операционализировать свое понимание процесса этнизации, воплощая это понимание в конкретные акты управления. Таким образом, можно говорить, что эксперты обладают особым капиталом, придающим дополнительный вес и значимость их оценкам и суждениям.

Особенностью указанной трехкомпонентной эссенциалистской модели восприятия этничности является ее замкнутость и завершенность. Априори приписывая различным этническим группам особые атрибуты, она едва ли предполагает выход за собственные пределы. Подобная предопределенность в природных свойствах — «национальных характерах» — различных этносов, жесткость и застылость в распределении родовых этнических качеств, конечно же, не может обеспечивать эффективную и конструктивную межэтническую коммуникацию на длительных интервалах исторического времени. Замкнутость данной системы обеспечивается за счет тесной, взаимообусловленной и взаимодостаточной связи всех ее компонентов и, при исключении хотя бы одного из них система, вероятно, теряет свою полноту и устойчивость. Однако до тех пор она с высокой эффективностью воспроизводит и себя, и, в своей методологической матрице, — восприятие этничности, шаблоны этнического сознания.

В практическом плане для преодоления такой функции эссенциализма, обрекающей этническое сознание на косность, необходимы специальные просветительские мероприятия, направленные на предотвращение замыкания этнического сознания. Это можно обозначить как одно из направлений по обеспечению эффективной межэтнической коммуникации — направление, требующее разработки соответствующего социального и социально-психологического инструментария. В период СССР аналогичные технологии использовались на полигоне «советский народ», однако, как уже отмечалось, они регулировали сферу межэтнических и межнациональных отношений, скорее, не путем их действительного, иногда болезненного, развития и вывода на более высокую орбиту, а путем «подземного» купирования и одновременно апелляции к социально исторической ответственности русского народа.

Выполненное в рамках проекта обсуждение вопросов этнизации русского населения московского региона подтверждает, что этот процесс, как и его закономерный результат — текущая этническая идентичность — сложные развивающиеся явления, требующие, с одной стороны, эмпирических исследований и углубленного экспертного анализа, с другой, — активного и деятельного внимания государственной власти всех ветвей и всех уровней.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] *Алисов Н.А., Гаспаришвили А.Т., Исаев А.К., Оносов А.А.* Трудовая миграция в Москве: факты, мнения, перспективы (Ситуационный анализ и моделирование национальной миграционной стратегии). М.: Издательство Московского университета, 2015.

[2] *Оносов А.А., Гаспаришвили А.Т.* Измерения идентичности русских: социологические оценки и гуманитарная экспертиза // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2016. № 2.

ETHNICIZATION OF THE COLLECTIVE CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS IN THE MOSCOW REGION: AN EXPERT ASSESSMENT OF THE PROCESS

A.A. Onosov[1], A.T. Gasparishvili[2]

[1]Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
[2]Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Based on the existing scientific approaches, the article continues considering the ethnicization of the mass consciousness of Russian citizens, which takes place under the internal and international labor migration. The article presents the results of the situational analysis and humanitarian expertise of the Russian population's ethnic identity formation in Moscow and the Moscow Region as Russia's main attractors of international labor migrants. Based on the statistical data, public opinion survey data and expert assessments, the authors present an empirical model of ethnic identity with theoretical validation and interpretation provided. The study of ethnic identity is accompanied by an insight into the causes and factors of the Russians' collective consciousness ethnicization, explication of the real content of this process with regard to specific conditions of its manifestation contributing to intensification or weakening of ethnicization. Then the ethnicization of consciousness is considered in the broad context of global ethnic-social dynamics: as a part and reflection of the overall civilizational process determining that the rise of ethnic self-awareness in various social groups and regional communities, not only in Russia, but also far abroad, is a forced response to the globalization as it is practiced in the contemporary world.

Key words: identity; labor migration; ethnic identity; ethnization; ethnic self-awareness; public opinion; humanitarian expertise

REFERENCES

[1] *Alisov N.A.*, *Gasparishvili A.T.*, *Isaev A.K.*, *Onosov A.A.* Trudovaja migracija v Moskve: fakty, mnenija, perspektivy (Situacionnyj analiz i modelirovanie nacional'noj migracionnoj strategii) [Labor migration in Moscow: facts, opinions, prospects (Situation analysis and national migration strategy modeling)]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2015.

[2] *Onosov A.A., Gasparishvili A.T.* Izmerenija identichnosti russkih: sociologicheskie ocenki i gumanitarnaja ekspertiza [Measurements of the Russian identity: Sociological assessments and humanitarian expertise]. Vestnik RUDN. Serija «Sociologija». 2016. No 2.

«СТАТУС» ИНСТИТУТА СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ И СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ*

И.В. Троцук, А.Д. Парамонова**

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

В последние годы в научном сообществе и в средствах массовой информации не утихают дискуссии о том, насколько радикально меняется сегодня структура, функции и роль семьи. Позиции здесь весьма полярны и даже непримиримы — от вполне идеалистичного восприятия семьи в социально-конструктивистском духе (как результата договоренностей людей, которые могут быть ничем не связаны в традиционном смысле — биологического или юридического родства), т.е. утверждается извечность семьи, пока есть люди и какие-то формы социальности, до крайне алармистских высказываний о кризисе семьи в настоящем и грядущем ее исчезновении в не столь отдаленном будущем в силу утраты основополагающих функций как базового социального института. Авторы признают обоснованность аргументов обеих сторон, но вводят уточнение: самые пессимистические оценки и прогнозы будущего семьи в большей степени сконцентрированы на теоретическом уровне научных изысканий, посвященных семье как прежде всего социальному институту, тогда как при переходе на уровень эмпирических исследований, где люди отвечают на конкретные вопросы о собственной жизни, нынешние социальные реалии не предстают радикально кризисными с семейно-ценностной точки зрения и в принципе подтверждают как трансформацию представлений о должном, возможном и желаемом в семейной жизни, так и сохранение множества традиционных паттернов. Данное условное разведение теоретического и эмпирического уровней с точки зрения акцентов в социологическом изучении семьи и представлено в статье: сначала авторы обозначают основные траектории концептуальных поисков по семейной проблематике в историографическом и оценочном ключе, а затем презентуют результаты опросов студенческой молодежи столичных вузов России, Казахстана и Чехии, подтверждающие, с одной стороны, воспроизводство в молодежном мировоззрении вполне традиционных представлений о должном и важном в жизни человека (семья выступает безусловным приоритетом); с другой стороны, амбивалентность российского молодежного самосознания, в котором бесконфликтно сочетаются и патриархальные, и эгоцентричные ценности.

Ключевые слова: семья; брак; ценностные ориентации; молодежь; студенчество; сравнительные проекты (Россия, Казахстан, Чехия); концептуальные подходы; эмпирические исследования

Вряд ли в современном мире есть понятие столь же важное, сколь и дискуссионное, как семья в самом широком смысле слова — как супружеские, родительские, дружественные и прочие отношения.

На протяжении многих десятилетий ученые, публицисты, журналисты, да и все мы в повседневной жизни постоянно ведем споры о том, какой должна быть семья по своему составу, распределению ролей, внутренним отношениям и критериям родства, и точки зрения здесь весьма полярны — от вполне идеалистичного восприятия семьи в социально-конструктивистском смысле (как результата договоренностей людей, которые могут быть не связаны ни биологическим, ни юридическим родством) до алармистских суждений о кризисе или исчезновении семьи в современном мире в силу утраты основополагающих функций базового социального института, выполняемых в прежних типах общественных систем.

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ. Грант №15-03-00573.

** © И.В. Троцук, А.Д. Парамонова, 2016.

Признавая в какой-то мере бесспорность аргументов представителей обеих позиций, следует все же уточнить, что самые пессимистические оценки и прогнозы сконцентрированы на теоретическом уровне научных изысканий, посвященных семье как прежде всего социальному институту, тогда как при переходе на уровень эмпирических исследований, где люди отвечают на конкретные вопросы о родительской и собственной семье, нынешние социальные реалии не предстают радикально кризисными и свидетельствуют о воспроизводстве множества традиционных паттернов даже у самых молодых поколений. Безусловно, указанное разведение теоретического и эмпирического уровней в социологических исследованиях носит условный характер, поэтому поясним, что имеется в виду, обозначив сначала основные траектории концептуальных поисков по семейной проблематике, а затем представив результаты ряда эмпирических проектов, реализованных Социологической лабораторией Российского университета дружбы народов в сотрудничестве с нашими чешскими и казахстанскими коллегами.

Бесспорно, на протяжении всей социальной истории семья играла принципиально важную роль в жизни каждого человека и различных групп и сообществ. Социальные антропологи определяют семью как исторически базовый социальный институт, возникший примерно 500 тысяч лет назад и постепенно эволюционировавший к своим современным формам (полигамия, полиандрия, моногамия и т.д.), хотя и до «изобретения» семьи люди жили вместе, производили потомство, вели совместную деятельность в определенной системе эмоциональных связей. И хотя «та» протосемья существенно отличается от привычного нам образа семьи, отрицать факт наличия в ней неких семейных отношений вследствие кровно-биологических связей «родитель—ребенок» нельзя. Современная семья понимается как «основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью» [23. С. 562], поэтому зарождение научного анализа семьи и брака датируется работами древнегреческих философов Платона и Аристотеля, которые предложили «патриархальную» трактовку семьи (как микромодели патриархального общества), доминировавшую до середины XIX в.

Впрочем, взгляды Платона и Аристотеля на семью разнились: по Платону, каждый брак должен быть полезен для государства, общественное благо важнее личного, поэтому правители не должны иметь семью — члены двух высших сословий (правители и стражи) в его модели общества должны формировать единую правящую семью: «...Все жены мужей (стражей) должны быть общими... Дети тоже должны быть общими, и пусть отец не знает, какой ребенок его, а ребенок — кто его отец» [33]. Для Аристотеля же семья — первооснова общества и государства, внеисторическое явление, неизменное на протяжении истории человечества, поскольку ее основная функция — репродуктивная — «оставить после себя другое подобное себе существо» [2], т.е. государство — это разросшийся союз семей, а государственная власть — естественное продолжение патриархально-монархической власти главы семьи (мужчины).

В Новое время философы выделили как положительные (семья как школа человечности, воспитывающая стремление к добродетельным поступкам) [27. С. 29];

«...лучшее средство привить детям любовь к отечеству состоит в том, чтобы эта любовь была у отцов... человек обыкновенно способен передавать детям свои познания» [31]), так и отрицательные (например, пагубное влияние дисбаланса семейного и социального на патриотическое воспитание) стороны семейной жизни, но в целом полагали, что «наилучшие начинания, принесшие наилучшую пользу обществу, исходили от неженатых и бездетных людей»; «тот, у кого есть жена и дети, отдал заложников судьбе, ибо семья является помехой на пути свершения великих предприятий как добродетельных, так и злонамеренных» [10].

Во второй половине XVII — XVIII вв. семья оказалась в центре внимания философов-просветителей. Так, для Т. Гоббса семья — «маленькая монархия», где суверенитет принадлежит отцу (господину), и оплот целомудрия, если основана на законном браке (хотя в обществе витала идея, что целомудренно может быть лишь безбрачие) [17].

Д. Юм раскритиковал многоженство и добровольные разводы как влекущие негодное воспитание детей и плохое отношение к женщине, и призывал мужчин к разуму: «состояние возлюбленного полностью исключается... женщины покупаются и продаются, как животные, ревность исключает приятельские отношения мужчин друг с другом» [47]. Развод допустим, если «союз мужчины и женщины порождает только отвращение и антипатию», ибо идеальная форма семьи — «взаимный союз мужчины и женщины, который основывается на любви и заботе».

Ж.-Ж. Руссо связывал благополучие семьи с соблюдением нравственных норм мужем и женой, но отвергал идею равенства полов, утверждая господство мужа: «женщина должна быть добродетельной в глазах всех и каждого... в ней больше святого... от этого зависит любовь ее мужа» [35].

Взгляды И. Канта на брак и семью противоречивы: с одной стороны, он говорил о равноправии супругов, с другой — оправдывал господство мужа, ибо «мужчина опирается на право более сильного — быть в доме повелителем, в грубом, естественном состоянии» [24].

И.Г. Фихте верил в разумность брака, что «нет брака без любви и нет любви без брака», и видел различие полов в том, что мужчина обретает знания через разум, а женщина — источник любви; мужчина не способен к любви — его натура определяется великодушием. Основной причиной расторжения браков Фихте считал измену жены; измена мужа — не основание для развода, «ибо жена может простить неверность мужа, и достойная, благородная именно так и поступит» [1].

Г.В.Ф. Гегель разделял идею Аристотеля, что семья — исходный элемент общества: в своем развитии оно проходит три ступени, и первая из них — «семья» (потом «гражданское общество» и «государство»), поэтому семья — «ячейка сохранения и укрепления частной собственности, которая выступает непременным условием становления цивилизованного общества» [14].

Согласно Ф. Энгельсу, семья и производство — два основополагающих фактора в развитии общества, а моногамия — первый тип семьи, базирующийся не на естественных, а на экономических предпосылках. Впрочем, пожизненное единобрачие — фактор как прогресса, так и регресса: благосостояние одних достигается ценой страданий и подавления других [46].

Таким образом, философию семья интересует как важнейший элемент общественной структуры, фактор социального развития и сфера самореализации человека, связанная с решением таких экзистенциальных вопросов, как поиск смысла жизни, любви, красоты, баланса добра и зла и т.п.

Иные акценты характерны для демографического изучения семьи [12. С. 3]: интерес к семейно-брачным отношениям объясняется здесь тем, что их диагностика позволяет оценить эффективность и разработать меры социальной помощи семье, показав сильные и слабые стороны государственной политики. Пик подобных исследований пришелся на конец 1960-х гг., которые ознаменовали завершение институционализации демографической науки, в том числе в ее эмпирической части, снижение рождаемости, что потребовало изучения его причин и последствий, а также серьезные общественные трансформации, затронувшие и современную семью. Например, социально-экономическая ситуация 1990-х гг. породила в России острый демографический кризис, зафиксированный множеством статистико-демографических исследований [5], хотя нередко в них отсутствуют данные о мотивационно-ценностной подоплеке изменений в демографическом поведении под влиянием социально-экономических и политических реформ [30], т.е. «зная довольно много о закономерностях демографического перехода, мы упускаем уникальную возможность изучения демографических процессов в переходном обществе» [37].

В экономической трактовке семьи можно выделить традиционную и новую теории: «новая экономическая теория» анализирует не только рыночное поведение, но и внерыночные явления (рождаемость, получение детьми образовательных услуг, распределение времени в семье и т.д.) [34. С. 50].

Экономисты разводят «семью» и «домашнее хозяйство»: семья — группа людей, объединенная общностью семейно-родственных связей, которые необязательно проживают под одной крышей и имеют общий бюджет; домашнее хозяйство — группа людей, объединенная общим местом проживания, бюджетом и, как правило, семейно-родственными связями [32]. Экономические исследования могут фокусироваться на социально-демографических аспектах (число детей, стоимость их обучения, воспитания и т.д.), социально-психологических (внутрисемейные экономические отношения), социально-экономических (влияние статуса семьи на ее экономическое положение) или функционально-поведенческих (экономическое поведение семьи и влияние на него общественных трансформаций и т.д.).

Домохозяйство может исследоваться на двух уровнях [32]: микроэкономическом — как особая единица (экономическая активность, состояние и потенциал, доходно-имущественные характеристики, экономические отношения внутри домохозяйств) и макроэкономическом — как совокупность экономических единиц (экономические интересы, доходы домохозяйств, потребление, взаимоотношения с государством и т.д.).

В теории права семья — «круг лиц, связанных личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспитание» [45], причем семья и ее члены могут быть и индивидуальными, и коллективными субъектами права [28. С. 62].

В принципе в юридической науке не сложилось однозначного восприятия субъектности семьи в силу наличия множества ее трактовок, тем не менее, обычно речь идет не о семье целиком, а об отдельных ее членах, семейный «статус» которых порождает дополнительные права и обязанности.

Как ни странно это прозвучит, но схожим образом семью воспринимает и психология, хотя одни авторы уверены, что семья — это прежде всего малая группа, а другие изучают семью как особую социальную систему, однако в обоих случаях акцент делается на эмоциональных отношениях, сфере межличностного общения (социальные роли, восприятие друг друга и т.д.). В свою очередь, близка психологической трактовке семьи и педагогика, поскольку видит в семье главного агента социализации, особенно на ранних этапах социального становления личности [42. С. 241].

Вероятно, наиболее близок социологическому анализу семейно-брачной сферы этнографический подход, хотя этнографов в первую очередь интересуют архаические формы семьи — с позиций воспроизводства структуры и особенностей семейно-брачных отношений, в том числе семейного быта, и сохранения семьи как ячейки общества в любой исторический период [7. С. 16].

Тем не менее, невзирая на степень близости/дальности с социологической трактовкой семьи и разнообразие тематических акцентов, все теоретические подходы подчеркивают «статус» семьи как одной из самых важных и сложных подсистем общества. Поэтому ее трансформации, влекущие отход от неких традиционных идеалов, нередко воспринимаются в научном и публицистическом дискурсах как кризис семьи с непредсказуемо трагичными последствиями, масштабы которых, впрочем, зависят от множества обстоятельств: странового и административно-территориального фактора (город/село), уровня жизни социально-демографической группы, образовательных и национальных различий и пр.

В истории социальной науки трансформации семьи как важнейшего социального института и/или малой группы оценивались по-разному. Так, Л. Морган критиковал патриархальную теорию за трактовку моногамной семьи как основной ячейки общества, утверждая, что в своем историческом развитии семья прошла следующие стадии: кровнородственная семья основана на групповом браке между родственниками; пуналуальная — групповой брак сестер, родных и коллатеральных, с мужьями каждой из них; синдиасмическая (парная) — брак отдельных пар без исключительного сожительства; патриархальная — брак одного мужчины с несколькими женщинами; моногамная — вступление в брак отдельной пары раз и на всю жизнь [19. С. 11—12].

Историческую эволюцию форм семьи Ф. Энгельс связывал с определяющими факторами истории — производством и воспроизводством средств выживания и самого человека, поэтому выделял три стадии развития человечества, каждой из которых соответствует свой тип брака: «дикости» — групповой брак, «варварству» — парный, «цивилизации» — моногамия [46].

М.М. Ковалевский подтвердил гипотезу о схожем исходном состоянии семьи у цивилизованных народов и дикарей этнографическими данными: большинство

народов начали свой исторический путь не с матриархата, а с материнского родоисчисления [19. С.28].

Ф. Ле Пле считал семью основой государства и выделил несколько ее типов — патриархальный, неустойчивый и устойчивый/коренной, исходя из принципа передачи имущества по наследству: в патриархальной семье вся собственность передавалась одному сыну по завещанию, в неустойчивой все сыновья получали равные доли отцовского имущества, в устойчивой наследство передавалось тому сыну, который продолжал профессию отца [19. С. 35].

Б. Малиновский считал патриархальную семью единицей любого простого общества: со временем семья меняется, но сохраняет свой фундамент — взаимоотношения «родители—дети», поскольку они отвечают за культурное развитие и межпоколенческую передачу традиций [19. С. 38].

Противоположной — эволюционной — точки зрения придерживался П.А. Сорокин, будучи убежден, что формы семьи и брака изменялись в прошлом и будут изменяться в будущем: первоначально трансформации семьи порождались нормативными ограничениями и контролем сексуальности, сегодня — социокультурными факторами, определяющими рост удельного веса разводов, уменьшение числа браков и детей в семье, эмансипацию женщин и изменение роли религии (брак стал светским) [19. С. 42, 45].

Таким образом, даже столь краткий исторический экскурс показывает многообразие точек зрения на институт семьи и его функционирование. Однако институциональную интерпретацию семьи следует признать в социологии превалирующей над групповой (семья как малая группа).

В изучении семьи как социального института социологи акцентируют внимание на образцах мужского и женского поведения, ролевом репертуаре разных типов семей, особенностях формальных и неформальных норм и санкций, моделях сексуального поведения и т.д., тогда как в рамках группового подхода семья выступает как малое сообщество. Важность социального института семьи определяется реализуемыми им функциями [22. С. 40—41]: удовлетворение потребности в детях и «воспроизводство новых членов общества» [40. С. 187]; удовлетворение сексуальных потребностей супругов и запросов общества на сексуальный контроль; социализация молодого поколения, культурное воспроизводство общества; передача социального статуса и тем самым воспроизводство социальной структуры; поддержание физического здоровья членов общества, уход за детьми и престарелыми; экономическая поддержка несовершеннолетних и нетрудоспособных; моральная регламентация поведения и духовное обогащение; организация рационального досуга; психологическая защита и эмоциональная поддержка членов семьи.

«Качество» выполнения семьей своих функций зависит от целого ряда факторов, начиная с внешних — социального окружения — и заканчивая психологической обстановкой внутри семьи, однако немаловажную роль играет и форма брака — по сути, некая общественная санкция, задающая формат семейных отношений [41. С. 17].

Несомненно, брак в этом смысле претерпевает изменения вместе с обществом, которое посредством брака упорядочивает и санкционирует права и обязанности людей в рамках семьи — супружеские, родительские и пр. Так, сегодня браки возможны между людьми одного пола [15. С. 601—602], в ряде обществ разрешены полигамные браки и т.д. В целом можно выделить следующие виды современных браков [16]: официально зарегистрированный в государственных органах; консенсуальный — незарегистрированный по обоюдному согласию; религиозный (церковный) — совершенный по религиозным обрядам и освященный церковью; однополый; фиктивный — мнимый, выдаваемый за действительный [25. С. 105—106]). Это все моногамные союзы двух людей, но возможны и союзы между одним мужчиной и несколькими женщинами — полигиния (разрешена в некоторых государствах исламского мира и ряде немусульманских стран Африки [48]), полиандрия — когда одна женщина имеет несколько мужей (например, у народов Тибета и Гавайских островов), полигинадрия — групповой брак, объединяющий двух или более мужчин и двух или более женщин [38. С. 119]. Также существуют «неполные семьи», «материнские семьи», «повторные браки», «семьи с неродными родителями», «браки с раздельным проживанием супругов», конкубинат (сожительство мужчины и женщины без заключения брака), суаньнантаж (союз замужней женщины с холостым мужчиной, приводящий к рождению ребенка) [18. С. 117].

В современном мире расширился «репертуар» не только видов брака, но и отношений внутри семьи. Так, если в России в конце XIX в. основной задачей мужчины считалось обеспечение дома, женщины — рождение и воспитание детей (в браке крестьянка рожала 8—10 детей), и огромную роль в жизни семьи играла православная церковь, которая задавала ее нравственные императивы [29. С. 132], то сегодня в семье женщина не только занимается домашними делами, рожает и воспитывает детей, но и, как ее муж, работает, строит карьеру, нередко бывает основным «добытчиком»; в целом в развитых обществах снизилась роль религии и традиционных семейных ценностей [20. С. 29].

«Материальный достаток, мотивация на карьеру как мужчин, так и женщин, удлинение сроков образования, повышение эффективности контрацепции, а значит, и планирование рождаемости — все это снизило значимость взаимоотношений родителей и детей. Тому же, впрочем, способствует и передача основной части забот о подрастающем поколении внесемейным воспитателям: ребенок проводит большую часть года в школе, а лета — в лагере» [18. С. 110].

Все это способствует пространственному и эмоциональному отдалению людей и порождает кризис семьи, о котором писал еще П.А. Сорокин. Одно из его проявлений — модель «семья-клуб»: супруги не претендуют на великую любовь, а ищут доброго согласия, балансируют между фрустрацией и удовольствием и все решения принимают в ходе переговоров; ребенок здесь — партнер, обладающий определенными правами, но от которого ждут «воздаяния»; семья существует лишь до тех пор, пока один из супругов не нарушит лежащий в ее основе контракт, однако и разрыв не воспринимается как крах — это возможность, преду-

смотренная условиями контракта, поэтому нет разницы — зарегистрированный брак или «свободный союз» [18. С. 111].

Помимо форм брака изменились и факторы, влияющие на решение вступить в брак: прежде значимую роль играли социальный статус, религиозная принадлежность, материальное положение и т.д., сейчас нарастает тенденция к заключению брака «по любви», без ограничений по признаку расы, национальности или религии [13]. Свидетельство тому — повсеместное нарастание масштабов межнациональной (смешанной) брачности: так, только в США в 2010 г. по сравнению с 1980 годом межнациональных браков стало на 14,6% больше, а межрасовых — на 12,8% [11] (и это лишь официально зарегистрированные браки).

Многообразие трансформаций, переживаемых современной семьей, привело к тому, что в научном и публицистическом дискурсах сегодня доминируют не ответы и оценки, а вопросы о будущем семьи. Одни ученые убеждены, что процессы, происходящие в современном мире, приведут институт семьи к полному краху; другие, наоборот, видят в них предвестников очередной трансформации форм семьи и брака. Как правило, в качестве аргумента представители второй точки зрения прибегают к данным опросов общественного мнения, согласно которым, несмотря на разнообразие реальных воплощений брачно-семейных моделей, представления людей о нужном, важном и должном в этой сфере остаются весьма традиционными. Так, в 2015 г. каждый второй россиянин считал идеальным возрастом вступления в брак 18—24 года, каждый третий — 25—29 лет [21]; мотивы вступления в брак: «чтобы были дети, продолжился род» (60%), «чтобы рядом был человек, который тебя поймет и поддержит в любой жизненной ситуации» (43%), «чтобы был уютный дом, благоустроенный быт» (38%), «чтобы чувствовать себя нужным кому-то, иметь возможность о ком-то заботиться» (36%), «чтобы не расставаться с любимым человеком» (31%) [6].

Модель семьи, в которой мужчина играет роль добытчика и кормильца, а женщина — домохозяйки, хранительницы очага, не утрачивает популярности: большинство поколений считают ее идеальной и стремятся воплотить в собственной жизни [8]. Семья считается одной из главных ценностей в жизни — «с большим отрывом лидирует среди самых значимых для россиян понятий» [42]: за четверть века «значимость всех жизненных целей возросла, однако главными по-прежнему остаются семья, дети и здоровье» — подавляющее большинство (свыше 90% россиян) считает своими первостепенными жизненными задачами создание семьи (94%), воспитание детей и обеспечение их будущего [44].

Несомненно, столь важное значение семьи не является специфической особенностью российского общества, о чем свидетельствуют результаты опросов, реализованных на выборках студенчества трех столиц — России, Чехии и Казахстана — в 2015 г. (в каждом городе было опрошено около 900 человек, основным критерием отбора респондентов был «статус» студента столичного вуза и гражданство страны, поэтому в Москве выборка состояла из студентов разных столичных вузов и квотировалась по профилям обучения — социально-гуманитарные специальности, естественнонаучные и технические, а в Астане и Праге — из студентов главного вуза страны).

Понимая ограничения подобного сравнительного проекта и кросскультурных исследований в принципе (несмотря на более чем вековую историю и богатый арсенал методических решений в рамках количественного и качественного подходов, здесь остается множество нерешенных вопросов, касающихся обеспечения эквивалентности данных [см.: 39; 49; 50]), с учетом корректного перевода инструментария и достижения социологическим сообществом консенсуса относительно «алгоритма» согласования процедур сбора, обработки, анализа и презентации данных сравнительных исследований, вполне можно говорить о сопоставимости полученных данных для характеристики мировоззренческих доминант студенческой молодежи трех стран.

В рамках проекта было использовано две анкеты: «Ценностные ориентации студенчества» с соответствующим тематическим блоком по семейно-брачной проблематике и «Страхи, надежды и опасения современного студента», где таковая была введена в закрытия ряда вопросов.

Будучи ограничены размерами статьи, мы не будем останавливаться на принципиальных социально-экономических, политических, социокультурных и прочих различиях трех обществ — российского, казахстанского и чешского, тем более что они достаточно очевидны для любого читателя, пусть и на уровне медийно заданных социальных стереотипов. Иными словами, даже на уровне здравого смысла понятно, что речь идет о трех очень разных по образу жизни общественных системах, поэтому совпадение ценностных доминант студенческих когорт будет свидетельствовать об устойчивости семейных ценностей в современном обществе, несмотря на пессимистические констатации кризиса семьи и алармистские прогнозы о ее грядущем крахе как базового социального института.

Итак, представления и реалии российской молодежи в семейно-брачной сфере оказались ближе чешской, а не казахстанской ситуации. Так, все время росли в семье с обоими родителями по 62% российских и чешских респондентов и 84% казахстанских; часть детства/юности провели в семье с одним родителем 23% российских студентов, 32% чешских и 8% казахстанских, все время росли в семье с одним родителем соответственно 13% российских и по 4% чешских и казахстанских студентов.

На момент опроса российские студенты проживали с родителями (37%), одни (25%) или с друзьями (22% — в общежитии или в съемной квартире); среди казахстанских студентов эти пропорции сместились в пользу проживающих с друзьями (46%) за счет проживающих с родителями (19%), а на третьем месте оказался вариант «с родителями и/или другими родственниками» (17%), что, вероятно, свидетельствует о большем распространении в казахстанском обществе и расширенных семей, и родственной поддержки (когда долговременный приют предоставляется даже дальним родственникам, что не свойственно российским жителям больших городов).

Большинство чешских студентов проживают с родителями (56%) (что не следует интерпретировать как свидетельство большей близости отношений в родительской семье — в такой маленькой стране, как Чехия, основная доля студен-

тов — жители Праги и пригородов, тогда как в Москве и Астане разброс регионов выезда студентов в столицу просто огромен), 12% — с партнером/партнершей, 12% — с супругом(-ой) и ребенком (детьми).

Ответы на вопрос «Вы состоите в браке?» в российской выборке распределились следующим образом: не состоят в отношениях 58%, пока не живут вместе, а просто встречаются 27%, живут в так называемом «гражданском браке» 10%, состоят в официальном браке 6%; в казахстанской выборке по 4% респондентов состоят в официальном или гражданском браке, не состоят в отношениях 73%, состоят 19%; в чешской выборке распределение ответов оказалось совершенно иным — просто встречается 43%, не состоят в отношениях 41%, живут в гражданском браке 15%, состоят в официальном браке менее 1%.

Конечно, интерпретировать эти данные сложно, но напрашивается следующий вывод: поступление в высшее учебное заведение в Чехии, видимо, рассматривается как наступление зрелости в полном смысле этого слова, поэтому существенно больше чешских студентов состоят в отношениях и в гражданском браке (но не в официальном браке, вступление в который в западных странах сегодня сдвигается к тридцатилетнему рубежу), тогда как в России и Казахстане студенты, вероятно, придерживаются характерного для их родителей представления, что получение высшего образования — не социальный маркер зрелости, а определенный жизненный проект на пути к ее достижению, и для максимально эффективного прохождения данного жизненного этапа следует сфокусироваться на учебе и будущей карьере, а не на любовных отношениях и уж тем более семейно-брачных обязанностях. Отчасти это подтверждает и распределение ответов на вопрос, когда студенты планируют официально оформить отношения: на первом месте во всех странах оказался вариант «когда стану финансово независим(а)» (Россия — 32%, Казахстан — 36%, Чехия — 34%), на втором — «пока еще не задумывался над этим» (27%, 21% и 31% соответственно), однако на третьем месте в российской и казахстанской выборках вариант «как только закончу вуз» (по 17%), т.е. один жизненный проект, прежде чем приступать к реализации следующего (создание семьи), тогда как у чешских студентов — вариант «никогда — не вижу необходимости официально оформлять наши отношения» (13%), т.е. вполне западный паттерн.

Относительно желаемого количества детей мнения респондентов трех стран несколько разошлись, и по распределению ответов российская молодежь оказалась ближе чешской, воспроизводя западный тренд на малодетность. Так, в Москве каждый пятый опрошенный пока не определился с желаемым количеством детей, каждый третий хотел бы иметь двух детей, 17% — трех; в Чехии более половины опрошенных ориентированы на двухдетную семью (55%) или однодетную (17%), а каждый десятый декларирует ориентацию на бездетность (11%) (в российском обществе данная ориентация жестко и открыто порицается). Казахстанская молодежь ориентирована на многодетность: 39% студентов хотят иметь трех детей, 29% — больше трех, хотя много здесь и пока не определившихся (16%), что, видимо, следует объяснять контекстом опроса — получение высшего образования

открывает перед девушками (речь о них, потому что рождение ребенка неизбежно выбивает женщину из рабочего графика) больше карьерных возможностей, чем лишь хранение домашнего очага, однако устойчивые традиционные представления о должном репродуктивном поведении женщины могут противоречить личным карьерным устремлениям.

В тяжелые моменты жизни студенты всех трех стран обращаются за помощью и поддержкой, прежде всего, к родителям — 79% чешских респондентов (19% — к близким родственникам), 67% казахстанских (24%), 61% российских (26%).

Здесь также следует быть осторожным в интерпретациях: большее количество обращающихся за помощью к родителям в чешской выборке вряд ли объясняется более высокой привязанностью и степенью доверия — скорее более зрелыми отношениями, тогда как в более «традиционных» российском и казахстанском обществах все еще срабатывает стереотип «лишь бы мама/папа не узнали», поэтому в случае возникновения проблем проще и безопаснее с точки зрения родительских санкций обращаться за помощью к близким родственникам, которые не только помогут, но и подготовят родителей к негативной информации о собственном чаде. Эту версию подтверждают доминирующие во всех трех странах позитивные оценки студентами своих взаимоотношений с родителями, хотя между выборками есть различия в превалирующих «оттенках» этих отношений: в Чехии и Казахстане лидирует характеристика «у нас полное взаимопонимание, мы очень хорошо ладим друг с другом» (хотя и с очень разными долями — 44% и 76% соответственно), на втором месте — «отношения теплые, дружеские» (41% и 22%); в России соотношение этих двух вариантов меняются — как теплые и дружеские свои отношения с родителями квалифицирует 47%, как полное взаимопонимание — 36%. Впрочем, примерно равные доли респондентов (почти каждый второй) во всех трех странах ориентированы воспитывать своих детей примерно так же, как воспитывали их.

Отвечая на вопрос «За кого, в первую очередь, Вы чувствуете свою ответственность?», респонденты выбирали преимущественно три варианта: «только за себя», «за свою семью и близких» и «за друзей», хотя соотношение этих ответов в каждой выборке имеет свои отличия. Так, ответственность только за себя лидирует в Чехии с большим отрывом (96%), далее идет ответственность за свою семью и близких (55%) и за друзей (21%), т.е. модель мировосприятия весьма эгоцентрична, с фокусом на ближайшем семейном круге. В Казахстане и России столь же безусловным лидером оказалась ответственность за свою семью и близких (86% и 76% соответственно), а за ними с огромным отрывом идет ответственность только за себя (30% и 39%) и за друзей (24% и 31%), т.е. жизненный мир казахстанской и российской молодежи сосредоточен не столько на себе, сколько на круге близких людей.

Позиции российской молодежи здесь вновь неоднозначны: с одной стороны, россияне столь же «традиционны», как их казахстанские сверстники, в плане ощущения ответственности за родных и близких; с другой стороны, они чаще говорят об отсутствии взаимопонимания с родителями — видят в этом острую проблему

лишь 3% казахстанских респондентов, но 18% российских (этот показатель превышает аналогичный в чешской выборке — 11%, что свидетельствует об амбивалентности российского молодежного самосознания).

Признание такого круга людей, как семья, близкие и друзья крайне важно для всех студентов — российских (50%), казахстанских (72%) и чешских (81%), за ним с серьезным отрывом следует «только собственная самооценка» (Россия — 15%, Казахстан — 21% и Чехия — 61%) и «широкий круг знакомых» (по 14% в России и Казахстане и 11% в Чехии).

Интерпретировать эти данные сложно, за исключением того, что студенческая молодежь трех стран рассматривает в качестве референтной группы лишь очень близкий круг людей, включая себя, а в Чехии самооценка по значимости равноценна признанию значимых других из ближайшего социального круга, тогда как в Казахстане и России более сильны традиционные представления, что внешнее признание важнее самооценки. Это подтверждает и распределение ответов на вопрос «Для Вас лично успех — это, прежде всего..?»: чешские студенты на первое место поставили не только семейное благополучие (58%), как их российские (53%) и казахстанские (63%) сверстники (все прочие варианты жизненного успеха следуют за семейным благополучием с большим отрывом), но и творческую самореализацию (60% против 42% в российской и 33% в казахстанской выборке), т.е. эгоцентричное мировосприятие в большей степени характерно для чешских студентов и соответствует стереотипному восприятию особенностей нынешнего западного общества, тогда как более традиционные российское и казахстанское общества все еще не мыслят идеальный жизненный путь как самореализацию. Соответственно, для большинства чешских студентов наиболее приемлема равноправная модель распределения ролей в семье, где оба супруга работают (68%), а не традиционная — когда мужчина обеспечивает семью, а женщина занимается домашним хозяйством (счел ее приемлемой лишь каждый десятый опрошенный).

По последнему пункту мы не можем охарактеризовать предпочтения российской и казахстанской студенческой молодежи по той простой причине, что соответствующий вопрос им не задавался, а в анкету чешского опроса был добавлен целый тематический блок, посвященный семье и браку. Если в Астане российский вариант анкет был подвергнут незначительным правкам — форматированию и сокращениями, то в чешский вариант анкеты были внесены и содержательные изменения, однако о подобной проблеме (несогласованной редактуры опросного инструментария) в сравнительных исследованиях инициативного характера без серьезных финансовых вложений мы писали ранее [см.: 39; 50], и приходится работать с теми данными, что имеются в нашем распоряжении. Так, отвечая на вопрос «Насколько для Вас важны хорошие отношения в семье?», большинство чешских респондентов ответило, что «очень важны» (70%) или «скорее важны» (21%), т.е. семья с эмоциональной точки зрения для чешских студентов, несмотря на эгоцентричное мировосприятие, предельно важна. С утверждением, что «на первом месте для меня семья», выразили согласие 89% опрошенных, друзей назвал более важными, чем семью, каждый третий. С высказыванием «семья поддержива-

ет меня в наиболее важных решениях» выразили согласие 76% чешских студентов, и пожертвовать ради семьи карьерой в случае необходимости готовы 65%.

Значение семьи для российских и казахстанских студентов замерялось и негативно эмоционально нагруженными вопросами. Отвечая на вопрос «Задумываясь о своем будущем, чего Вы опасаетесь больше всего?», студенты называли, в первую очередь, потерю близких» (50% в Москве и 45% в Астане), а среди прочих страхов также превалируют связанные с семейной (в широком смысле слова) жизнью: «быть бездетным» (27% и 19% соответственно), «оказаться одиноким человеком» (24% и 19%), «неудачи в любви» (22% и 9%), «не выйти замуж/не жениться» (14% и 12%) и др.

Таким образом, как показывают даже небольшие по объему эмпирические данные (рассмотрены лишь несколько вопросов, а не результаты тематически сфокусированного опроса, разносторонне раскрывающего семейно-брачную проблематику), говорить о кризисе традиционных семейных ценностей и уж тем более о крахе семьи как социального института, якобы постепенно и неотвратимо прекращающего выполнять свои важнейшие функции, сегодня неверно. Действительно, семья претерпевает серьезнейшие трансформации, радикальность которых может иметь самый разный вектор (от архаизации в ряде регионов исламского мира до полного рационально мотивированного отказа от семьи и детей в развитых западных странах), однако опросы молодежи, получающей высшее образование в столицах трех государств (т.е. речь идет о когорте, прилагающей серьезные усилия для жизненного успеха), показали, что семья сохраняет для молодых поколений вполне традиционные смыслы и функции, порождая у респондентов готовность воспроизводить семейно-репродуктивные паттерны родителей. Семья сохраняет для молодежи свое приоритетное значение как главная жизненная ценность, о чем свидетельствуют и приведенные выше распределения ответов, и прямой вопрос, использованный, к сожалению, только в российской анкете, где респондентам было предложено расставить понятия-ценности по степени важности для себя лично на десятибалльной шкале (хотя респонденты часто превращают данную ранговую шкалу в оценочную, уравновешивая по значимости сразу несколько понятий, с чем приходится мириться): на первое место по значимости в своей жизни семью поставили 62% опрошенных, на второе — 18%.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] *Акчурина А.* Эволюция представлений о семье в философии // Ватандаш. Общественно-политический, научно-популярный и художественный журнал. URL: http://vatandash.ru/index.php?article=1647.

[2] *Аристотель.* Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1983.

[3] *Артеменко В.В.* Роль семьи в формировании здоровья детей. URL: http://ecsocman.hse.ru/text/33373495.

[4] *Багнетова Е.А.* Образ жизни родителей и поведенческие привычки старшеклассников // Фундаментальные исследования. 2011. № 2.

[5] *Борисов В.В., Синельников А.Б.* Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. М., 1995.

[6] Брак в России: вчера и сегодня. 02.04.2015. URL: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115214.
[7] *Бромлей Ю.В.* К вопросу об особенностях этнографического изучения современности // Советская этнография. 1977. № 1.
[8] *Бурханова Ф.Б.* Создание семьи: современные тенденции в Башкортостане // Вестник Института социологии. 2014. № 1.
[9] *Бурханова Ф.Б., Терелецкова Е.В.* Гендерный фактор в разводах. Уфа, 2010.
[10] *Бэкон Ф.* Сочинения. В 2 т. Т. II. М., 1971.
[11] *Винокур Б.* «Расовая рознь идет ко дну». В США — настоящий бум межэтнических браков // Новые Известия. 21.11.2011.
[12] *Волков А.Г.* Семья — объект демографии. М., 1986.
[13] Всеобщая декларация прав человека. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
[14] *Гегель Г.В. Ф.* Философия права. М., 1990.
[15] *Гидденс Э.* Социология. М., 2005.
[16] *Гидденс Э.* Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004.
[17] *Гоббс Т.* Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1991.
[18] *Голод С.И.* Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 2.
[19] *Голод С.И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998.
[20] *Гурко Т.А.* Институт семьи в постиндустриальных обществах // Ценности и смыслы. 2011. № 4.
[21] Жениться позже, чтобы помогать друг другу по хозяйству. 15.09.2015. URL: http://romir.ru/studies/707_1442264400.
[22] *Зритнева Е.И.* Социология семьи. М., 2006.
[23] *Ильичев Л.Ф., Федосеев П.Н.* Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
[24] *Кант И.* Антропология // Сочинения. Т. 7. М., 1994.
[25] *Капустина А.Я.* Международное гуманитарное право. М., 2011.
[26] *Кесаева Р.Э.* Взаимодействие семьи и медицины в современном обществе. URL: http://medical-diss.com/medicina/vzaimodeystvie-semi-i-meditsiny-v-sovremennom-obschestve.
[27] *Коренькова М.С.* Семья как социально значимая ценность: теоретический аспект // Грани познания. 2014. № 7.
[28] *Королев Ю.А.* Семья как субъект права // Журнал российского права. 2000. № 10.
[29] *Костикова Е.В.* Введение в гендерные исследования. М., 2005.
[30] *Митрофанова Е.С.* Демографическое поведение поколений россиян в сфере семьи и рождаемости // Экономический журнал ВШЭ. 2011. № 4.
[31] *Монтескье Ш.Л.* Избранные произведения. М., 1955.
[32] *Николаева Л.А., Рахманова М.С.* Экономика домашнего хозяйства и окружающего социума. Владивосток, 2005.
[33] *Платон* Сочинения. В 4 т. Т. 3. Ч. 1. СПб., 2007.
[34] *Поллак Р.* Трансакционный подход к изучению семьи и домашнего хозяйства // Thesis. 1994. № 6.
[35] *Руссо Ж.-Ж.* Эмиль, или О воспитании // Избранные сочинения. Т. 1. М., 1961.
[36] *Солодников В.В.* Семья: социологическая и социально-психологическая парадигмы // Прикладные исследования. 1994. № 6.
[37] Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М., 1998.
[38] *Терехин А.Т., Будилова Е.В., Карпенко М.П.* Глобальные тенденции изменения брачности населения // Народонаселение. 2005. № 3.
[39] *Троцук И.В., Савельева Е.А.* Сравнительные исследования ценностных ориентаций: возможности, ограничения, логика развития // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 4.
[40] *Фролов С.С.* Учебник по общей социологии. Тверь, 2008.

[41] *Холостова Е.И.* Семьеведение. М., 2012.
[42] *Хоменко И.А.* Семейная педагогика в учебной литературе: проблема отражения нового знания // Универсум. Вестник Герценовского университета. 2012. № 1.
[43] Чем мы дорожим? О самом важном в жизни россиян. 18.07.2013. URL: http://fom.ru/obshchestvo/10994.
[44] Что в жизни главное? Пресс-выпуск № 2770. 10.02.2015. URL: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115141.
[45] *Щепанский Р.А.* Понятие семейного права РФ. Общественные отношения, регулируемые семейным правом. URL: http://www.konspekt.biz/index.php?text=45547.
[46] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. М., 1986.
[47] *Юм Д.* О многоженстве и разводах // Сочинения. Т. 2. М., 1965.
[48] *Donini V.M.* Polygamy and family law. URL: http://www.resetdoc.org/story/00000001317.
[49] *Hoffmeyer-Zlotnik J.H.P.* Harmonisation of demographic and socio-economic variables in cross-national survey research // Bulletin de Méthodologie Sociologique. 2008. Vol. 98. No 5.
[50] *Narbut N.P., Trotsuk I.V.* Comparative analysis as a basic research orientation: Key methodological problems // Vestnik RUDN. Serija "Sociologija". 2015. No 4.

"STATUS" OF FAMILY INSTITUTION IN THE CONTEMPORARY SOCIETY, AND FAMILY AND MARRIAGE VALUES OF THE YOUTH

I.V. Trotsuk, A.D. Paramonova

Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia

In recent years, in the scientific community and the media there are ongoing debates on how radically the structure, functions and role of the family change in the contemporary society. The positions are conflicting, and even irreconcilable — from quite idealistic family perception in the social-constructivist sense (as a result of agreement of people without any traditional links — biological or legal), which states the eternal nature of the family, as long as there are people and some forms of sociality, to extremely alarmist warnings about the crisis of the family in the present and its disappearance in the not too distant future due to the loss of its functions as a basic social institution. The authors acknowledge both types of arguments, but introduce a clarification: the most pessimistic estimates and forecasts of the future of the family are concentrated on the theoretical level of the studies of the family as primarily a social institution, while at the empirical level, when people answer relevant questions about their own family, the current social realities do not look too pessimistic and prove both ideas — of the transformation of family values and of the preservation of many traditional patterns. Such a conventional differentiation of theoretical and empirical levels in terms of emphases in the sociological study of the family is presented in the article: first, the authors refer to the main trajectories of conceptual searches on family issues in historical and evaluative approaches; then present the results of the surveys among students of universities in the capitals of Russia, Kazakhstan and the Czech Republic. The data confirms, on the one hand, the reproduction in the youth worldview of quite traditional ideas about the proper and important in a person's life (family is an absolute priority); on the other hand, the ambivalence of Russian youth consciousness, which combines quite easily patriarchal and self-centered Western values.

Key words: family; marriage; value orientations; the youth; students; comparative studies (Russia, Kazakhstan, the Czech Republic); conceptual approaches; empirical research

REFERENCES

[1] *Akchurina A*. Evoljucija predstavlenij o sem'e v filosofii [Evolution of concepts of family in philosophy]. Vatandash. Obshhestvenno-politicheskij, nauchno-populjarnyj i hudozhestvennyj zhurnal. URL: http://vatandash.ru/index.php?article=1647.

[2] *Aristotle*. Sochinenija [Works]: V 4 t. T. 4. M., 1983.

[3] *Artemenko V.V*. Rol' sem'i v formirovanii zdorov'ja detej [The role of the family in determining children's state of health]. URL: http://ecsocman.hse.ru/text/33373495.

[4] *Bagnetova E.A.* Obraz zhizni roditelej i povedencheskie privychki starsheklassnikov [Lifestyle and behavioral habits of senior pupils' parents]. Fundamental'nye issledovanija. 2011. No 2.

[5] *Borisov V.V., Sinel'nikov A.B*. Brachnost' i rozhdaemost' v Rossii: demograficheskij analiz [Marriages and Births in Russia: Demographic Analysis]. M., 1995.

[6] Brak v Rossii: vchera i segodnja [Marriages in Russia: Past and present]. 02.04.2015. URL: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115214.

[7] *Bromley Ju.V*. K voprosu ob osobennostjah etnograficheskogo izuchenija sovremennosti [On the features of the contemporary ethnographic study]. Sovetskaja etnografija. 1977. No 1.

[8] *Burhanova F.B.* Sozdanie sem'i: sovremennye tendencii v Bashkortostane [Creating a family: Current trends in Bashkortostan]. Vestnik Instituta sociologii. 2014. No 1.

[9] *Burhanova F.B., Tereletskova E.V*. Gendernyj faktor v razvodah [Gender Factor of Divorces]. Ufa, 2010.

[10] *Bacon F*. Sochinenija [Works]. V 2 t. T. II. M., 1971.

[11] *Vinokur B.* «Rasovaja rozn' idet ko dnu». V SShA — nastojashhij bum mezhjetnicheskih brakov ["Racial hatred is sinking". In the US there is a real boom of inter-ethnic marriages]. Novye Izvestija. 21.11.2011.

[12] *Volkov A.G.* Sem'ja — ob'ekt demografii [Family as an Object of Demography]. M., 1986.

[13] Vseobshhaja deklaracija prav cheloveka [The Universal Declaration of Human Rights]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

[14] *Hegel G.W. F*. Filosofija prava [Philosophy of Law]. M., 1990.

[15] *Giddens A.* Sociologija [Sociology]. M., 2005.

[16] *Giddens A.* Transformacija intimnosti. Seksual'nost', ljubov' i erotizm v sovremennyh obshhestvah [The Transformation of Intimacy. Sexuality, Love, and Eroticism in Modern Societies]. SPb., 2004.

[17] *Hobbes T*. Sochinenija [Works]. V 2 t. T. 2. M., 1991.

[18] *Golod S.I.* Perspektivy monogamnoj sem'i: sravnitel'nyj mezhkul'turnyj analiz [Monogamous family prospects: Comparative cross-cultural analysis]. Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2003. Vol. VI. No 2.

[19] *Golod S.I.* Sem'ja i brak: istoriko-sociologicheskij analiz [Family and Marriage: Historical and Sociological Study]. SPb., 1998.

[20] *Gurko T.A*. Institut sem'i v postindustrial'nyh obshhestvah [Family institution in postindustrial societies]. Tsennosti i smysly. 2011. No 4.

[21] Zhenit'sja pozzhe, chtoby pomogat' drug drugu po hozjajstvu. 15.09.2015 [Marry later to help each other with the housework]. URL: http://romir.ru/studies/707_1442264400.

[22] *Zritneva E.I*. Sociologija sem'I [Sociology of Family]. M., 2006.

[23] *Il'ichev L.F., Fedoseev P.N.* Filosofskij enciklopedicheskij slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. M., 1983.

[24] *Kant I.* Antropologija [Anthropology]. Sochinenija. T. 7. M., 1994.

[25] *Kapustina A.Ja*. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo [International Humanitarian Law]. M., 2011.

[26] *Kesaeva R.Ee*. Vzaimodejstvie sem'i i mediciny v sovremennom obshhestve [Interaction of family and medicine in the contemporary society]. URL: http://medical-diss.com/medicina/vzaimodeystvie-semi-i-meditsiny-v-sovremennom-obschestve.

[27] *Koren'kova M.S.* Sem'ja kak social'no znachimaja tsennost': teoreticheskij aspect [Family as a socially significant value: Theoretical aspect]. Grani poznanija. 2014. No 7.
[28] *Korolev Ju.A*. Sem'ja kak sub'ekt prava [Family as a subject of law]. Zhurnal rossijskogo prava. 2000. No 10.
[29] *Kostikova E.V*. Vvedenie v gendernye issledovanija [Introduction to Gender Studies]. M., 2005.
[30] *Mitrofanova E.S.* Demograficheskoe povedenie pokolenij rossijan v sfere sem'i i rozhdaemosti [Demographic behavior of Russian generations in the field of family and fertility]. Ekonomicheskij zhurnal VShJe. 2011. No 4.
[31] *Montesquieu Ch.L.* Izbrannye proizvedenija [Selected Works]. M., 1955.
[32] *Nikolaeva L.A., Rahmanova M.S.* Ekonomika domashnego hozjajstva i okruzhajushhego sociuma [Economy of the Household and the Surrounding Society]. Vladivostok, 2005.
[33] *Plato*. Sochinenija [Works]. V 4 t. T. 3. Ch. 1. SPb., 2007.
[34] *Pollak R.* Transakcionnyj podhod k izucheniju sem'i i domashnego hozjajstva [A Transactional Cost Approach to Families and Households]. Thesis. 1994. No 6.
[35] *Rousseau J.-J.* Emile, ili O vospitanii [Emile, or Concerning education]. Izbrannye sochinenija. T. 1. M., 1961.
[36] *Solodnikov V.V*. Sem'ja: sociologicheskaja i social'no-psihologicheskaja paradigmy [Family: Sociological and social-psychological paradigms]. Prikladnye issledovanija. 1994. No 6.
[37] Sociologija v Rossii [Sociology in Russia] / Pod red. V.A. Jadova. M., 1998.
[38] *Terehin A.T., Budilova E.V., Karpenko M.P.* Global'nye tendencii izmenenija brachnosti naselenija [Global trends in population marriage]. Narodonaselenie. 2005. No 3.
[39] *Trotsuk I.V., Savel'eva E.A.* Sravnitel'nye issledovanija cennostnyh orientacij: vozmozhnosti, ogranichenija, logika razvitija [Comparative studies of value orientations: Potential, limitations, and the logic of development]. Vestnik RUDN. Serija «Sociologija». 2015. No 4.
[40] *Frolov S.S.* Uchebnik po obshhej sociologii [Textbook of General Sociology]. Tver', 2008.
[41] *Holostova E.I*. Sem'evedenie [Family Studies]. M., 2012.
[42] *Homenko I.A*. Semejnaja pedagogika v uchebnoj literature: problema otrazhenija novogo znanija [Family pedagogy in the academic literature: On the reflection of new knowledge]. Universum. Vestnik Gercenovskogo universiteta. 2012. No 1.
[43] Chem my dorozhim? O samom vazhnom v zhizni rossijan [What do we value? About the most important things in the lives of Russians]. 18.07.2013. URL: http://fom.ru/obshchestvo/10994.
[44] Chto v zhizni glavnoe [What is most important in one's life]? Press-vypusk No 2770. 10.02.2015. URL: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115141.
[45] *Schepansky R.A*. Ponjatie semejnogo prava RF. Obshhestvennye otnoshenija, reguli-ruemye semejnym pravom [The concept of family law in the Russian Federation. Public relations regulated by the family law]. URL: http://www.konspekt.biz/index.php?text=45547.
[46] *Engels F.* Proishozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva [The origin of the family, private property and the state]. Marks K., Engels F. Izbrannye proizvedenija. V 3 t. T. 3. M., 1986.
[47] *Hume D.* O mnogozhenstve i razvodah [On polygamy and divorces] // Sochinenija. T. 2. M., 1965.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ВУЗАХ СВЕТСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ*

И.П. Рязанцев[1], М.А. Подлесная[1], А.А. Петрова[1], И.И. Козлов[1], А.М. Пахарь[2]**

[1]Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия
[2]Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия

В статье представлены результаты факторного анализа применительно к данным массового опроса, посвященного ценностным ориентациям студентов светских и духовных вузов, а именно — Московской православной духовной академии и семинарии, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургского государственного университета. В начале статьи авторы предлагают краткий обзор нынешнего состояния социологических исследований ценностей и ценностных ориентаций молодежи и россиян, делая акцент на межстрановых и иных сопоставительных контекстах, столь популярных сегодня в подобных проектах. Также в статье обозначены разные акценты в социологической работе с понятиями ценностей и ценностных ориентаций на концептуальном и эмпирическом уровнях, в том числе в историографическом аспекте. Поскольку исследовательский проект состоял из нескольких этапов, решал целый ряд задач и предполагал разные форматы опросного метода применительно к разным генеральным и выборочным совокупностям (администрация вузов, профессорско-преподавательский состав и студенты), в статье представлена лишь небольшая часть материалов проекта, призванных выявить ценностные ориентаций студентов светских и духовных вузов с использованием методики С. Шварца и В. Билски. Авторы предпринимают попытку с помощью методики Шварца определить сходства и различия в ценностях и мотивах учащихся вузов светской и религиозной направленности, выделяют четыре факторных типа мотивации, предлагают возможные интерпретации обнаруженных факторов и их проявлений в разных студенческих подвыборках, в частности, апеллируя к разным обстоятельствам жизни студентов светских и духовных вузов и большей «экспертности» второй выборки в сфере (христианского, православного) морального дискурса, в отличие от большинства студентов светских вузов, которых вряд ли можно считать экспертами в светской этике.

Ключевые слова: ценностные ориентации; мотивы; мотивационный конфликт; факторный анализ; методика Шварца; светские вузы; духовные вузы

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ: СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМЫ

На сегодняшний день существует целый ряд серьезных работ, посвященных изучению ценностей и ценностных ориентаций молодежи и россиян, свидетельствующих о серьезном интересе государства и общества к исследованиям подобного рода. В связи с этим нельзя не вспомнить межстрановой исследовательский проект рабочей группы ЦЕССИ (1), исследования и социологические школы, организуемые Лабораторией сравнительных социальных исследований НИУ Высшая школа экономики (2), исследовательские проекты Института социологии РАН под ру-

* Статья подготовлена в рамках государственного контракта Министерства образования и науки Российской Федерации № 14.740.11.0790 от 30 ноября 2010 г. «Духовно-нравственная культура и мировоззренческие парадигмы современного российского образования: история и новые тенденции» (руководитель — игумен Киприан (Ященко)).

** © И.П. Рязанцев, М.А. Подлесная, А.А. Петрова, И.И. Козлов, А.М. Пахарь, 2016.

ководством М.К. Горшкова [4; 5; 7], многолетние исследования ценностей рабочей группы В.С. Магуна [6; 10], работы В.А. Ядова [16] и многие др. Отдельно хотелось бы отметить исследование сотрудников Института социологии образования РАО [18], посвященное соотношению «современного» и «традиционного» в ценностях постсоветской молодежи, которое оказалось близким нашему проекту исследовательским принципом изучения ценностей через призму их модерности и традиционности. Не менее близким оказалось и то, что в качестве объекта исследования была выбрана молодежь, а именно старшеклассники и студенты колледжей, при этом важно отметить в этой работе тезис о влиянии уровня образования на формирующиеся у молодежи ценности.

Надо отметить, что понятие ценности востребовано сегодня не только в эмпирических исследованиях. Появились работы, свидетельствующие о попытках возродить внимание к ценностной, моральной проблематике и на теоретическом уровне, что традиционно для социологии, но в силу определенных причин на протяжении ряда десятилетий не вызывало энтузиазма у теоретиков. В первую очередь речь идет о том направлении, которое представлено именами Стефена Вейси и Стивена Хитлина [23; 24]. Последний отмечал, что именно наработки последнего времени как в концептуализации, так и в измерении ценностей позволили заново реинтегрировать в научный дискурс понятие ценности, некоторое время назад как будто бы «вышедшее из моды» [22]. На самом деле концептуализация, теоретические модели, макросоциологические интерпретации не менее важны, чем сложные методики измерения ценностей, так как именно они определяют, как понимать и выявляемые различия, и предполагаемый вектор изменений в ценностных ориентациях.

Один из вариантов ответа на вопрос о природе изменений дается в модернизационном подходе [3; 9], где, в частности, задействованы идеи американского социолога А. Инкелеса, преложившего аналитическую модель «современной личности», чертами которой, по мнению американских исследователей, является активная гражданская позиция, развитое чувство социальной ответственности, внутренняя независимость и интеллектуальная самостоятельность, открытость всему новому, толерантность к окружающим и уважительное отношение к законам.

Данная модель изменений в сфере ценностей представляется довольно логичной и обоснованной, хотя такой образ вектора общественных изменений и социального времени не является единственно возможным. Более того, данная модель изменений является (впрочем, вероятно, как и другие возможные варианты) идеологически нагруженной, так как имеет отчетливую связь с либерализмом.

Не отвергая ни права на существование данной модели, ни ее достоинств, укажем лишь, что она скорее будет затруднять понимание внутренней логики религиозной, в том числе христианской этики и связанных с ней базовых ценностей, нежели способствовать их раскрытию. Поэтому в исследовании российского общества, которое на протяжении определенного периода времени находилось под влиянием восточно-христианской, православной традиции, и в отношении соответствующего сегмента общества, где сохраняется это влияние, мы обратимся к другой аналитической модели оценки направленности социальных изменений.

Одно из фундаментальных социологических исследований на данную тему, затрагивающее особенности восточного христианства и православия в частности, — монография Георгия Мандзаридиса «Социология христианства», в которой представлен социологический анализ исторических (организационных) форм существования христианства, его этики, социального учения и ряда отдельных институтов [32]. Ряд положений этой работы был задействован в интерпретации результатов нашего исследования.

Нами было проведено исследование в двух разных совокупностях, ориентированных на формирование различных ценностных и жизненных установок у учащихся, — в светских вузах (и среди их студентов), и в высших духовных школах, среди семинаристов, будущих священников — носителей, как мы предполагаем, наиболее ярко выраженных традиционных ценностей. Помимо прочего, авторам статьи показалось важным в ситуации все возрастающей роли религии в современном российском обществе, в период его преодоления духовно-нравственного кризиса, определить сходства и различия в ценностях студентов светских и духовных вузов, архетипическую основу в светском и религиозном (христианском) сознании.

ОБЪЕКТ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось в период с 2010 по 2012 г. в вузах светской и религиозной направленности, таких как Московская православная духовная академия, Санкт-Петербургская православная духовная академия, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет (3). Это первый опыт в российской социологии, когда светские социологи смогли получить доступ и сделать замеры в высших духовных школах Русской Православной Церкви. Не случайно при этом, что в исследовании приняли участие наиболее популярные и престижные вузы крупных столичных городов (Москвы и Санкт-Петербурга), которые в большей степени, чем другие, подвержены и восприимчивы к инновациям, сопровождающим образовательный процесс сегодня.

Методологически исследование делилось на несколько этапов. Первый этап — проведение глубинных интервью с экспертами духовных и светских вузов. В качестве экспертов выступили: 1) сотрудники административной части университетов и академий — ректоры, проректоры, деканы; 2) профессорско-преподавательский состав; 3) духовники воспитанников духовных академий и священники университетских храмов столичных вузов. Основными задачами данного этапа стали: выявление традиционных ценностей православной культуры, к которой принадлежит Россия, их оценка экспертами духовных вузов; выявление основных тенденций, наметившихся в образовательном, воспитательном, научном, внеучебном процессах в вузах религиозной и светской направленности с конца 1980-х гг. по настоящее время; выявление основных форм духовно-нравственной культуры через определение сохраняющихся традиций и появляющихся инноваций. Второй этап исследования — массовый опрос студентов светских и духовных вузов посредством формализованной анкеты.

В массовом опросе приняли участие студенты трех вузов: МПДА, МГУ имени М.В. Ломоносова, СПбГУ. Всего было опрошено 913 респондентов (457 студентов вузов светской и 456 вузов религиозной направленности) (4).

Основными задачами данного этапа стали: 1) определение уровня воцерковленности студентов светских вузов; 2) понимание ценностных установок и ориентаций студентов светских и духовных вузов; 3) определение авторитетного мнения в жизни студентов светского и духовного вуза, а также роли вуза, школьных и вузовских преподавателей, родителей, духовников, средств массовой информации и др. в процессе формирования ценностей, степени влияния на них; 4) выявление основных ценностных ориентаций, транслируемых вузом (как корпорации, имеющей свои миссию, цели, исторические особенности развития) и преподавателями; 5) определение основных традиций, сохранившихся в вузах в воспитательной, учебной, внеучебной части образовательного процесса, и того, как воспринимают эти традиции сами студенты.

Подобная методология позволила нам рассматривать вуз, прежде всего, как ценностно-символическое пространство, в котором реализуются и передаются аксиологические практики основных агентов образовательного процесса (сам вуз, преподаватели, учащиеся, а также агенты так называемого «внешнего влияния» — государство в виде образовательной реформы и преобладающая в обществе мировоззренческая ориентация — религиозная, т.е. духовно-нравственная, или светская (секулярная).

В статье представлена лишь небольшая часть материалов исследования, которая была направлена на выявление ценностных ориентаций студентов светских и духовных вузов с использованием методики С. Шварца и В. Билски [27—29]. В исследовании мы сочли эффективным использование именно этой методики, ставшей популярной в изучении ценностей субъектов разных культур.

Шкала ценностей Шварца построена с опорой на шкалу ценностей Рокича [26], но предназначена для измерения различий ценностей в зависимости от культур. Наиболее существенной частью теории являются две гипотезы о структуре типов ценностей: первая состоит в том, что структура универсальна относительно различий культур; вторая утверждает, что на основе анализа структур в них можно обнаружить мотивационные конфликты. Нам было важно рассмотреть мотивационные различия двух систем образования и их учащихся — религиозного и светского, а также увидеть общее, оставшееся от единого некогда ценностного базиса в виде традиционных для российской цивилизации (исторического социетального сообщества) ценностных приоритетов.

В анкете респондентам был предложен вопрос с высказываниями, относящимися к разным типам мотивации (и целям жизни представителей той и другой систем): «сохранению», «открытости изменениям», «самоутверждению», «заботы о людях». В авторской методике Шварца субшкалы были связаны взаимно обратными соотношениями друг с другом, т.е. с ростом значимости одной категории ценностей значимость другой снижается, однако в некоторых исследованиях [см., напр.: 10] отмечалось, что отношения между этими субшкалами не столь однозначны.

Анализ проводился по трем подвыборкам — для светских мужчин 17—25 лет (320 человек), светских женщин 17—25 лет (346) и духовных (только мужчины) 17—25 лет (161). В анализе не учитывались учащиеся духовных вузов более старшего возраста, чтобы возможные различия в результатах нельзя было объяснить тем фактом, что «духовные» в нашей выборке существенно старше «светских». Для обработки результатов был применен факторный анализ. Факторы извлекались методом главных осей с последующим косоугольным облимин-вращением. Проверялись 3-х и 4-х факторные решения, в результате было отдано предпочтение 4-факторным решениям во всех трех подвыборках, которые объясняют совокупно от 50% до 55% дисперсии.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА

Итак, мы получили матрицы факторных нагрузок и корреляции между факторами (табл. 1—2).

Таблица 1

Факторные нагрузки и корреляции между факторами у студентов-мужчин в светских вузах

Светские мужчины	Фактор			
	1	2	3	4
важно жить в безопасном окружении	.184	.248	–.107	.029
важно самому принимать решения	.188	.263	.003	**–.467**
важно быть успешным	**.786**	.041	–.058	**–.316**
важно помогать окружающим	–.088	**.809**	–.077	–.062
важно вести себя правильно и избегать поступков, которые могут вызвать осуждение	.216	.297	–.019	**.455**
важен поиск приключений, риск	.026	.327	**.325**	–.266
важно быть богатым	**.553**	–.111	.102	.034
важно быть верным другом	–.013	**.444**	.201	.076
важно быть скромным, держаться в тени	.020	.213	–.064	**.449**
важно хорошо проводить время	.109	–.017	**.672**	–.048
важно быть уважаемым человеком	**.611**	–.008	.067	.175
важно понять других людей	.013	**.396**	.074	.079
важно иметь возможность повеселиться	.057	.012	**.807**	.065
важно продемонстрировать свои способности	.332	.119	.222	–.110

Таблица 2

Факторные нагрузки и корреляции между факторами у студентов-женщин в светских вузах

Светские женщины	Фактор			
	1	2	3	4
важно жить в безопасном окружении	.130	.158	–.041	**.473**
важно самому принимать решения	.172	.238	–.001	–.061
важно быть успешным	**.703**	.105	–.042	.084
важно помогать окружающим	.009	**.742**	–.108	.009
важно вести себя правильно и избегать поступков, которые могут вызвать осуждение	.167	.261	–.114	**.514**
важен поиск приключений, риск	.233	.124	.281	**–.414**
важно быть богатым	**.679**	–.244	.129	.070
важно быть верным другом	–.029	**.383**	.177	.129

Окончание таблицы 2

Светские женщины	Фактор			
	1	2	3	4
важно быть скромным, держаться в тени	–.018	–.074	.063	.234
важно хорошо проводить время	.127	–.006	**.683**	.074
важно быть уважаемым человеком	**.383**	.146	.214	.285
важно понять других людей	–.134	**.307**	.285	–.046
важно иметь возможность повеселиться	.099	–.041	**.721**	–.023
важно продемонстрировать свои способности	**.330**	.085	.219	–.159

Фактор 1 практически одинаков у светских мужчин и женщин и нагружает больше всего пункты *важно быть успешным*; *важно быть богатым*; *важно быть уважаемым человеком*; *важно продемонстрировать свои способности*. Это **Самоутверждение**.

Фактор 2 почти одинаков у светских мужчин и женщин и нагружает пункты *важно помогать окружающим; важно быть верным другом; важно понять других людей*. Это **Забота о людях**.

Фактор 3 почти одинаков у светских мужчин и женщин и нагружает пункты *важно хорошо проводить время; важно иметь возможность повеселиться*. Это подшкала «гедонизма» в терминологии Шварца. У мужчин с этим фактором связано высказывание *важен поиск приключений, риск*. Назовем этот фактор у мужчин «**Гедонизм — Склонность к инновациям/риску**». В классификации Шварца он называется «открытость изменениям» и включает в себя (по подшкале) «гедонизм», однако, по нашим данным, среди студентов консистетность показывает только подшкала «гедонизм», а подшкала «риск—новизна» с ней связана только у студентов мужчин. То же касается и оси «Самостоятельность», которая также практически не демонстрирует связи с «гедонизмом» и «риском—новизной», но отрицательно коррелирует с четвертым фактором, причем только в подвыборке мужчин.

Фактор 4 несколько различается у светских мужчин и женщин. У мужчин он нагружает пункты *важно вести себя правильно и избегать поступков, которые могут вызвать осуждение*; *важно быть скромным, держаться в тени*; *[не] важно самому принимать решения*; *[не] важно быть успешным*. У женщин фактор нагружает пункты *важно жить в безопасном окружении*; *важно вести себя правильно и избегать поступков, которые могут вызвать осуждение*; *[не] важен поиск приключений, риск*. Налицо две версии **Сохранения:** у женщин это условно **«Комформизм—Безопасность»**, у мужчин — скорее «**Комформизм—Несамостоятельность»**. Довольно странно, что данный фактор настолько выражен, особенно среди студентов-мужчин, однако он стоит только на четвертом месте.

Как видим, наш анализ светской учащейся молодежи в целом довольно близок субшкалам Шварца, по крайней мере, «второго уровня», поскольку его методика ориентирована в первую очередь на светское, секуляризованное общество. Второй и третий факторы по своему смыслу близки к описанным Шварцем осям, на полюсах которых расположены четыре ценностных категории.

Для воспитанников духовных вузов субшкалы иные — они не связаны взаимно обратными соотношениями: с ростом значимости одной категории ценностей значимость другой не снижается (табл. 3).

Таблица 3

Факторные нагрузки и корреляции между факторами у студентов духовных вузов

Студенты МПДАиС (мужчины 17—25 лет)	Фактор			
	1	2	3	4
важно жить в безопасном окружении	**.399**	.295	–.053	–.136
важно самому принимать решения	.022	–.093	.181	**–.444**
важно быть успешным	.002	–.014	.069	**–.803**
важно помогать окружающим	.061	–.015	**.479**	.055
важно вести себя правильно и избегать поступков, которые могут вызвать осуждение	–.078	**.437**	**.327**	–.107
важен поиск приключений, риск	.009	**–.492**	.066	–.193
важно быть богатым	.132	–.092	–.250	**–.486**
важно быть верным другом	.004	.013	**.474**	.016
важно быть скромным, держаться в тени	–.038	.293	–.003	.041
важно хорошо проводить время	**.608**	–.158	.159	.038
важно быть уважаемым человеком	**.551**	**.341**	.013	–.296
важно понять других людей	.012	–.008	.191	–.084
важно иметь возможность повеселиться	**.413**	–.299	.013	–.042
важно продемонстрировать свои способности	**.689**	–.065	–.003	.010

Здесь фактор 1 получил нагрузку прежде всего по пунктам *важно хорошо проводить время*; *важно быть уважаемым человеком*; *важно продемонстрировать свои способности*; *важно иметь возможность повеселиться*; *важно жить в безопасном окружении*, т.е. здесь присутствуют элементы, которые относятся к осям «Самоутверждение», «Гедонизм», «Безопасность». Надо сказать, что ни с группами «ценностей третьего уровня» («укрупненные категории ценностей»), ни даже с «типологическими ценностными индексами» (ценностями «второго уровня»), такой набор не совпадает. Можно вспомнить, что в работе В.С. Магуна и М.Г. Руднева по результатам факторного анализа были получены «ценностные факторные оси, которые независимы друг от друга (т.е. не имеют значимой корреляции) и, как оказалось, каждая из них имеет более сложную структуру, чем ценностные оси, предложенные Шварцем» [10. С. 7], и «отличия полученной факторной структуры от классификации Шварца в том, что Шварц рассматривает каждую из осей как оппозицию только двух ценностных категорий, между тем как в состав каждого из реально полученных факторов входят ценности, представляющие все четыре ценностных категории» [10. С. 9]. В их анализе при выделении первый из факторов был проинтерпретирован как «генерализованная тенденция респондентов давать примерно одинаковые по величине ответы на все ценностные вопросы» и был отброшен как бессодержательный.

В нашем исследовании это вряд ли оправдано. Во-первых, в случае со студентами светских вузов получилась структура данных, в чем-то близкая ценностным осям модели Шварца; во-вторых, даже такому набору ценностей, на связь которых указывают факторные нагрузки, можно дать содержательную интерпретацию,

причем исходящую из логики идеалов христианской этики, которой должны демонстрировать приверженность студенты духовной академии как будущие пастыри Церкви. И хорошее времяпрепровождение (5), и «уважение в компании», и «жизнь в безопасном окружении» с точки зрения христианской этики — скорее некие периферийные факторы, второстепенные по отношению к исполнению заповедей, спасению, обретению Царствия Небесного, т.е. некая уступка миру, пусть даже в чем-то оправданная. Если обратиться к терминологии канонического права, то наиболее близким по смыслу термином была бы «Икономия» (6).

Надо отметить, что допустимыми с точки зрения православной морали ценностями из всех примеров «Самоутверждения» оказались не приобретение богатства или «успешность», а самореализация в кругу непосредственного общения, можно даже предположить, что речь идет о круге единомышленников и единоверцев, о чем свидетельствуют ответы и на другие вопросы анкеты.

Обращает на себя внимание довольно сильная отрицательная корреляция между «Икономией» и Самоутверждением в плане материальных ценностей. Быть уважаемым и показывать способности — у светских студентов они связаны с Самоутверждением индивида как отдельного человека, у учащихся духовных вузов — существуют в рамках Икономии как что-то допустимое, к чему можно относится снисходительно, по крайней мере, в пределах условного «корпоративного», сословного круга общения, семинарского братства. Но вот (светский?) успех и богатство — это нечто, выходящее за рамки этого принципа морального снисхождения, который скорее даже противостоит им.

Фактор 2 нагрузил пункты *важно вести себя правильно и избегать поступков, которые могут вызвать осуждение* (7); *[не] важен поиск приключений, риск; важно быть уважаемым человеком*. Этот фактор затрагивает вопросы из подшкалы комформизма, однако, исходя из комментариев студентов, все-таки более вероятно, что речь идет не просто о соответствии поведения принятым в обществе правилам, а о следовании нормам религиозной (христианской) морали, об уважении, опять же, скорее в кругу «своих», т.е. единоверцев, единомышленников, в кругу непосредственного общения. Поэтому данный фактор назовем не «комформизм» (хотя, вероятно, здесь он тоже присутствует), а **Традиционализм**.

Фактор 3 нагрузил пункты *важно помогать окружающим*; *важно быть верным другом*; *важно вести себя правильно и избегать поступков, которые могут вызвать осуждение*. Этот фактор напоминает светский фактор Забота о людях, но с компонентом долга (вместо эмпатии). Назовем его **Жертвенное служение людям**.

Фактор 4 дал нагрузки на пункты «*[не] важно быть успешным; [не] важно быть богатым»; «[не] важно самому принимать решения»*. Он похож на светское Самоутверждение, но наоборот — назовем его **Аскетизм**. Довольно естественно ожидать такой принцип в рамках христианской этики, в христианской модели морального дискурса, однако данный фактор оказался только на четвертом месте — на первом месте стоит сближающая ценностные ориентацией с «мирской», светской моралью Икономия. Можно было бы рассматривать это как свидетельство

того, что ценностные, моральные ориентиры студентов духовных вузов, несмотря на все усилия их воспитателей и духовных наставников, находятся под влиянием ценностей «большого общества», что тоже вполне объяснимо, в том числе в рамках христианской этики, которую изучают эти студенты как один из базовых предметов.

Нужно обязательно оговориться, что в том, что касается христианского учения, по крайней мере в его восточной традиции (в православии, в первую очередь), аскетизм не является самоцелью или самостоятельным элементом. Это всего лишь инструментальный принцип, вытекающий из фундаментальной для христианского образа мира (8) модели социального времени, которое, как и время современной западной культуры, является линейным, однако при этом имеет эсхатологическую перспективу, является «сложным временем», несущим в себе элемент вечности, и одновременно предполагает релятивизацию мира как временного, т.е. имеющего ограниченную ценность в перспективе вечности [32. С. 36, 149—162; см. также: 30]. Разумеется, эсхатологическая или какая-либо иная перспектива социального времени методикой Шварца не измеряется — мы лишь предлагаем эту перспективу социального времени как объяснение, почему среди факторов появляется то, что мы с долей условности назвали Аскетизмом.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Если соотносить факторы, полученные при анализе ответов студентов светских и духовных вузов, то получится соотношение (табл. 4), из которого видно, что полностью противоположны факторы в паре «Самоутверждение» — «Аскетизм»: «Самоутверждение» в ценностных представлениях светских студентов оказывается первым фактором, а «Аскетизм» — вторым. Остальные факторы, с некоторыми оговорками, более однонаправленны. «Забота о людях» и «Жертвенная любовь к людям» — проявления одного принципа, сохранившегося не только в православии и не только в западной культуре, христианской в своих основах, но и более универсального. «Гедонизму» светской этики в какой-то степени соответствует принцип «Икономия» христианского учения (9); принципу «Сохранение» — «Конформизм—Безопасность» у женщин и «Конформизм—несамостоятельность» у мужчин.

Таблица 4

Факторные выборы студентов светских и духовных вузов

Факторы	Светские вузы	Факторы	Духовные вузы
Фактор 1	Самоутверждение	**Фактор 4**	Аскетизм
Фактор 2	Забота о людях	**Фактор 3**	Жертвенное служение людям
Фактор 3	Гедонизм (Гедонизм и склонность к риску у мужчин)	**Фактор 1**	Икономия
Фактор 4	Сохранение: Конформизм—Безопасность у женщин и Конформизм—несамостоятельность у мужчин	**Фактор 2**	Традиционализм (и конформизм)

Различия между факторными структурами у студентов светских и духовных вузов можно объяснить, в том числе, обстоятельствами их жизни:

— учащиеся духовных вузов проводят больше времени вместе с соучениками, их личная жизнь не отделена от компании;

— «духовные» настроены менее эгоцентрично: они не так сильно, как «светские», связывают свои заслуги с личными достижениями;

— сама система духовного образования своими внешними факторами способствует сглаживанию индивидуальных различий (одинаковая форма, общий распорядок дня, всеобщее послушание);

— студенты духовных вузов менее склонны приписывать свои достижения себе, чем студенты светских вузов, объясняя все человеколюбием и волей Бога (судя по ответам на вопрос из методики Шварца, а также из замечаний респондентов);

— богатство и успех — ценности, которые в светской среде несут позитивный заряд, в духовной среде — негативную нагрузку. В православной среде богатство не является пропагандируемой ценностью, более того, к нему относятся с некоторой опаской, так как оно воспринимается как источник соблазнов («удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие»: Мф. 19:24).

Интерпретируя различия между ценностными ориентациями студентов светских и духовных вузов, стоит обратить внимание еще на один важный момент. Студенты духовных семинарий и академий как будущие пастыри — уже эксперты в области (христианского, православного) морального дискурса, в отличие от большинства студентов светских вузов, которых вряд ли можно считать экспертами в светской этике. И в этом смысле воспроизводимая первыми позиция по ценностным, моральным вопросам, во-первых, будет более развернутой, во-вторых, вероятно, более сложной и отрефлексированной. Иными словами, студенты духовных вузов в большей степени могут оперировать «моральными ресурсами» [25]. Видимо, это и объясняет затруднения студентов МПДАиС при ответах на вопросы методики Шварца — они критиковали их формулировки как упрощающие ситуацию, в то время как студенты светских вузов тратили на обдумывание своих ответов на эти вопросы гораздо меньше времени. Сказывается и различие в «моральном словаре» светской и христианской (православной) этики, что, с одной стороны, указывает на необходимость серьезных качественных исследований в данной области, с другой стороны, на необходимость аккуратнее работать с измерительным инструментарием, в первую очередь, давать формулировки вопросов с учетом различий в «моральных словарях». Второй важный момент, указывающий на важность модификации методики Шварца в исследованиях ценностных представлений верующих (в первую очередь, это касается восточного христианства), — то, что при ее формировании не были учтены все «идеальные типы», модели морали.

Представители новой социологии морали указывают, что все типы морального дискурса можно идеально-типически сгруппировать вокруг четырех важных тем, которые распадаются на две дихотомии: эсхатология и эволюция (божест-

венность — профанность), укорененность и просвещение (общность/община — автономия). Сабина Фрерихс и Рихард Мюнх предлагают следующие основания для выделения данных типов (табл. 5) [21].

Таблица 5

Моральные дискурсы в глобальном обществе

Моральный дискурс	Условие	Социальная сфера	Базовый конфликт	Управляемое я
Эсхатология	Взаимодействие с богом	Религия	Иномирность — этот мир	Создание божие, индивидуальная душа
Просвещение	Свобода мысли	Право	Правовая рациональность — политическая воля	Правовая личность, индивидуальные права
Укорененность	Взаимодействие с другими	Экономика	Экономическая эффективность — социальная справедливость	Экономический человек, индивидуальные интересы
Эволюция	Нужды тела	Наука	Естественные ограничения — культурное своеобразие	Познающий субъект, индивидуальный мозг

Религия, как подчеркивают эти авторы, «никогда не переставала быть важнейшим источником морали, хотя в современном, модерном обществе она не является ни единственным, ни наиболее типичным образцом» [21. С. 533], поэтому изучение особенностей религиозной (христианской, православной) системы ценностей, вероятно, требует более сложной и многомерной методики измерения. Методика Шварца, при всех ее достоинствах, в особенности в масштабных международных исследованиях, все-таки упрощающий и огрубляющий действительность инструмент. Впрочем, чтобы можно было разработать более сложную, развернутую методику исследования ценностей, учитывающую и «эсхатологическую» модель морали, потребуется очень серьезная программа исследования, возможно, вовлекающий не один научный коллектив.

Другой важный вывод, уже не в методическом, а содержательном плане касается выявленных структур в ценностных ориентациях студентов светских и духовных вузов. Во-первых, они действительно заслуживают внимания в силу статистической значимости и смысловой кристаллизованности различий между ними. Во-вторых, в рамках и светской, и религиозной модели «ценностных приоритетов» имеются как вполне ожидаемые результаты, так и некоторые аномалии. Так, принцип «Самоутверждение» на первом месте среди факторов как у женщин, так и у мужчин — вполне естественная вещь, так как все они являются студентами двух престижных вузов страны. С другой стороны, значимость данного фактора, скорее всего, указывает на их принадлежность, в первую очередь идеологическую, к среднему классу и его ценностям. Вероятно, среди студентов менее престижных вузов, при более массовом исследовании, охватывающем разные слои населения, данный фактор будет не столь выражен. В-третьих, неожиданностью оказался серьезный вес фактора «Конформизм-несамостоятельность», особенно у студентов-мужчин, причем именно в связи с тем, что можно было бы от них ожидать более «независимой» позиции.

Что касается студентов МПДАиС, то следует также обратить внимание на порядок факторов: (1) «Икономия», предполагающая снисходительность по отношению к некоторым «мирским» ценностям; (2) Традиционализм (и конформизм); далее идут те ценности, которые предположительно являются «ядром» христианской этики — (3) «Жертвенное служение людям» и (4) «Аскетизм». Опять подчеркнем, что образ социального времени изначальной картины мира, как его реконструирует, например, по святоотеческим текстам Георгий Мандзаридис, является «сложным временем», основной вектор которого линеен и нацелен на будущее, имеющее, правда, в отличие от линейного времени прогресса и модернизации, эсхатологическую перспективу.

Нацеленность на будущее, а не прошлое и традиционализм христианства, православия, скорее всего, конституируется не как самостоятельный базовый элемент, а по мере противопоставления христианского этического и социального учения образу модернизирующегося мира. Вероятно, ответ на данный вопрос мог бы дать анализ изменений в социальном и этическом учении восточных церквей, аналогичный тому, что предпринял в отношении древней христианской церкви, католицизма, а также разных ветвей протестантизма Эрнст Трельч в работе «Социальное учение христианских церквей» [31], однако это тема выходит за рамки нашего исследования. Однако очевидно, что, исходя из предпосылок христианской этики, различие традиционность — модерность вряд ли стоит считать определяющим в противопоставлении светской и религиозной (христианской, православной) морали.

Также это различие не сводится к введенному П.А. Сорокиным противопоставлению идеациональной и чувственной культур [13]. Это не основная ось различий и в структуре полученных нами данных: первый фактор в структуре ценностных ориентаций студентов светских вузов — «Самоутверждение» — противопоставляется последнему из факторов в структуре ценностных ориентаций студентов духовных вузов — «Аскетизму», но это противопоставление нельзя приравнять к дихотомии идеационального-чувственного в модели социокультурной динамики Сорокина. Вдобавок первым фактором в структуре ценностных ориентаций студентов духовных вузов был принцип, условно названный «Икономией», который несет в себе отчетливый элемент ориентации на ценности этого мира, некоторой снисходительности к ним, что делает его вполне сопоставимым с третьим фактором в структуре ценностных ориентаций студентов светских вузов — «Гедонизмом». Поэтому это различие проходит по разным осям, неоднозначно, не абсолютно, допускающим влияние одной модели на другую.

Следует учитывать, что «светская» и «религиозная» модели ценностных ориентаций, как и светская и религиозная (христианская, православная) морали, не являются однородными. В отношении светских студентов уже были предприняты исследования, учитывающие эту неоднородность, взаимодействие в рамках светской модели ценностных ориентаций разных архетипов, габитусов, стереотипов и менталитетов [8]. В отношении же студентов духовных заведений, религиозной молодежи подобное исследование, вероятно, потребовало бы либо более

масштабной выборки, что в связи с немногочисленностью данной социальной прослойки пока довольно проблематично, либо глубинного качественного исследования, которое, наверное, можно считать следующим шагом нашей работы в данном направлении.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Итогом многолетней работы ЦЕССИ стала коллективная монография «Россия в Европе: по материалам международного проекта» [2].

(2) См., напр., сайт Лаборатории социальных сравнительных исследований и информацию о мероприятиях, посвященных изучению ценностей. URL: http://lcsr.hse.ru/announcements/82744189.html. Руководитель лаборатории — Р. Инглхарт, заведующий лабораторией — Э. Понарин.

(3) Исследование «Духовно-нравственная культура и мировоззренческие парадигмы современного российского образования: история и новые тенденции» проводилось по заказу Министерства образования и науки, руководитель проекта — игумен Киприан (Ященко). В исследовании приняли участие: профессор МГУ имени М.В. Ломоносова В.Н. Расторгуев, профессор Кубанского государственного университета А.А. Остапенко, профессор Академии постдипломного педагогического образования М.В. Захарченко и др.

(4) В исследовании приняли участие студенты Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Московской православной духовной академии и семинарии. Всего было опрошено 913 респондентов. Статистическая ошибка выборки с вероятностью P = 0,95 составляет не более ± 5,2%. Генеральная совокупность была представлена статистическими данными ежегодных наборов в изучаемые вузы на факультеты разных направлений — точных, естественных, гуманитарных, социальных, в связи с чем было выполнено и квотирование выборки.

(5) Этот вопрос вызывал едва ли не наибольшие сомнения у студентов МПДАиС. Один из характерных комментариев: *«Хорошо проводить время можно, работая, т.е. с пользой для себя и дела, или болтая с молодежью, друзьями. Что имеется в виду? В зависимости от того, что подразумевается, будет и мой ответ»*. Очевидно, что шкала Шварца не учитывает какую-то иную, морально детерминированную логику. Семинаристы обычно понимают выражение «хорошо проводить время» как «проводить его с пользой».

(6) Заслуживает отдельного внимания то, как заполнялась анкета. Для учащихся духовных вузов участие в опросе не было столь же простым занятием, как для светских студентов, которые, по наблюдениям одного из интервьюеров, «на раз и влегкую» заполняли анкету. Семинаристы и времени тратили больше, и въедливо вчитывались, и устные вопросы задавали, и замечания на полях анкеты писали. Вероятно, это можно объяснить тем, что, в отличие от студентов светских вузов, этическая, моральная, ценностная проблематика для студентов духовных вузов в некотором смысле профессиональная сфера, как будущие священники они специально изучают предметы, связанные с данной тематикой, такие как пастырская психология, нравственное богословие, так что в данном вопросе выступают своего рода экспертами, что не позволяет им давать простые, однозначные ответы.

(7) Икономия — неоднозначный термин, один из самых сложноопределяемых в каноническом праве, «в различных контекстах синонимами *икономии* выступают такие понятия, как «снисхождение» (συγκατάβασις, συμπάθεια, benignitas), «человеколюбие» (φιλανθρωπία, humanitas) и «справедливость» (δίκαιον, aequitas) в зависимости от функции при решении конкретных проблем церковной жизни» [12. С. 54].

(8) По данному пункту также наблюдалось много вопросов и возражений в процессе опроса студентов МПДАиС. К примеру, в одной из анкет зафиксирован такой комментарий: *«"правильно" и "вызвать осуждение": не ясно, чье осуждение? От Бога или от людей?*

Во втором случае забота о правильном не совпадает со стремлением избежать осуждения. Что отмечать в таком случае? Какой ответ давать? Интересно, что сам респондент отметил в столбце «полностью согласен». Интересно, сколько таких "согласившихся"?!». Здесь поднимается проблема того, что «правильное» с точки зрения Евангелия не всегда является таковым с точки зрения людей. Очевидно, что в этом есть противоречие, которое не учитывает логика и методика Шварца.

(9) Как он сформировался в нем изначально и был сохранен в православной святоотеческой традиции, к которой стараются в той или иной степени приобщить студентов Духовной академии.

(10) С данным утверждением скорее всего не согласятся теологи и специалисты по каноническому праву — как с упрощающим и искажающим истинное значение принципа икономии в православии, однако, здесь речь идет не о богословском толковании, а об использовании церковного термина как все-таки наиболее точно описывающего ситуацию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] *Андреев А.Л.* Русская мечта: взгляд социолога // Мониторинг общественного мнения: Социальные и экономические перемены. 2013. № 1.

[2] *Андреенкова А.В., Беляева Л.А.* (общ. ред.) Россия в Европе: по материалам международного социологического проекта «Европейское социальное исследование». М.: Academia, 2009.

[3] *Беляева Л.А., Лапин Н.И.* Динамика базовых ценностей населения постсоветской России // Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты / Под ред. В.С. Степина, А.А. Гусейнова. М.: Наука, 2005.

[4] *Горшков МК., Шереги Ф. Э.* Молодежь России: социологический портрет. М.: Институт социологии РАН, 2010.

[5] *Горшков М.К.*, *Крумм Р., Тихонова Н.Е.* (ред.) О чем мечтают россияне: идеал и реальность. М.: Весь Мир, 2013.

[6] *Грязнова О.С., Магун В.С.* Базовые ценности российских и европейских учителей // Социологические исследования. 2011. № 1.

[7] *Железнякова А.С., Яхимович З. П.* (ред.) Социально-политические процессы и ценности в условиях глобализации. М.: Новый хронограф, 2012.

[8] *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Социокультурный механизм формирования отношения молодежи к образованию // Социологические исследования. 2013. № 1.

[9] *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* (ред.) Ценности культуры и модели экономического поведения. М.: Спутник+, 2011.

[10] *Магун В.С., Руднев М.Г.* Базовые ценности-2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами. Препринт WP6/2010/03. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. URL: http://www.hse.ru/data/2010/11/09/1223233543/WP6_2010_03-fff.pdf.

[11] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Страхи и опасения российского студенчества: возможности эмпирической фиксации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2.

[12] *Пашков Димитрий, свящ.* Икономия // Православная Энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. 22. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2011.

[13] *Сорокин П.А.* Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009.

[14] *Троцук И.В., Савельева Е.А.* Сравнительные исследования ценностных ориентаций: возможности, ограничения, логика развития // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2015. № 4.

[15] *Шаронова С.А.* Универсальные константы института образования. Механизм воспроизводства общества. М.: РУДН, 2004.

[16] *Ядов В.А.* (ред.) Воздействие западных социокультурных образцов на социальные практики в России (Теории, наблюдения, биографические интервью. Советы студентам). М.: ТАУС, 2009.

[17] *Ядов В. А.* К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества // Мир России. 2010. № 3.
[18] *Ядова М.А.* Современное и традиционное в ценностях постсоветской молодежи // Социологические исследования. 2012. № 1.
[19] *Abend G.* What's new and what's old about the new sociology of morality // Handbook of the Sociology of Morality / Ed. by S. Hitlin, S. Vaisey. N.Y.: Springer, 2010.
[20] *Bader C.D., Finke R.* What does God require? Understanding religious context and morality // Handbook of the Sociology of Morality / Ed. by S. Hitlin, S. Vaisey. N.Y.: Springer, 2010.
[21] *Frerichs S., Münch R.* Morality, modernity, and world society // Handbook of the Sociology of Morality / Ed. by S. Hitlin, S. Vaisey. N.Y.: Springer, 2010.
[22] *Hitlin S., Piliavin J.A.* Values: Reviving a dormant concept // Annual Review of Sociology. 2004. No 30.
[23] *Hitlin S., Vaisey S.* (ed.) Handbook of the Sociology of Morality. N.Y.: Springer, 2010.
[24] *Hitlin S., Vaisey S.* The new sociology of morality // Annual Review of Sociology. 2013. No 39.
[25] *Lowe B.M.* The creation and establishment of moral vocabularies: Why moralizing and moral vocabularies matter // Handbook of the Sociology of Morality / Ed. by S. Hitlin, S. Vaisey. N.Y.: Springer, 2010.
[26] *Rokeach M.* The Nature of Human Values. N.Y.: Free Press, 1973.
[27] *Schwartz S.H.* Cultural Value Orientations. Nature and Implications of National Differences. M.: Publishing house of SU HSE, 2008.
[28] *Schwartz S.H.* Universals in content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in Experimental Social Psychology / Ed. by M. Zanna. Vol. 25. N.Y.: Academic Press, 1992.
[29] *Schwartz S.H., Bardi A.* Influences of adaptation to communist rule on value priorities in Eastern Europe // Political Psychology. 1997. No 18.
[30] *Staples P.* Structuralism and symbolic universes: Second Temple Judaism and the early Christian movement // Handbook of Early Christianity: Social Science Approaches / Ed. by A.J. Blasi, P.-A. Turcotte, J. Duhaime. Oxford: AltaMira Press, 2002.
[31] *Troeltsch E.* The Social Teaching of the Christian Churches. Vol. 1. N.Y.: Westminster John Knox Press, 1992.
[32] *Μαντζαρίδης Γ.* Κοινωνιολογία του Χριστιανισμού [Sociology of Christianity]. Θεσσαλονίκη: Εκδόσεις Π. Πουρναρά, 2010.

VALUE ORIENTATIONS OF THE STUDENT YOUTH IN RELIGIOUS AND SECULAR UNIVERSITIES

I.P. Ryazantsev, M.A. Podlesnaya, A.A. Petrov, I.I. Kozlov, A.M. Pakhar

Saint Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia
Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The article presents the results of the factor analysis applied to the data of mass survey on the value orientations of the students of secular and religious universities — Moscow Orthodox Theological Academy and Seminary, Lomonosov Moscow State University and Saint Petersburg State University. First, the authors provide a brief overview of the current state of sociological studies of values and value orientations of the

youth and Russians with an emphasis on cross-cultural and other comparative contexts, which are so popular today. The article also considers different emphases in the sociological interpretation of the concepts of values and value orientations on the theoretical and empirical levels including the historical perspective. Since the research project consisted of several stages so as to solve a number of tasks and used different formats of the questionnaire for different samples (administration, professors and students), the article presents only a small part of the project designed to reveal the value orientations of students of secular and religious universities with the help of S. Schwartz and B. Bilski technique. The authors used this technique to identify similarities and differences in values and motives of students of secular and religious universities; suggest four factorial types of motivation; offer an interpretation of the observed factors and their manifestations in different student subsamples, such as the different circumstances of life of students in secular and religious universities and the more "expert" status of the latter in the (Christian, Orthodox) moral discourse, unlike the majority of students of secular universities, who can hardly be considered experts in secular ethics.

Key words: value orientations; motives; motivational conflict; factor analysis; Schwartz technique; secular universities; religious universities

REFERENCES

[1] *Andreev A.L.* Russkaja mechta: vzgljad sociologa [Russian dream: A sociological perspective]. Monitoring obshhestvennogo mnenija: Social'nye i ekonomicheskie peremeny. 2013. No 1.

[2] *Andreenkova A.V., Beljaeva L.A.* (obshh. red.) Rossija v Evrope: po materialam mezhdunarodnogo sociologicheskogo proekta «Evropejskoe social'noe issledovanie» [Russia in Europe: The Results of the International Sociological Project "European Social Survey"]. M.: Academia, 2009.

[3] *Beljaeva L.A., Lapin N.I.* Dinamika bazovyh cennostej naselenija postsovetskoj Rossii [The dynamics of the basic values of the population of post-Soviet Russia]. Dialog kul'tur v globalizirujushhemsja mire: mirovozzrencheskie aspekty / Pod red. V.S. Stepina, A.A. Gusejnova. M.: Nauka, 2005.

[4] *Gorshkov M.K., Sheregi F.E.* Molodezh' Rossii: sociologicheskij portret [Russian Youth: A Sociological Portrait]. M.: Institut sociologii RAN, 2010.

[5] *Gorshkov M.K., Krumm R., Tihonova N.E.* (red.) O chem mechtajut rossijane: ideal i real'nost' [What Russians Dream About: The Ideal and the Reality]. M.: Ves' Mir, 2013.

[6] *Grjaznova O.S., Magun V.S.* Bazovye cennosti rossijskih i evropejskih uchitelej [Basic values of Russian and European teachers]. Sociologicheskie issledovanija. 2011. No 1.

[7] *Zheleznjakova A.S., Jahimovich Z.P.* (red.) Social'no-politicheskie processy i cennosti v uslovijah globalizacii [Social and Political Processes and Values under the Globalization]. M.: Novyj hronograf, 2012.

[8] *Zubok Ju.A., Chuprov V.*I. Sociokul'turnyj mehanizm formirovanija otnoshenija molodezhi k obrazovaniju [Socio-cultural mechanism of formation of the youth perception of the education]. Sociologicheskie issledovanija. 2013. No 1.

[9] *Lebedeva N.M., Tatarko A.N.* (red.) Cennosti kul'tury i modeli ekonomicheskogo povedenija [Cultural Values and Models of Economic Behavior]. M.: Sputnik+, 2011.

[10] *Magun V.S., Rudnev M.G.* Bazovye cennosti-2008: shodstva i razlichija mezhdu rossijanami i drugimi evropejcami [Basic Values — 2008: Similarities and Differences between Russians and Other Europeans]. Preprint WP6/2010/03. M.: GU-VShJe, 2010. URL: http://www.hse.ru/data/2010/11/09/1223233543/WP6_2010_03-fff.pdf.

[11] *Narbut N.P., Trotsuk I.V.* Strahi i opasenija rossijskogo studenchestva: vozmozhnosti jempiricheskoj fiksacii [Fears and hopes of the Russian students: Possibilities of empirical fixation]. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2014. No 2.

[12] *Pashkov Dimitrij, svjashh.* Ikonomija [Oikonomia]. Pravoslavnaja Enciklopedija / Pod red. Patriarha Moskovskogo i vseja Rusi Kirilla. T. 22. M.: Cerkovno-nauch. centr «Pravoslavnaja enciklopedija», 2011.

[13] *Sorokin P.A*. Krizis nashego vremeni. Social'nyj i kul'turnyj obzor [The Crisis of Our Age: The Social and Cultural Outlook]. M.: ISPI RAN, 2009.
[14] *Trotsuk I.V., Savel'eva E.A*. Sravnitel'nye issledovanija cennostnyh orientacij: vozmozhnosti, ogranichenija, logika razvitija [Comparative studies of value orientations: Potential, limitations, and the logic of development]. Vestnik RUDN. Serija «Sociologija». 2015. No 4.
[15] *Sharonova S.A.* Universal'nye konstanty instituta obrazovanija. Mehanizm vosproizvodstva obshhestva [Universal Constants of the Educational Institution. Mechanism of Social Reproduction]. M.: RUDN, 2004.
[16] *Jadov V.A.* (red.) Vozdejstvie zapadnyh sociokul'turnyh obrazcov na social'nye praktiki v Rossii (Teorii, nabljudenija, biograficheskie interv'ju. Sovety studentam) [The Impact of Western Social and Cultural Patterns on the Russian Social Practices (Theories, Observations, Biographical Interviews. Tips for Students)]. M.: TAUS, 2009.
[17] *Jadov V.A.* K voprosu o nacional'nyh osobennostjah modernizacii rossijskogo obshhestva [On the national features of the Russian society modernization]. Mir Rossii. 2010. No 3.
[18] *Jadova M.A.* Sovremennoe i tradicionnoe v cennostjah postsovetskoj molodezhi [Modern and traditional in the post-Soviet youth values]. Sociologicheskie issledovanija. 2012. No 1.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ И ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ 18—20 ЛЕТ

Д.Е. Слизовский*

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

Статья подготовлена по результатам анкетного опроса 500 студентов высших учебных заведений, проведенного в мае—июне 2016 г. Анализируются источники и факторы, влияющие на содержание и структуру молодежных предпочтений в оценках современного миропорядка с точки зрения его справедливости/несправедливости и доминирующих субъектов поддержания демократии в мире. Особое значение для автора имеет анализ условий формирования представлений о важнейшем политическом событии года и сложившееся на данный момент отношение студенчества к предстоящим выборам 2016 г. По результатам исследования в теоретико-прикладном аспекте предлагается обсудить следующие положения: останься современный мир несправедливым и противоречивым, и молодежная страта современной России может пребывать в сугубо аполитичном состоянии духа сколь угодно долго, поскольку равнодушие молодежи к политическим процессам и событиям находит оправдание и объяснение в существующем законсервированном социально-политическом порядке. Окружающий мир, тем не менее, изменчив, таит в себе потенциал для перемен и взывает к обновлению. Это, с одной стороны, подспудно готовит условия к бурной, взрывной и хаотичной реакции молодежи, с другой — в одних ситуациях мешает, в других — будит способность к самостоятельным оценкам политических событий. К сожалению, процесс этот остается излишне забюрократизированным и декларативным либо мало контролируемым, управляемым и организуемым здоровыми общественными и политическими силами страны, что мешает молодежи самостоятельно вырабатывать критерии политических оценок. При этом несистемная оппозиция делает ставку на молодежный состав общества, пытается вбросить в политический дискурс и соблазнить молодежь словом «революция» и лозунгом «объединяющее нас важнее различий».

Ключевые слова: справедливый мир; выборы 2016; электоральное поведение; студенчество; молодежь; социальные предпочтения; политические оценки

Представители разных областей знания — социологи [1], историки политических учений, политтехнологи и др. — уже давно отмечают снижение интереса населения к политике, описывая данную ситуацию с помощью таких терминов, как «абсентеизм», «аполитичность», «антиполитика». Подобного рода оценки распространяются более всего на молодых граждан в целом и студенчество в частности [2].

Ученые и специалисты диагностируют дефицит доверия молодежи к избирательному процессу, уклонение граждан от участия в так называемой «символической» политике, т.е. в голосовании.

Низкий уровень политической активности значительной части молодежи, тем не менее, не означает отсутствия у этой группы электората политических амбиций и ориентаций. Там, где студенчество организовано в студенческое движение, напротив, наблюдается так называемый «активизм» в виде демонстраций, блокад, символических и действенных акций по распространению листовок, проведения перфомансов, участия в информационных войнах, уличных протестах и беспорядках. Так, в мае 2016 г. во Франции около 50 тысяч человек, в основном студенты, приняли участие в манифестациях против трудовой реформы. В Париже

* © Д.Е. Слизовский, 2016.

акция переросла в беспорядки: протестующие жгли автомобили, забрасывали полицейских камнями и бутылками. Большинство наблюдателей и экспертов считают, что в Киеве в 2014 г. имело место активное использование в свержении политического режима и осуществлении «революции достоинства» протестных настроений молодежи и студентов. Эксперты обращают внимание и на дестабилизацию политического положения по аналогии с украинскими событиями в Бразилии — ее активными участниками стали студенты, в частности бразильское отделение организации «Студенты за свободу». Студенты-бунтари заявляют о себе сегодня и в Брюсселе, на студентов и молодежь делали и делают ставку в борьбе за власть политические оппоненты правящих режимов в Каире, Тунисе, Гонконге и других государствах.

Насколько верны такого рода суждения в текущем российском социально-политическом процессе, особенно применительно к очередному избирательному циклу у нас в стране — это один актуальный запрос. Другой вопрос связан с тем, каковы реакции и поведение наиболее активной части российского общества, прежде всего молодежи и студентов, относительно указанного политического процесса.

В России сегодня насчитывается 4,7 млн студентов, только в Москве их число превышает 887 тысяч человек. Это мобильный в действиях и динамичный в реакциях электоральный контингент, поэтому он не может не представлять интерес для любой политической партии, идущей на выборы. Если оценивать политический вес этой части молодежи, то он в силу ряда отличительных свойств является весомым и знаковым политическим атрибутом, — это та возрастная группа, которая впервые в своей жизни входит в политический процесс. Представляется, что признание и повышение своей репутации и доверия получат те политические силы, которые поймут, какими настроениями и представлениями эта группа в сложившейся ситуации руководствуется. Одновременно, исходя из прагматических установок есть шанс повлиять на ее поведение. Ниже представлены результаты экспертного опроса, проведенного в апреле-мае 2016 года.

Цель исследования заключалась в том, чтобы выявить и предварительно оценить систему политических, исторических и социальных предпочтений, факторов, влияющих на мнения, мотивы поведения и реакции в преддверии предстоящих в сентябре 2016 г. выборов в Государственную Думу Российской Федерации молодежи в возрасте 18—20 лет. В числе решаемых задач были попытки выявить доминирующие в данной социальной группе настроения относительно важных в современных обстоятельствах сфер воспроизводства мирового социально-политического порядка, а именно: а) определить отношение к современному миру с точки зрения его справедливости/несправедливости; б) оценить, в каких сферах можно произвести изменения, дабы восторжествовала справедливость. В сферах утилитарно-практических в социально-политической жизни были поставлены следующие задачи: выявить, какие факторы оказывают влияние на отношение к выборам; оценить уровень восприятия зависимости и связи между участием/неучастием в выборах и личностной судьбой и профессиональными предпочтениями; определить, существует ли для данной группы респондентов главная идея выборов и насколько она им понятна/непонятна и др.

Объект опроса — 500 студентов двух высших учебных заведений, объединенных в учебные группы, выходцы из разных регионов страны, проживающие в Москве и Московской области, активно контактирующие со сверстниками из других стран; мотивированные к получению образования в таких сферах, как экономика, менеджмент, таможенное дело, политология. Результаты фокус-групп показали: а) высокую степень доверительности в отношениях (гомогенность групп) на основе дружбы и личных симпатий двух-трех человек; б) устойчивую коммуникацию внутри учебных групп; в) несколько слабую коммуникацию за пределами таких образований (бросается в глаза гетерогенность отношений к событию (выборам) между учебными группами). Основной источник получения информации объекта исследования — интернет-ресурсы, далее идут телевидение и радио, на последнем месте — книги. В качестве *основного метода исследования* выступил анкетный опрос: вопросы ставились открыто по учебным группам без принуждения, предварительного объяснения и комментирования.

Результаты исследования не следует считать окончательными — они отражают только статику восприятия локальной группой молодежи, студентами определенной социально-политической атмосферы, современного цикла социально-политических мировых и российских реалий (представлена на рисунках ниже).

Несомненно, восприятие молодежью мировых и локальных процессов не перестало быть актуальным через призму философских идей справедливости и несправедливости. Идея справедливости остается сокровенной и желанной, и чем более несправедлив мир, тем с большей страстью ожидают приближения справедливого мира и хотели бы в нем жить, даже когда все вопиет об обратном. Обратимся к результатам опроса студенчества об их представлениях о том, насколько справедлив/несправедлив современный мир (рис. 1). В анкете студентам были заданы следующие вопросы: 1) готовы ли Вы признать, что современный мир справедлив?; 2) готовы ли Вы признать, что современный мир несправедлив?

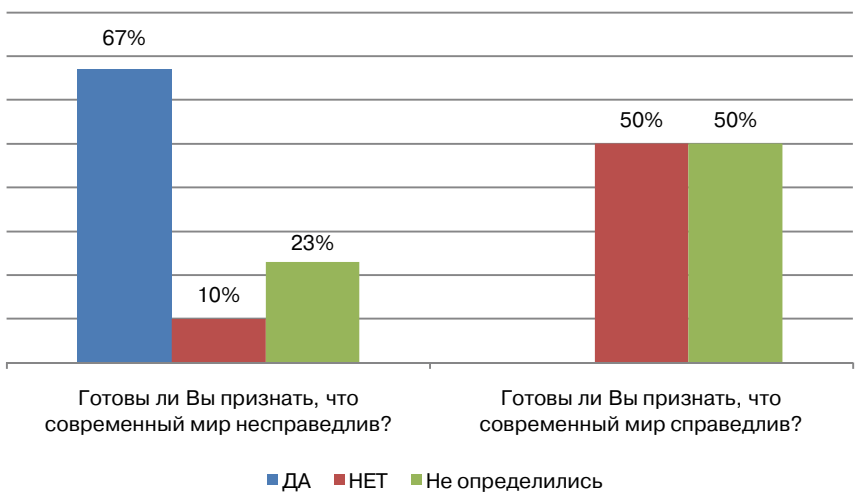

Рис. 1. Отношение к идее о справедливости/несправедливости современного мира

Опрос показывает, что от 50% до 67% респондентов готовы признать современный мир заведомо несправедливым. Удручающими являются результаты (0%), показывающие готовность молодежи признать современный мир справедливым. Возможно, мы имеем дело с аберрацией сознания этой части общества, но это все же срез представлений на эту тему у молодых людей, у которых есть некоторые общие и единые для них характеристики, а есть различия личностные, социально-культурные и воспитательные, мировоззренческие, этнические и этические.

Понижает градус негативного восприятия такого рода результатов то, что эта электоральная страта раскрепощена, свободна в своих суждениях и таким образом выражают свое отношение к справедливости и устроению справедливого мира, исходя из общих правил, а не из государственных институтов и учреждений. Последнее для них еще сокрытая тайна, государство и его учреждения для них не нечто живое, образное, следовательно, общественные настроения, повсюду возникающие под влиянием государственных институтов и учреждений, пока нисколько не затрагивают их сознания.

Идеи справедливости и установления справедливого мира — динамично развивающаяся данность с вариативностью толкования, прочтения и понимания. Для данной категории респондентов очевидна не только внутренняя готовность по ощущениям воспринимать современный мир справедливым, важнее другое: границы принятия мира справедливым очень низки — от 0% до 10%. То есть, пусть и арифметическое или механическое выражение этого состояния, очень низкое. Малая доля молодежи признает мир справедливым или справедливым отчасти, средняя величина принимающих мир справедливым среди опрашиваемых не превышает 5%, и это на фоне того, что несправедливым видят мир в среднем 58,5% респондентов, а не определились со своим чувствами и умозрительными ощущениями приблизительно 38,5% опрашиваемых. Если же рассматривать срез представлений этой социальной группы под углом политического смысла, то обнаружим артикуляцию интересов, часто выдаваемых за борьбу принципов, на что указывают данные опроса по следующим позициям (рис. 2).

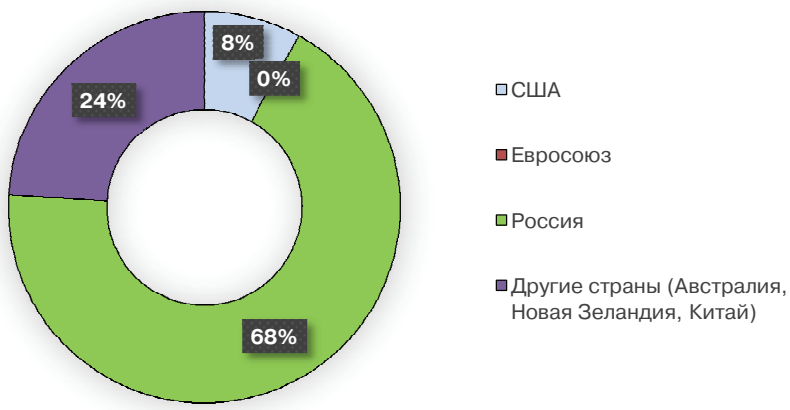

Рис. 2. Какая из стран (блок стран) сегодня самая ответственная за поддержание мирового порядка? (в %)

Судя по ответам респондентов, две страны — Россия (68%) и США (8%) — предстают самыми ответственными за поддержание мирового порядка. Приоритет отдан России, что, скорее всего, отражает настроения молодых представителей страны, в которой они проживают и с которой разделяют свою судьбу, следовательно, принимают на себя ту часть ответственности за судьбы мира, которая предназначена их стране. Было бы странным и трудно объяснимым, если бы картина настроений выглядела иначе, хотя не исключено, что при каких-то условиях настроения могут поменяться. Об этом свидетельствует доля (24%) ответственности за поддержание мирового порядка, возлагаемая на другие страны — это Австралия, Новая Зеландия и Китай.

Почему Китай и даже Австралия признаются субъектами ответственности — понятно и объяснимо, в отличие от Новой Зеландии. Скорее всего, здесь дает о себе знать воспроизводство картинных или рутинных образов, навеянных СМИ, путешествиями или сиюминутными желаниями.

Заслуживают повышенного внимания и анализа нулевые критерии в оценках роли и миссии за поддержание мирового порядка Европейского Союза при столь высокой оценке этой роли России — студенческие ощущения на этот счет в каких-то аспектах удивительным образом сближаются с представлениями и умозаключениями, например, Джорджа Сороса, который на мероприятии «Открытая Россия» в двадцатых числах июня высказался в том смысле, что Россия становится мировой державой на фоне стагнации Евросоюза, переживающего тяжелейший миграционный кризис [3].

Много шумят сегодня о демократии, хотя по-разному толкуют ее смысл. В политическом дискурсе то вспыхивают ожесточенные дискуссии, то затухают споры к прискорбию ее адептов, но всегда и повсеместно обсуждается уровень ее развития в тех или иных странах и регионах, институты и субъекты ее продвижения. Обнаружились непререкаемые и признанные в мире субъекты в лице отдельных стран, которые анафемой грозят тем и там, где будто бы нарушаются принципы демократии. Из мирной жизни вырваны страны и люди, которым предлагают демократию, а они ее не принимают, или не понимают в чем ее преимущества и зачем она нужна. В этой связи респондентам задавался вопрос, какая из стран сегодня самая демократичная (рис. 3).

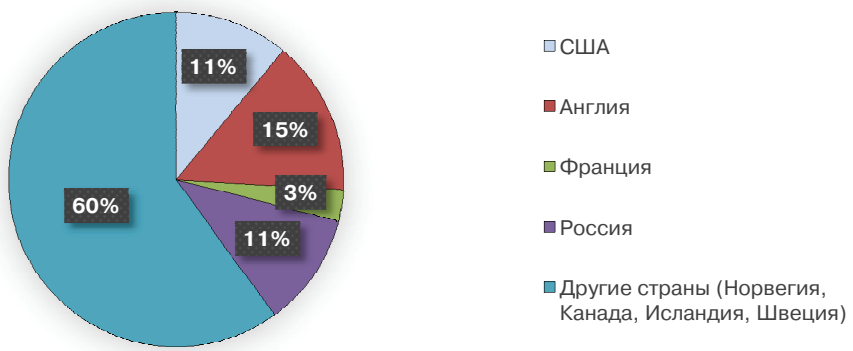

Рис. 3. Какая из стран сегодня самая демократичная? (в %)

Несмотря на вал информации из всех источников, доступность и достоверных данных, и пропагандистских клише, представления студенчества по данному вопросу оказались достаточно уравновешенными. США — светоч демократии — и Россия — страна без устойчивых демократических основ, для кого-то с мягким, а для кого-то с жестким авторитарным политическим режимом, оказались равноценны и даже тожественны по критериям демократичности (11%). Ни Англия с максимально высоким уровнем демократичности (15%), ни Франция, к удивлению, с невероятно низким уровнем (3%), как и США и Россия, не составляют конкуренции безымянному субъекту мирового демократического устроения и порядка (60%). Сознание молодежи интуитивно находится в поиске такого субъекта, не отдавая пока предпочтения известным акторам современного мироустройства. Хотелось бы думать, что признание студентами России как все же демократической страны есть свидетельство небезнадежного ее будущего. Но каким его видят респонденты? (рис. 4).

Рис. 4. Какой Вы видите Россию в будущем? (в %)

Ответы респондентов показали, что будущее России, какой она нужна миру и самой себе, связывается с двумя состояниями: на первое место выдвигается сильная Россия (58%), вторую позицию заняла Россия современная, процветающая, независимая.

Подобные реакции на поставленный вопрос не исключают, а определяют необходимость дополнительных изысканий в этом аспекте. Не исключено, что под сильной Россией понималась экономически сильная Россия, социально привлекательная, ответственно распоряжающаяся своим могуществом и потенциалом, стратегически целеустремленная, пользующаяся международным уважением, исторически грамотная в своих отношениях со старым Западом и новым Востоком. Прискорбно однако то, что не оказалось среди респондентов тех, кто по достоинству оценил бы позицию будущего страны, связав ее с просвещенностью.

Можно согласиться с теми, кто говорит об искаженности образов и представлений студентов в силу сложившего порядка в обучении и воспитании молодого

поколения на основе ложных, нереалистичных образцов, а также недостижимости великого идеала справедливости — не из-за системных провалов современного мироустройства, а из-за глобального разгула необузданных страстей людей дурных по характеру и ловких авантюристов.

Но не последним фактором в извращении пути борьбы за справедливость оказываются устойчивые групповые предрассудки, переносимые не только на важные, но и частные политические процессы типа выборов в государственные органы законодательной власти. Предсказуемо большая часть студентов малоактивно или почти безразлично реагировала на «праймериз» Единой России, и можно ожидать повторения данной реакции в период выборов 2016 г. Приведем распределение ответов на четыре связанных вопроса в отношении праймериз (рис. 5).

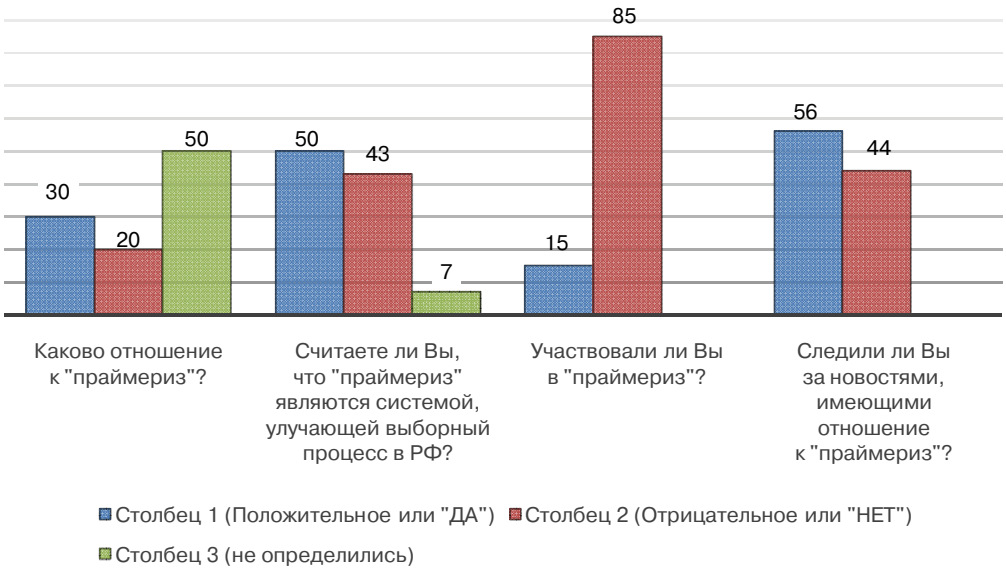

Рис. 5. Отношение студентов к «праймериз» (в %)

Такого рода распределение и вытекающая из него настроенческая ситуация является результатом устойчивых тенденций в электоральном поведении данной категории электората. В предварительном голосовании участвовало 9,6% от общего числа избирателей, конечно, среди проголосовавших были и те студенты, которые вошли в 15% респондентов нашего исследования, заявивших о своем участии в данной кампании.

И если для общего состава электората по поводу его отношения к «праймериз» приемлем и благоприятен индекс мобилизации в терминах «много или мало», то данные о студенческих предпочтениях в форме неучастия (85%) однозначно говорят об их малой мобилизованности и готовности к этой акции. Студенты ограничились скорее лишь отслеживанием новостной ленты по данному поводу в пределах 56% вовлеченных.

Отношение студентов к праймериз очевидно, как и к выборам в Государственную Думу (рис. 6).

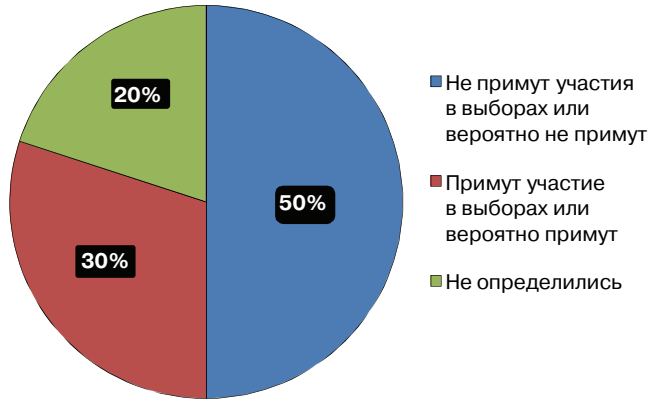

Рис. 6. Отношение к предстоящим выборам в Государственную думу

У тех политических сил, которые хотели бы поработать с этим электоратом, есть все основания для заинтересованности, как и возможность переломить настроение не только той части студентов, кто не примет участие в выборах (50%). Здесь есть группа неустойчивых антиполитиков и аполитично настроенных, и уж тем более можно рассчитывать на получение поддержки неопределившихся (20%) и тех, кто, вероятно, примет участие в голосовании (30%). Так или иначе, но все политические силы (парламентские и непарламентские партии, представители системной и несистемной оппозиции, общественные движения), кандидаты в депутаты, те, кто их поддерживает и оказывает содействие, сегодня занимают активную выборную и предвыборную позицию: одни стремятся закрепить на выборах свое превосходство, другие рассчитывают завоевать доверие электората и обеспечить себе статус депутата законодательного органа любого уровня, для третьих важен сам факт активного участия в политике и выборах.

На что могут рассчитывать политические партии в свой выборной кампании, если будут ориентироваться и на такой слой, как студенчество? Следует понимать, что студенчество как особый слой электората обладает рядом особых характеристик — рассмотрим пример признаков и факторов социально-политического состояния аполитичности (рис. 7).

Рис. 7. Характерные признаки и факторы социальной аполитичности

Пассивность, безответственность, безразличие охватывает 84% аполитичных настроений студентов против 16% неопределившихся, т.е. аполитичных потенциально может быть и больше. Впрочем, нельзя сказать, что неоднородность действительности и мнимость в структуре аполитичности продуцирует бессмыслицу. Ранее бытовало мнение, что аполитичность распространена среди наиболее отсталых и несознательных слоев населения, но сегодня аполитичностью заражено и студенчество, которое никак к отсталым слоям общества не отнесешь. Сегодня нормой становится ситуация, когда аполитичность типична для продвинутой и мобильной части общества — студенчества.

Может ли подобное состояние в настроениях студентов быть неизменным? Нет, как не может быть «заморожена» подобная структура восприятия политических событий.

Не будь сегодня мощнейших сил и средств воздействия на сознание и поведение, возможно, и пребывало бы студенчество в состоянии искусственного покоя и аполитичном настроении. Следует признать, что общественно-политические течения, возникшие за последние 15—20 лет, пока нисколько не затронули студенческие массы, вне критики которых остается система высшего образования, бюрократическая политика и бюрократизированные технологии менеджмента в образовании [4].

Критика начальства пока полностью исключается, от студенчества требуют безусловной веры в нерушимость авторитетов образования и государства. Включенные в образовательный процесс предметы, которые могут помочь развитию способности к самостоятельным политическим оценкам, подчинены идеям бюрократической системы, которая не допускает глубоких и серьезных размышлений о проблемах общественных. В общем и целом и у вузовского преподавательского состава нет возможности вести активную научную работу по изучению не только глобальных проблем, но и, что очень важно, проблем близлежащей территории и ее населения. Среди студенчества сегодня, как правило, политические разговоры не ведутся, как не ведутся они и теми, кому следовало бы заниматься организацией политических дискуссий. Это тем более удивительно, потому что среди родителей, преподавателей и узкой части студенчества были и есть убежденные сторонники демократического толка — они поддерживают внешнюю и внутреннюю политику государства, идеи обновления страны на основе проверенных историей традиций, признания ценности и приоритета государства и народа; они охотно бы поговорили с пассивной частью студенчества о политике и социальных проблемах, но студенты сегодня предпочитают уклоняться от таких бесед, а родители, преподаватели и активные студенты и не настаивают. Подобное равнодушие к политике объяснимо, но его нельзя оправдать, поскольку это мешает молодежи выработать собственные продуманные политические оценки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Ожидания и опасения российского студенчества в профессиональной сфере: результаты эмпирического проекта // Поиск. 2014. № 4.

[2] *Троцук И.В., Сохадзе К.Г.* Ценностные ориентации молодежи: подходы, методика и задачи социологического анализа // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20.

[3] Сорос: на фоне коллапса Евросоюза Россия становится мировой державой. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2767323.
[4] *Пузанова Ж.В., Семенова И.В.* Мотивация выбора профессии «управленца» (по результатам исследования в РУДН) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 3.

SOCIAL AND ELECTORAL PREFERENCES AND ORIENTATIONS OF THE YOUTH AGED 18—20

D.E. Slizovskiy

Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia

The article is based on the results of the survey conducted among 500 university students in May-June 2016 to identify the sources and factors influencing the content and structure of the youth perception of the nowadays world order in terms of its justice/injustice and the dominant supporters of democracy in the world. The author focus on the conditions, in which the student youth perception of the crucial political event of this year (forthcoming elections) is formed. Based on the results of the research in the theoretical and applied aspects the author suggests discussing the following issues: if the contemporary world stays unfair and contradictory, the Russian youth will stay purely apolitical for the youth indifference to political processes and events finds justification and explanation in the existing social-political order. However, the world is diverse, possesses the hidden potential for changes and cries out for an upgrade. On the one hand, this implicitly implies conditions for violent, explosive and chaotic reactions of the youth; on the other hand, in some situations prevents and in others stimulates independent estimates of political events. Unfortunately, this process remains too bureaucratic and declarative, or is not controlled, managed and organized by the relevant social and political forces, which prevents the youth from making independent political estimates. At the same time the non-systemic opposition bets on the youth part of society and tries to introduce into the political discourse and seduce the youth with the word "revolution" and the slogan "what unites us is more important than differences".

Key words: a just peace; elections of 2016; electoral behavior; students; the youth; social preferences; political estimates

REFERENCES

[1] *Narbut N.P., Trotsuk I.V.* Ozhidanija i opasenija rossijskogo studenchestva v professionl'noj sfere: rezul'taty emhericheskogo proekta [Expectations and fears of Russian students in the professional field: Results of an empirical project]. Poisk. 2014. No 4.
[2] *Trotsuk I.V., Sokhadze K.G.* Tstnnostnye orientacii moljdezhi: podhody, metodiki i zadachi socioligicheskogo analiza [Value orientations of the youth: Approaches, methods and objectives of sociological analysis]. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2015. No 20.
[3] Soros: na fone kollapsa Evrosoyza Rossiy stanovitsy mirovoiy derchavoij [Soros: under the collapse of the EU Russia becomes a world power]. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2767323.
[4] *Puzanova Zh.V., Sevenova I.V.* Motivacij vybora professii «upravlenca» po rezultatam issledovanij v RUDN [Motives to choose "manager" profession (the results of the survey in the PFUR)]. Vestnik RUDN. Serija «Sociologija». 2015. No 3.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ РОССИЙСКИХ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

Р.Н. Абрамов**

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Социология профессий уделяет внимание роли межличностных и межгрупповых коммуникаций в профессиональных сообществах как элементу профессиональной культуры. Эта статья посвящена анализу форм и особенностей профессиональных коммуникаций российских инженерно-технических специалистов в контексте их профессиональной культуры. Профессиональная культура определяется как констелляция идеологии, ценностей, верований, языка, типичных форм деятельности, характерных для сообщества. Данная тема редко становится объектом исследования российских социологов. В статье показано, что межличностные профессиональные коммуникации по различным аспектам профессиональной деятельности являются важным элементом профессиональной культуры. Материалы статьи основаны на результатах онлайн-опроса российских инженеров и интервью с российскими техническими специалистами. В ходе проведенного исследования информантам были заданы вопросы, касающиеся способов обновления профессиональных знаний и роли различных каналов коммуникации в этом процессе. В начале статьи сделан обзор подходов к изучению профессиональной культуры, предложенных российскими и зарубежными авторами. Анализ продемонстрировал значительную роль Интернета в качестве источника новых знаний для инженерно-технических специалистов и снижающуюся роль специальной литературы. Также было выявлено, что в передаче профессиональных знаний внутри сообщества инженеров значительную роль играет неформальная коммуникация и непосредственное общение в процессе работы. Организационное окружение имеет относительно невысокое влияние на обновление знаний технических специалистов. Это может быть связано с недостаточным вниманием руководства компаний к повышению квалификации специалистов и информированию их о новых разработках.

Ключевые слова: социология профессий; профессиональная культура; инженерно-техническая интеллигенция; профессия; коммуникация; знания; массовый опрос; интервью

Обмен знаниями, опытом и личные коммуникации между специалистами являются важной составляющей любой профессиональной культуры. Понимание того, как происходит коммуникация между профессионалами, важна как с теоретической точки зрения, поскольку дает возможность рассмотреть виды и источники профессионального знания в эпистемической перспективе, так и с практической — обучающим организациям, работодателям и профессиональным сообществам важно понимать — какие из источников информации являются приоритетными для специалистов. В статье показано, какую роль в производстве и поддержании про-

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования 15-01-0155 «Элементы профессиональной культуры технических специалистов: советский и постсоветский контексты» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2015—2016 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

** © Р.Н. Абрамов, 2016.

фессиональной культуры играют различные виды коммуникаций относительно получения, распространения и использования специальных знаний и информации современными российскими инженерно-техническими специалистами.

Профессиональная культура — это системообразующий элемент формирования идентичности профессиональной группы и повседневных практик работы. Профессиональная культура может быть определена как констелляция идеологии, ценностей, верований, языка, типичных форм деятельности, характерных для сообщества [1]. Э. Фрейдсон определяет профессиональную культуру как набор ценностей и взглядов, разделяемых четко идентифицируемой и гомогенной группой [18]. Профессиональная культура формирует и оказывает влияние на профессиональную идентичность. Э. Хойле и М. Уоллес полагают, что индивиды, включенные в профессиональную культуру, имеют схожую точку зрения на идеологии, ценности и позиции в сфере труда [19].

Феномен профессиональной культуры в контексте социологии и антропологии рассматривается рядом российских исследователей. Есть несколько публикаций по данной теме, сделанных Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романовым [6; 7] и Т.Б. Щепанской [10], где содержится хороший задел для теоретической реконцептуализации понятия профессиональной культуры.

Тема профессиональной культуры инженеров, программистов, технических специалистов хорошо раскрыта в отечественной и зарубежной социологии. Мы остановимся на кратком обзоре некоторых публикаций, связанных с рассматриваемой здесь темой.

Отечественная социология обладает собственным комплексом работ, посвященных изучению научно-технической интеллигенции — инженеров, техников, технических специалистов. Самыми известными являются работы О.И. Шкаратана и его коллег, где проблематика специфики инженерного труда и статуса инженеров вписывалась в разработку стратификационной модели социально-профессиональной структуры позднего советского общества [5]; исследования ленинградского социолога С.А. Кугеля, который специализировался на изучении научных кадров, но также написал несколько работ, посвященных различным аспектам инженерного труда, включая систему подготовки кадров, их мотивации, бюджетов рабочего времени, удовлетворенности трудом [4]. В.А. Ядов, совместно с коллегами проводил исследование профессиональной идентичности и трудовых установок инженеров и технических специалистов ленинградских предприятий [8]. О.В. Крыштановская [3] осуществила исследование профессиональной группы инженеров, где показала в том числе аспекты депрофессионализации этой группы занятых, ставшей результатом массовизации инженерного образования и связанной с размыванием должностной структуры советских организаций, где должностная позиция «инженер» нередко была номинальным обозначением беловоротничкового конторского труда.

Эти и другие работы достаточно полно и объемно раскрывали содержание труда советской инженерно-технической интеллигенции и показывали специфические особенности данной социально-профессиональной группы.

Однако в центре этих и более поздних отечественных исследований инженерно-технических специалистов редко оказывалась проблематика профессиональной культуры, а если и оказывалась, то затрагивались лишь отдельные ее аспекты.

Спад интереса исследователей к инженерно-техническим специалистам как профессиональной группе был связан и с тем, что на социальную сцену вышли новые группы занятых, появившиеся в ходе рыночных реформ — менеджеры, финансовые аналитики, предприниматели, маркетологи и т.п.

В статье мы обращаемся к анализу коммуникационной составляющей профессиональной культуры российских технических специалистов на основе собственного эмпирического исследования.

Достаточно большое число зарубежных публикаций посвящено анализу отношений разных групп технических специалистов в организациях и рассмотрению их взаимодействия с другими группами сотрудников — в первую очередь менеджерами [14; 22; 23; 29].

А. Дарр в своем этнографическом исследовании показал, какую роль играют интерпретативные фреймы инженеров, занятых НИОКР в сфере торговли [17]. Он обратился к изучению двух групп инженеров: занятых в сфере торговли (далее — СТ) и инженеров научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее — НИОКР).

Основное предположение автора заключалось в том, что эти две группы вырабатывают различные интерпретативные фреймы относительно своей работы, частично укорененные в рабочей практике. Эти фреймы применяются в качестве символического инструмента защиты статусов, рабочих прав и обязанностей различными группами инженеров [15]. Интерпретативные фреймы включают в себя особую организацию мышления, действий и идентичностей, предоставляют общее понимание реальности, наиболее важных вопросов в работе, организуют межгрупповое взаимодействие и формируют рабочие практики [16]. Их роль в формировании профессиональной идентичности раскрывается в соотнесении с понятиями «осознание общности» для своей профессиональной группы и «осознание различий» для внешних профессиональных групп.

А. Дарр показал, что «осознание общности» инженеров СТ заключается в позиционировании своей работы как «истинно инженерной» относительно клиентов и менеджеров, а также акцент на прагматическую ориентированность профессиональной деятельности, в отличие инженеров НИОКР, которые рассматриваются инженерами СТ в режиме «осознания различий» — выступая скорее в роли ученых, чем технического персонала. Также инженеры СТ свои интерпретативные фреймы строят на «осознании различий» с коммерческими агентами, поскольку не стремятся участвовать в продажах и заключении сделок.

Помимо этого интерпретативные фреймы инженеров СТ формируются вокруг специфики профессиональных коммуникаций, предусматривающих отношение к своей работе как искусству с высокой творческой составляющей. Это искусство заключается в артикуляции абстрактных идей в блок-схемах и детальных чертежах, и описывается в эстетических суждениях («красивый», «чистый», «грязный»)

по отношению к моделям и чертежам. А. Дарр показывает, какую роль играет семантика внутрипрофессиональной коммуникации в строительстве общности технических специалистов.

Взаимопомощь членов профессионального сообщества является одной из системообразующих черт профессиональной культуры. Исследователи Л. Перлоу и Дж. Уикс на примере двух технологических компаний (индийской — «Ико» и американской — «Дитто») показывают, как организованы сети взаимопомощи среди инженерно-технического персонала [25]. В частности, говорится, что если первые исследования инженерных кадров рассматривали взаимопомощь на рабочем месте как нечто само собой разумеющееся, то с распространением менеджериалистских методов руководства, эта практика уже не является общезначимой [20].

Между тем, по мнению авторов, взаимопомощь важна не меньше, так как в этой индустрии работники сильно зависят друг от друга, а взаимопомощь коллег внутри организации стимулирует эффективность, гибкость, обучение и инновации [21; 24; 26; 27], что может рассматриваться как элемент профессиональной культуры.

Как же выглядит отношение к помощи в двух организациях?

В Ико инженеры стремятся помогать друг другу, и такая направленность связывается авторами с их *стремлением к развитию собственных навыков*, а помощь рассматривается как один из ресурсов такого развития. Такое отношение к помощи связано с тем, что успех в Ико — это достижение мастерства, и работники этой компании воспринимают своим референтом не организацию, а профессиональное сообщество (occupational community) [28].

В Дитто инженеры немотивированы помогать друг другу. Запрос на помощь здесь воспринимается как прерывание собственных проектов, а прошлый негативный опыт просьб о помощи усиливает эту атмосферу. Такое отношение к помощи связано с тем, что успех в Дитто — это персональное продвижение по карьерной лестнице внутри организации, а не признание в профессиональном сообществе. Л. Перлоу и Дж. Уикс делают вывод о связи общекультурного и организационного контекста с обменом знаниями и информацией между профессионалами.

В более раннем исследовании П. Мейксинс и С. Смит показывают различия в профессиональных культурах инженерно-технических специалистов разных стран в рамках различных идеально-типических моделей организации труда в нескольких странах: Великобритании, США, Германии, Франции, Швеции и Японии [23]. Для авторов исследования важно, что социологи долгое время не воспринимали инженеров в качестве состоявшейся профессии, поскольку в результате роста крупного производства технические специалисты превратились в наемных работников с ограниченной автономией и юрисдикцией, подчиненных менеджменту компаний (1).

В исследовании показано, что профессиональная культура технических специалистов является результатом сочетания различных факторов исторического, экономического, политического и социокультурного характера. Было определено несколько идеальных типов организации труда инженеров, определяющих их про-

фессиональную культуру в разных странах: ремесленная организация (знания передаются в сообществе через наставничество, инженеры по статусу близки к «синим воротничкам»), менеджериалистская организация (высокий статус инженеров связан с их экспертным статусом и принадлежностью к управленцам), сословная организация (наличие внутрипрофессиональной иерархии, основанной на образовании, типе выполняемой работы и квалификации) и корпоративная организация (встроенность в модели отдельных компаний и связанная с этим идентичность).

Авторы приходят к мнению, что профессиональная культура технических специалистов в разных странах имеет универсальные и локальные элементы, обусловленные институциональным и культурным контекстом.

Данная статья основана на результатах исследовательского проекта, посвященного изучению профессиональной культуры российских технических специалистов. Для выявления универсальных и локальных элементов профессиональной культуры современных российских технических специалистов были проведены: полуформализованные интервью с двадцатью информантами из России, которые работают инженерами, программистами, конструкторами, а также анкетный опрос (N = 132) с российскими техническими специалистами (2). Выборка целевая, анкетирование проводилось онлайн.

Отбор информантов и респондентов производился по следующим критериям: высшее образование в инженерной или технической сфере; практический опыт работы по специальности или смежным специальностям не менее трех лет; работа в качестве инженерно-технического специалиста на момент участия в исследовании. Продолжительность экспертного интервью составила от 40 до 120 минут. Интервью и анкетный опрос проводились в 2015—2016 гг. Интервью записывались на диктофон (один информант отказался от записи) и расшифровывались. Затем было осуществлено тематическое кодирование содержания интервью, что стало основой анализа данных, представленного в данной статье.

ИСТОЧНИКИ ЗНАНИЙ И ФОРМЫ КОММУНИКАЦИЙ В СРЕДЕ РОССИЙСКИХ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

В ходе проведенного исследования информантам были заданы вопросы, касающиеся способов обновления профессиональных знаний и роли различных каналов коммуникации в этом процессе. Внимание к этой теме обусловлено, во-первых, характером труда технических специалистов, связанным с необходимостью на регулярной основе осваивать новые технологии и обновлять специальные знания, во-вторых, значением этих знаний для утверждения профессионального статуса и культуры сообщества, и, в-третьих, быстрыми изменениями профессиональных знаний, вызванными развитием новых информационных технологий и моделей обмена знаниями. Кроме того, в ходе анкетного опроса у респондентов спрашивалось об источниках знаний о новых технологиях и разработках в сфере их основной профессиональной деятельности и о том, из каких источников они получают знания, применяемые на их основной работе (см. табл. 1, 2).

Таблица 1

«Откуда, из каких источников Вы в основном узнаете о новых идеях, разработках и технологиях в сфере Вашей основной профессиональной деятельности?» (Отметьте все подходящие варианты ответа)

Вариант ответа	% опрошенных
Из поиска в сети Интернет	78,6
От коллег по работе	68,8
Из поиска на специализированных интернет-форумах	58,9
Из содержания технической документации и инструкций пользователя (мануалов)	58
На специализированных конференциях, отраслевых выставках, встречах	54,5
Из специальной литературы (учебников, статей на русском и иностранных языках)	50
Из содержания сайтов компаний-производителей	48,2
От знакомых специалистов и друзей вне организации, где я работаю	48,2
От непосредственного руководства компании	32,1
Из внутрикорпоративных изданий (газет, журналов, интранет-рассылок)	25,9
Из целевых рассылок по электронной почте	22,3
Из социальных сетей (фейсбука, вконтакте, одноклассники, др.)	12,5
Из газет, телевизионных и радиопрограмм	7,1

Таблица 2

«Знания, полученные из каких источников, Вы используете в настоящее время на своей основной работе?» (Отметьте все подходящие ответы)

Вариант ответа	% опрошенных
полученные на рабочем месте в процессе работы	96,4
полученные в процессе общения с коллегами по работе	76,8
полученные в ходе изучения технической документации (инструкций и руководств по эксплуатации)	66,1
полученные в ходе поиска в Интернете	63,4
полученные в период обучения в вузе	58,9
полученные из специальной литературы (учебников, статей, монографий)	57,1
полученные на специализированных интернет-форумах, где общаются представители моей профессии	47,3
полученные на курсах повышения квалификации, в процессе прохождения сертификации	43,8
полученные на профессиональных конференциях, форумах, отраслевых выставках	38,4

Интервью с техническими специалистами показали несколько значимых изменений в способах получения и распространения новых профессиональных знаний в сообществах. Данные опроса также позволили получить информацию о том, какие источники профессиональных знаний для российских технических специалистов являются приоритетными.

Традиционно считается, что специализированные периодические издания — журналы являются важным источником новых знаний и информации для профессионалов. Однако наше исследование показало, что опрошенные технические специалисты в меньшей степени обращаются к профильным изданиям за новыми знаниями и информацией. Они предпочитают пользоваться другими источниками, которые позволяют им получить знания в оперативном режиме — «по запросу» и с ориентацией на решение конкретной технической или программной проблемы.

Все опрошенные говорили, что когда перед ними возникает потребность в новых знаниях и информации, то они обращаются к Интернету, понимаемому ими не как набор специализированных ресурсов, а как безразмерное хранилище данных и знаний, доступ к которому открыт через поисковые машины, а поэтому в первую очередь они начинают «*гуглить*» — то есть делать запросы по интересующей теме. «*Девяносто девять процентов — это Интернет, так как вся информация, можно так сказать, практически передается из Интернета*» (инженер, 30 лет). «*Из Интернета. Это сайты производителей, это Youtube*» (инженер, 32 года).

Результаты анкетного опроса также показывают, что поисковые запросы в Интернете являются значимым источником информации о новых идеях, разработках и технологиях в сфере основной профессиональной деятельности для большинства технических специалистов (78,6%). Более того, 63,4% участников опроса в настоящее время на своей основной работе использовали знания, полученные в ходе поиска в Интернете.

Это, однако, не исключает обращения к специализированным профессиональным интернет-ресурсам, требующим дополнительной регистрации и предоставляющим возможность онлайн-общения между специалистами — более половины респондентов (58,9%) именно оттуда узнавали о новых технических разработках по своему профилю работы.

Экспертные интервью показали, что обращение к специализированным интернет-ресурсам происходит, во-первых, если технический специалист имеет узкую квалификацию, знания по которой локализуются среди определенной группы профессионалов и, во-вторых, когда требуется уникальная информация, которую трудно получить поисковыми запросами в Интернете. Так, один из опрошенных был специалистом по программированию в системе финансового учета С1 и рассказывал о роли специализированных интернет-форумов в обмене знаниями между профессионалами: *«Сообщества есть. Есть свои форумы, там, где люди приходят, там делятся своими проблемами, обсуждаются, советы даются. Причем все это бесплатно, просто, если ты «ОдинэСник» и зарегистрировался на форуме... Если ты, конечно, задашь глупый и тупой вопрос, естественно все посмеются над тобой, но если ты спросил что-то по теме, и действительно ты там не можешь справиться, ну не знаешь каких-то там тонкостей, то люди совершенно с удовольствием поделятся с тобой, помогут. Они компанией-разработчиком ПО не поддерживаются, есть добровольцы, которые потом на контекстной рекламе зарабатывают*» (программист, 45 лет).

Опрошенные эксперты и участники анкетирования являются инженерами и техническими специалистами, имеющими практический опыт работы в своей области. Многие из них — инженеры-технологи или инженеры-наладчики, занятые установкой и обслуживанием сложного оборудования. Поэтому в их профессиональной деятельности существенную роль играет работа с технической документацией, руководствами и инструкциями, сопровождающими сложное оборудование и программные пакеты.

Как показало наше исследование, более половины участников анкетного опроса (58%) узнают новую информацию по своему профессиональному профилю

из содержания технической документации и инструкций пользователя (мануалов). О значимости технической документации как источника информации технические специалисты упоминали и в экспертных интервью: «*Тратишь день-два на изучение мануалов, а то и меньше. А потом — сразу в работу, как это в России принято*» (инженер-программист, 28 лет).

Таким образом, на характер профессиональных знаний технических специалистов большое влияние оказывают материалы технической документации, предоставляемой компаниями-изготовителями оборудования или программного обеспечения. Соответственно, для инженерно-технической профессиональной деятельности в российском контексте значимыми являются не курсы повышения квалификации или формальное образование, а текущие содержательные материалы и документация.

Коллеги по работе являются одним из ключевых источников информации о новых идеях, разработках и технологиях в сфере основной профессиональной деятельности опрошенных технических специалистов — этот источник назвали 68,8% респондентов.

Исследователи инженерно-технических специалистов уже показали, что в этой профессиональной группе значимую роль играют устные коммуникации между специалистами, работающими в одной организации или между специалистами схожего узкого профиля из разных компаний. Они обращаются другу к другу за советами, большое место занимает спонтанное взаимодействие и обмен короткими советами. Такого рода плотное общение вокруг решения различных рабочих проблем формирует поле коммуникаций, способствующее ощущению профессиональной идентичности, принадлежности к группе. «*Люди общаются, встречаются постоянно, работают очень плотно даже из разных уголков страны*» (инженер-технолог, 34 года). «*Информацию либо если мне нужно, либо я это у коллег более опытных спрошу, если они этого не знают, то соответственно, просто какую-то они дают ссылку на источник, где эта информация находится*» (инженер-программист, 31 год).

Интересно, что внутрикорпоративные каналы коммуникации не являются приоритетными способами получения профессиональных знаний для российских технических специалистов, хотя сегодня нередко говорят о появлении особой модели профессионализма — «корпоративном профессионализме», являющемся результатом растущей роли организационного контекста и культуры в профессиональной социализации некоторых занятий. Консультанты по управлению, отдельные подгруппы юристов, финансовые аналитики, аудиторы зачастую привязаны в своем профессионализме к конкретной организации и типу знаний, находящемуся в обращении в этой организации. Можно было бы предположить, что компании будут сознательно развивать систему знаний, подстраивая профессиональные навыки и компетенции технических специалистов под свои нужды. Между тем инженеры и программисты скорее самостоятельно обмениваются информацией в сообществе, нежели получают знания о новых разработках и технологиях целевым образом от своего корпоративного окружения.

Так, участники анкетного опроса, хотя и отметили, что используемые ими в работе знания они получают на рабочем месте в процессе труда (96,4%) или из общения с коллегами по работе (76,8%), однако только 32,1% опрошенных информируются непосредственными руководителями о новых идеях и разработках в их профессиональной сфере и лишь около четверти — из внутрикорпоративных изданий (25,9%) и целевых рассылок по электронной почте (22,3%).

Иными словами, инженерно-технические специалисты в поиске новых знаний и информации ориентированы скорее на неформальную помощь коллег и профессионального сообщества, нежели рассчитывают на системное информирование со стороны компании. Этот элемент профессиональной культуры технических специалистов близок к российскому типу «политического поведения» работников в организациях, предполагающему пассивное отношение персонала к управленческим решениям, поскольку сами сотрудники не имеют права голоса и не привлекаются для выработки решений по важным аспектам своего труда и развития организации: управление сосредоточено в узком кругу топ-менеджмента [2; 9; 11; 12]. Будучи объектами менеджериального управления, технические специалисты нечасто рассматривают свое руководство и компанию как источник роста своей квалификации, получения новых знаний.

Однако в представительствах зарубежных компаний практика передачи знаний своим техническим специалистам несколько иная. Так, в интервью авиаинженер, работающий в российском представительстве иностранной авиастроительной компании, отмечал, что его система карьерного продвижения базируется на регулярных аттестациях и компания специальным образом занимается повышением квалификации своих инженерных кадров, хотя обучение в компании скорее направлено на освоение работниками внутрикорпоративных технических стандартов, нежели на общепрофессиональное развитие: «*На нынешней работе проходил дополнительные курсы по инженерному образованию, но это из-за разницы в стандартах — российских и корпоративных. Результаты обучения засчитываются. И ставились отметки о прохождении соответствующих курсов, потому что у меня появились какие-то знания, какие-то навыки и теперь меня можно назначать на новые проекты. Работодатель знает, что я могу делать*» (авиаинженер, 25 лет).

Начиная с XIX-го в. отраслевые выставки являются важным каналом обмена информацией, поиска партнеров и заказчиков, демонстрацией достижений компаний.

Особую значимость выставки имели в доцифровую эпоху, когда другие возможности для наглядной демонстрации товаров и технологий были ограничены. Сегодня роль профессиональных и отраслевых выставок по-прежнему важна, поскольку в ряде сегментов business-to-business имеет значение непосредственное общение специалистов, инженеров, технологов и т.п. В рамках выставок организуются профессиональные конференции и обмен опытом, что оказывается важным для получения новых профессиональных знаний. Наше исследование показало, что более чем половина опрошенных (54,5%) узнает о новых идеях, разработках

и технологиях в сфере своей основной профессиональной деятельности на специализированных конференциях, отраслевых выставках, встречах, а чуть более трети (38,4%) использует эти знания в своей практической работе.

Можно сказать, что выставки и конференции помогают установить коммуникации между техническими специалистами и способствуют расширению их профессионального кругозора. В экспертных интервью технические специалисты отмечали, что конференции и отраслевые выставки предоставляют информацию «общего характера» и порой являются легальной версией промышленного шпионажа. Также следует помнить, что на отраслевых выставках и конференциях встречаются представители компаний-конкурентов, однако в данном случае общность профессиональной культуры технических специалистов становится важнее конкуренции между организациями, которые они представляют. «*По вопросам, которыми я занимаюсь, это в основном конфиденциальная информация. На каких-то форумах, я имею в виду таких вживую, на конференциях я участвую, но смысл в том, что, в общем-то, зачастую они дают только общее понятие того, какие сейчас тренды в мире, куда все это сейчас тикает, идет*» (инженер-программист, 32 года). «*В постсоветское время мы стали работать по нефтянке, мы каждый год выставлялись на выставку профильную. Общались. Но реальные проекты у нас только с прибалтами, ну это фактически наши советские люди. Индусы, пакистанцы подходили, американцы подойдут, больше ощущение, что идет прощупывание — типа промышленного шпионажа. И дальше общих деклараций ничего не проходит*» (инженер-конструктор, 61 год).

Таким образом, ценность отраслевых конференций и выставок заключается в возможности быстрого получения знаний о новостях своей отрасли, личного общения и налаживания неформальных профессиональных связей между специалистами, и лишь отчасти полученные знания используются затем в практической деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) В ходе менеджериализации медицины, науки и образования схожие тенденции сегодня наблюдаются и в профессиональных группах ученых, преподавателей университетов, врачей и др.

(2) Автор благодарит сотрудников Online Market Intelligence за содействие в проведении анкетного опроса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] *Абрамов Р.Н.* Социокультурные контексты профессионализма: идеология, статус, ценности // Профессиональная культура: опыт социологической рефлексии / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», 2014.

[2] *Балабанова Е.С., Эфендиев А.Г.* «Голос» работника в российских бизнес-организациях: концептуализация и результаты эмпирического анализа // Мир России. 2015. № 3.

[3] *Крыштановская О.В.* Инженеры: становление и развитие профессиональной группы. М.: Наука, 1989.

[4] *Кугель С.А., Никандров О.М.* Молодые инженеры. М.: Мысль, 1971.
[5] Рабочий и инженер: Социальные факторы эффективности труда / Под ред. О.И. Шкаратана. М.: Мысль, 1985.
[6] *Романов П., Ярская-Смирнова Е.* Антропологические исследования профессий // Антропология профессий. Саратов: ЦСПГИ, «Научная книга», 2005.
[7] *Романов П., Ярская-Смирнова Е.* Мир профессий как поле антропологических исследований // Этнографическое обозрение. 2008. № 5.
[8] Социально-психологический портрет инженера. По материалам обследования инженеров ленинградских проектно-конструкторских организаций / Под ред. В.А. Ядова. М.: Мысль, 1977.
[9] *Шекшня С.В.* От плохого к великому // Эксперт. 2006. № 29.
[10] *Щепанская Т.Б.* Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1.
[11] *Эфендиев А.Г., Балабанова Е.С.* Участие работников в управлении российских бизнес-организаций // Современный менеджмент: Проблемы, гипотезы, исследования. М.: ВШЭ, 2010.
[12] *Эфендиев А.Г., Балабанова Е.С.* «Человеческое измерение» российского бизнеса: к демократически-гуманистическому типу социальной организации фирмы // Социологические исследования. 2012. № 7.
[13] *Abbott A.* The System of Professions. Chicago — L.: University of Chicago Press, 1988.
[14] *Armstrong P.* Engineers, management and trust // Work, Employment and Society. 1987. No 1.
[15] *Bittner E.* The concept of organization // Ethnomethodology / Ed. by R. Turner. Harmondsworth: Penguin, 1974.
[16] *Daft R., Weick K.* Toward a model of organization as interpretive systems // Academy of Management Review. 1984. No 9.
[17] *Darr A.* Technical labour in an engineerng boutique: interpretative frameworks of sales and R&D engineers // Work, Employment & Society. 2000. Vol. 14. No 2.
[18] *Friedson E.* Professionalism: The Third Logic. L.: Polity Press, 2001.
[19] *Hoyle E., Wallace M.* Educational Leadership: Ambiguity, Professionals and Managerialism. L.: Sage, 2005.
[20] *Katz D, Kahn R.L.* The Social Psychology of Organizations. N.Y.: Wiley, 1966.
[21] *Malone T. W, Rockar J.F.* Computers, networks and the corporation // Scientific American. 1991. No 265.
[22] *McGovern P.* Trust, discretion and responsibility: The division of technical labour // Work, Employment and Society. 1996. No 10.
[23] *Meiksins P., Smith C.* Organizing engineering work: A comparative analysis // Work and Occupations. 1993. No 2.
[24] *Nickerson R.S.* Looking Ahead: Human Factors Challenges in a Changing World. Hillsdale: Lawrence Earlbaum Associates, 1992.
[25] *Perlow L., Weeks J.* Who's helping whom? Layers of culture and workplace behavior // Journal of Organizational Behavior. 2002. Vol. 23.
[26] *Sproull L, Kiesler S.* Computers, networks and work // Scientific American. 1991. No 265.
[27] *Walton R.E.* Up and Running: Integrating Information Technology and the Organization. Boston: Harvard Business School Press, 1989.
[28] *Van Maanen J, Barley S.R.* Occupational Communities: Culture and Control in Organizations // Researching Organizational Behavior. 1984. No 6.
[29] *Whalley R.* The Social Production of Technical Work: The Case of British Engineers. Albany: State University of New York Press, 1986.

PROFESSIONAL COMMUNICATIONS OF RUSSIAN TECHNICAL AND ENGINEERING SPECIALISTS: EMPIRICAL ANALYSIS

R.N. Abramov

National Research University — Higher School of Economics,
Moscow, Russia

Sociology of professions focus on the role of interpersonal and intergroup communications in the professional communities as an element of professional culture. The article considers forms and features of professional communications of Russian engineers and technicians in the context of their professional culture defined as the constellation of ideology, values, beliefs, language, and forms of activity typical for the community, which rarely becomes an object of Russian sociologists' studies. The author shows that interpersonal professional communications on the various aspects of professional activity is an important element of professional culture. The article is based on the results of online survey of Russian engineers and expert interviews with Russian technical specialists — they were questioned on the ways of updating their professional knowledge and on the role of various channels of communication in this process. At the beginning of the article, the author provides an overview of approaches to the study of professional culture in Russia and abroad, and underlines the significant role of the Internet and the declining role of literature as a source of new knowledge for the engineering and technical staff. The results of the study also revealed an important role of informal and direct communications in the transfer of professional knowledge within the engineering community, while organizational environment has a relatively low impact on the updating of professional knowledge, which can be explained by the lack of management attention to the professional development of specialists.

Key words: sociology of professions; professional culture; engineering and technical intelligentsia; profession; communication; knowledge; survey; interview

REFERENCES

[1] *Abramov R.N.* Sociokul'turnye konteksty professionalizma: ideologiya, status, cennosti [Social and cultural contexts of professionalism: Ideology, status, values]. Professional'naya kul'tura: opyt sociologicheskoj refleksii. Pod red. E.R. Yarskoj-Smirnovoj. M.: OOO «Variant», 2014.

[2] *Balabanova E.S., Ehfendiev A.G.* «Golos» rabotnika v rossijskih biznes-organizaciyah: konceptualizaciya i rezul'taty ehmpiricheskogo analiza [The "voice" of the worker in Russian business organizations: Conceptualization and empirical analysis]. Mir Rossii. 2015. No 3.

[3] *Kryshtanovskaya O.V.* Inzhenery: stanovlenie i razvitie professional'noj gruppy [Engineers: Formation and Development of Professional Group]. M.: Nauka, 1989.

[4] *Kugel S.A., Nikandrov O.M.* Molodye inzhenery [Young Engineers]. M.: Mysl', 1971.

[5] Rabochij i inzhener: Social'nye faktory ehffektivnosti truda [The Worker and the Engineer: Social Factors of Labour Productivity]. Pod red. O.I. Shkaratana. M.: Mysl', 1985.

[6] *Romanov P., Yarskaya-Smirnova E.* Antropologicheskie issledovaniya professij [Anthropological study of professions]. Antropologiya professij. Saratov: CSPGI, «Nauchnaya kniga», 2005.

[7] *Romanov P., Yarskaya-Smirnova E.* Mir professij kak pole antropologicheskih issledovanij [The world of professions as a field of anthropological research]. Ehtnograficheskoe obozrenie. 2008. No 5.

[8] Social'no-psihologicheskij portret inzhenera [Social-Psychological Portrait of an Engineer]. Po materialam obsledovaniya inzhenerov leningradskih proektno-konstruktorskih organizacij. Pod red. V.A. Yadova. M.: Mysl', 1977.

[9] *Shekshnya S.V.* Ot plohogo k velikomu [From bad to great]. Ekspert. 2006. No 29.

[10] *Schepanskaya T.B.* Antropologiya professij [Anthropology of professions]. Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2003. Vol. VI. No 1.

[11] *Efendiev A.G., Balabanova E.S.* Uchastie rabotnikov v upravlenii rossijskih biznes-organizacij [Employees' participation in the management of Russian business organizations]. Sovremennyj menedzhment: Problemy, gipotezy, issledovaniya. M.: VSHEH, 2010.

[12] *Efendiev A.G., Balabanova E.S.* «Chelovecheskoe izmerenie» rossijskogo biznesa: k demokraticheski-gumanisticheskomu tipu social'noj organizacii firmy [The "human dimension" of Russian business: To the democratic and humanistic type of social organization of a firm]. Sociologicheskie issledovaniya. 2012. No 7.

АГЕНТНОСТЬ И ВОСПРОИЗВОДСТВО СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР: НА ПРИМЕРЕ ВАХТОВОГО ТРУДА В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН*

М.С. Туракаев**

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

В статье рассмотрены образ, стиль жизни и место на рынке труда (трудовые позиции) вахтовых рабочих из сельских районов Республики Башкортостан. Данная социальная группа является достаточно многочисленной и специфичной для Приволжского федерального округа России. Ее отличительными чертами служат мобильная занятость, регулярность маятниковых перемещений и т.д. Ключевая проблема исследования заключается в анализе агентности и воспроизводства социальных структур в сфере вахтового труда, места и роли вахтовых работников в социальном пространстве российского региона. Сообщество вахтовых работников предстает как социальное пространство позиций (внешних социальных структур в сфере трудовой занятости), социальное поле их образа жизни и индивидуальных характеристик (стиля жизни, культурного капитала и габитуса). Взаимодействие социального пространства вахтовых позиций, образа и стиля жизни индивидов основано на принципе «дуальности» структуры, который противостоит и противоречит принципу «дуализма» структуры. Различия обоих принципов рассмотрены в контексте теории структурации, конструктивистского структурализма и критического реализма. Методологически анализ трудового участия и жизнедеятельности вахтовых работников осуществляется на базе концепции дуальности структуры. Трудовая карьера и сельский образ жизни вахтовых рабочих детерминируются институциональными условиями, которые ограничивают их поведение в процессе воспроизводства социальных структур. Стиль жизни вахтовых работников определяется относительно свободным выбором ими досуга и свободного времени в период пребывания в домашней сельской обстановке и характеризует их агентность. Избирательность их досуговых практик отражается в устоявшемся стиле жизни, зависящем от ограничений социального поля сельского образа жизни и образа жизни на работе (вахте). Воспроизводство иерархии трудовых позиций вахтовых работников в социальном пространстве обеспечивается переплетением элементов стиля жизни (в частности, культурный капитал, привычки) и образа жизни (например, благосостояние).

Ключевые слова: социальная структура; агентность; структурация; вахтовый метод работы; вахтовые рабочие; социальное пространство; стиль жизни; образ жизни; социология труда

Для Республики Башкортостан еще в советское время был характерен вахтовый метод работы как вид мобильной профессиональной занятости, а в постсоветский период мобильный вахтовый труд стал более распространен и многообразен. Данный кейс исследования Северо-Восточных районов Республики Башкортостан показывает, что достаточно большая доля экономически активного населения занята мобильным трудом (преимущественно это работа вахтовым методом). Мы считаем, что вахтовые работники имеют признаки, которые отличают их от отходников. Отходник — это общее понятие, характеризующее мобильных работников, отъезжающих на заработки в место, отличное от места проживания и возвращающихся обратно через определенные промежутки времени.

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ. Проект «Формирование и изменение цивилизационного порядка в современном российском обществе» №15-03-00805.

** © М.С. Туракаев, 2016.

В работе «Отходники» российские исследователи определяют современное отходничество как «вид трудовой миграции населения, отличительными чертами которого являются временный и возвратный характер отъезда из места постоянного проживания семьи в другие регионы (территории) взрослого трудоспособного члена семьи с целью инициативного предложения своих услуг или трудоустройства на самостоятельно найденную работу» [4. С. 267].

Вахтовый работник — отходник, занятый вахтовым трудом. Отходник может работать не только вахтовым методом, но и работать сезонно, калымить (зарабатывать деньги неофициальным и непостоянным трудом) и т.д. Отличительными чертами вахтового труда служат мобильная трудовая занятость; регулярность возвращения домой (фиксированный график труда на вахте и отдыха дома); маятниковое перемещение от постоянного места проживания (дома) до места работы (вахты); официальное трудоустройство (что предполагает уплату налогов работодателем) в отличие от других видов мобильной занятости: шабашников, калымщиков и др.

Целью статьи является изучение места и роли вахтовых работников в социальном пространстве российского региона, а также агентности и воспроизводства социального пространства трудовых позиций мобильной трудовой занятости вахтовыми работниками при помощи механизмов стиля и образа жизни. Эмпирические данные основаны на полуструктурированных глубинных интервью (табл. 1) с местными жителями Северо-Восточных районов Республики Башкортостан, вовлеченных в мобильную трудовую вахтовую занятость (n = 27).

Таблица 1

Список и характеристики информантов

№ информанта	Имя информанта	Возраст*	Профессия (статус в настоящее время)*	Образование*	Время работы мобильным трудом*	Место работы*	Метод работы	График (дни работы / дни отдыха)*
1	Владик	27	Охранник	Квалификация (курсы)	4 года	Челябинская область (г. Сатка)	В	15/15
2	Зуфар	46	Водитель (работает)	СП, водитель	8 лет	Север (ХМАО, г. Пыть-Ях)	В	Мес./мес.
3	Фарит	58	Такелажник (на пенсии)	СП, помощник бурильщика	30 лет	Север (ХМАО, ЯНАО, разные места)	В	Мес./мес.

Примечание: * показаны данные на момент проведения интервью; В — вахтовый метод; СП — среднее профессиональное образование.

Для выяснения уровня предлагаемой зарплаты вахтовых работников, требований к их квалификации и образованию и положения в классовой структуре было проведено сплошное обследование вакансий по вахтовому методу с сайтов ru.indeed.com, rabota.yandex.ru, hh.ru, careerjet.ru, superjob.ru, joblab.ru по нескольким регионам, которые находятся территориально близко к Башкортостану: Рес-

публика Башкортостан и Уфа, Челябинская область и Челябинск, Свердловская область и Екатеринбург, Ханты-Мансийский автономный округ и Ямало-Ненецкий автономный округ (табл. 2 ниже). Все вакансии, отвечающие требованиям анализа (с пометкой «вахта», вахтовый метод», опубликованные в период с декабря 2014 по февраль 2015 г., которые не имеют повторов (дублированных вакансий) и предполагают работу именно вахтовым методом). Всего было собрано 1339 вакансий.

Ключевая проблема исследования заключается в анализе агентности и воспроизводства социальных структур в среде вахтовых работников. Взаимодействие социального пространства вахтовых позиций, образа и стиля жизни индивидов основано на принципе *дуальности* структуры, который противостоит принципу *дуализма* структуры. Различия обоих принципов рассмотрены в контексте теории структурации, конструктивистского структурализма и критического реализма. Методологически анализ трудового участия и жизнедеятельности вахтовых работников осуществляется на базе концепции дуальности структуры.

«ДУАЛЬНОСТЬ» VS «ДУАЛИЗМ» СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

В теории структурации Э. Гидденс определяет социальную структуру как «правила и ресурсы, подразумеваемые в процессе воспроизводства социальных систем. Структура существует только как памятные следы, органическая основа человеческой осведомленности и проявляет себя в действии» [2. С. 501]. Представители социального реализма определяют социальную структуру в отличие от Гидденса как вещь, нечто реальное, автономное от индивидов с некими эмерджентными свойствами (свойства социальной структуры не сводятся к сумме свойств ее элементов — индивидов) [9. С. 221].

Основываясь на понимании социальной структуры Э. Гидденсом, автор делает упор на анализе образа и стиля жизни вахтовых работников как механизмов воспроизводства социального пространства иерархий трудовых позиций. Далее будет показано, что взаимодействие социальной структуры и агентности принимает иное значение в теории структурации, критическом реализме и конструктивистском структурализме. Структурация — это «структурирование социальных отношений в пространстве и времени на основании принципа дуальности структуры» [2. С. 501]. Принцип дуальности структуры — это ситуация, когда структура выступает «как посредник и как продукт поведения, которое она непрерывно организует; структуральные свойства социальных систем не существуют вне действия, а хронически подразумеваются в его производстве и воспроизводстве» [2. С. 498].

Главным аргументом критических реалистов, в частности М. Арчер и Д. Элдер-Васс, против теории структурации служит, с их точки зрения, безосновательное «смешение» (conflation) структуры и деятельности. По мнению М. Арчер, «из-за того, что структура неотделима от деятельности, нет смысла в том, что структура может являться эмерджентной или автономной, или предшествующей, или причинно-влиятельной. Вместо этого «структурные свойства» (т.е. определенные как «правила и ресурсы») проявляются в социальных практиках и не су-

ществуют за пределами данного «проявления» деятельности. Без этого «проявления» структурные свойства имеют лишь «виртуальное существование» как «материальные» целостности; материалы, принадлежащие скорее физическому, чем социальному миру (земля, ресурсы или маркированная печатная бумага, например, ПДД)» [7. P. 97—98]. Агентность, согласно Д. Порпора, смешивается со структурой, а структура с культурой [13. P. 32]. По мнению представителей критического реализма, данные категории (структура, агентность, культура) должны быть разделены не только аналитически, но и онтологически. Структура существует реально отдельно от деятельности индивидов и предшествует ей.

Стоит отметить, что Э. Гидденс говорит о социальной структуре, которая является только «виртуальной», и различает понятия «структура» и «социальная система»: «Структура существует в пространстве-времени только как моменты, рекурсивно вовлеченные в производство и воспроизводство социальных систем» [10. P. 26]. Соответственно, социальная система — это «паттерны взаимоотношений между акторами и коллективами, воспроизведенные в пространстве-времени» [10. P. 26].

Таким образом, виртуальность понимается не как субъективность структур или существование структур только в умах людей, а как проявление этой структуры в деятельности индивидов. На наш взгляд, структура все же обладает объективными ограничениями. В частности, Р. Стоунс (R. Stones), как последователь теории структурации, подтверждает теорию Гидденса, выделяя три вида ограничений (материальные ограничения, негативные санкции и структурные ограничения) [14. P. 181]. Если структурные особенности существуют «объективно», следовательно, структуры также могут существовать вне социальных практик индивидов. Э. Гидденс различает социальную структуру и физическую структуру: «Ошибка некоторых моих критиков считать, будто я думаю, что структуры существуют почему-то в головах людей, потому что я говорю, что они производятся рекурсивно, благодаря тому, что люди делают». Однако люди «делают то, что они делают во многих различных контекстах, включая физические контексты, которые хорошо соотносятся с возможностями и ограничениями, с которыми сталкивается какой-либо индивид или группа» [11. P. 82]. Полного «смешения» (онтологического или методологического) социальной структуры (а не физической или природной структуры) и агентности нет: структура и структурные свойства могут проявляться как в деятельности индивидов, так и выходить «из-под контроля субъектов деятельности» [2. С. 70].

Так называемый «третий путь», помогающий преодолеть споры сторонников дуализма и дуальности структур, предлагает П. Штомпка. Согласно его концепции структуры и агенты сходятся в деятельности (качественно новом состоянии) как потенциальной возможности и практике как актуальной (действительной) возможности: «...Не существует ни реальности агентов, ни реальности структур самих по себе. И не существует никакой приемлемой модели действительного взаимодействия этих двух реальностей — агентов и структур, рассматриваемых раздельно. Потому что в действительности они слиты вместе в единый мир — социальный мир человека, в его единую агентно-структурную фабрику» [6. С. 273]. Практика выступает как новая реальность, включающая в себя и структуры и деятельность

агентов, социальные факты и действия агентов сливаются в события. Однако такой подход ограничивается изучением только деятельности и практик людей, которые объединяют социальные структуры и агентность.

Эмерджентный (холистский) подход предлагает изучение общества с позиции макросоциальных процессов. Так, Д. Элдер-Васс пишет, что для того, чтобы объяснить эмерджентные свойства «сущности» (entity), нужно: изучить ее части; отношения между ее частями; морфогенетические причины (morphogenetic causes), которые производят эту сущность в текущей форме; морфостатические причины (morphostatic causes), которые стабилизируют эту сущность и механизмы, благодаря которым эти части производят специфические свойства «сущности» [9. P. 193].

Еще один представитель социального критического реализма М. Арчер озвучивает похожую идею: «эмерджентные свойства являются реляционными, которые возникают из комбинации (например, высокая производительность возникает из разделения труда), где последнее способно отреагировать на первое (например, производство монотонной работы), имеют свои причинные силы (например, дифференциальное богатство наций), которые каузально несводимы к силам ее элементов (индивидуальные рабочие)» [7. P. 9]. Данный подход, несомненно, делает действия индивидов и групп незначительными перед силой социальной структуры. В результате деятельность индивидов почти или совсем не учитывается. Это пример овеществления социальной структуры и придания ей «каузальной силы» [12. P. 495—496]. Нисходящая каузальность — «способность «сущности» с каузальными силами осуществлять причинно-следственное влияние на свои части» [9. P. 58—59].

Данный эмерджентный подход позволяет изучить возникновение социальных структур из социальных отношений людей и влияние социальных структур на их деятельность, но в работах представителей реализма не описаны механизмы воспроизводства структур. Например, социальная структура воспроизводится через практики людей, их мотивы и интересы, габитус (как структурирующей структуры и структурированной структуры), а также капиталы, которые могут принимать объективированную, институционализированную и инкорпорированную формы. Одним словом воспроизводство социальных структур осуществляется на основе принципа дуальности структуры: социальная структура и агентность как две стороны одного процесса структурации.

В результате интернализации внешние социальные структуры принимают инкорпорированную форму капитала индивида в виде габитуса, т.е. капиталы становятся частью тела индивида. При взаимодействии индивида с материальными объектами (культурные объекты: книги, театры и др.; места) происходит индивидуализация социальной структуры. Индивид изменяет, владеет, передает и конвертирует объективированные формы капитала, и они становятся частью его жизни. Внешние институционализированные формы капитала в виде прав и обязанностей, сертификатов и титулов также могут стать частью индивида, т.е. индивидуализироваться в процессе присвоения этих форм капиталов. Таким образом, категории капиталов, габитуса и повседневных практик индивидов как элементов стиля и образа жизни являются механизмами индивидуализации социального пространства и воспроизводства социального порядка.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТРУДОВЫХ ПОЗИЦИЙ И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛЕ ОБРАЗА И СТИЛЯ ЖИЗНИ ВАХТОВЫХ РАБОТНИКОВ

Взаимодействие социальной структуры и агентности можно представить как социальное пространство позиций (внешних социальных структур) и индивидов (индивидуальные характеристики: образ и стиль жизни, культурный капитал и габитус). Конкретный индивид может занимать определенную позицию, а может и не занимать.

Например, индивид в соответствии со своими навыками и знаниями трудоустраивается на доступную позицию. Вахтовые работники интернализуют свойства социального пространства сельской местности малой Родины, т.е. перенимают некоторые особенности (нормы, стратегии и практики) поведения односельчан в сфере трудовой занятости. Сельские жители Северо-Восточных районов Республики Башкортостан, преимущественно мужчины трудоспособного возраста, примерно с семидесятых годов XX в. стали ездить на работу вахтовым методом в северные регионы России.

Структура физического пространства определяется по взаимному исключению географических границ. А структура социального пространства состоит из социальных полей, которые «обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала» [1. С. 53—54]. Позиции определяются исходя из действующих свойств пространства, а именно из распределения различных видов капиталов, а также норм, ценностей, идей и т.д. Социальное пространство не состоит из компонентов как дом из кирпичей, оно имеет свою логику, правила и регулярности [8. P. 104]. Границы социальных полей изменяемы и относительны. Переход от одного социального поля к другому осуществляется тогда, когда силы (капиталы, нормы, ценности и др.) социального поля перестают действовать (или их воздействие на агентов ослабевает).

Для того чтобы изучить статус вахтового работника (человек, работающий вахтовым методом), нужно определить его позицию в социальном пространстве работы (вахты). Позиция индивида, работающего вахтовым методом, характеризуется определенным уровнем зарплаты, графиком и условиями труда, требованиями к поведению на месте работе, а также образованию, квалификации и опыту работы. Можно привести в пример анализ вакансий с сайтов поиска работы.

В таблице 1 представлена описательная статистика (частоты и проценты) по трем переменным: зарплата вахтовых позиций, класс и образование. Классовая структура организована на основании двух критериев, выделяемых Э.О. Райтом: власть (менеджеры, супервайзеры и наемные работники) и культурный капитал («skills») — эксперты, квалифицированные и неквалифицированные работники [15. P. 84]. Третий критерий собственности не был применен, т.к. невозможно его определить, исходя из анализа вакансий с сайтов. Таким образом, специальности работников были отнесены к определенному классу: квалифицированные специалисты без власти (требуется как минимум квалификация: средне-специальное образование, сертификаты, опыт работы; без властных полномочий), эксперты-

супервайзеры (менеджмент среднего уровня с высшим образованием), неквалифицированные рабочие без власти (не требуется специального образования и квалификаций, без властных полномочий), квалифицированные супервайзеры (менеджмент среднего уровня без высшего образования, нужны как минимум квалификация или средне-специальное образование) и эксперты без власти (специалисты с высшим образованием без властных полномочий).

Таблица 2

Зарплата, класс и образование вахтовых позиций на сайтах по поиску работы: сравнительный анализ регионов (ХМАО, ЯНАО, Челябинская область, Свердловская область, Республика Башкортостан)

Зарплата (руб.)	%	Класс	%	Образование	%
0—20 000	3,4	Квалифицированные специалисты без власти	**77,9**	Квалификация и опыт (или только опыт)	**55,0**
20 001—30 000	11,3	Эксперты-супервайзеры	10,7	Средне-специальное	22,4
30 001—40 000	12,6	Неквалифицированные рабочие без власти	7,1	Высшее	9,3
40 001—50 000	**24,3**	Квалифицированные супервайзеры	3,0	Среднее общее	5,0
50 001—60 000	**27,8**	Эксперты без власти	1,3	Не требуется	4,1
60 001—70 000	9,3	Итого	100	Не указано	4,2
70 001—100 000	10,0			Итого	00
100 001 и больше	1,3				
Итого	100,0				

Исходя из вышеприведенных данных, можно сказать, что наиболее востребованными в данных регионах являются квалифицированные специалисты без власти (77,9%) с квалификацией и опытом работы, или только опытом работы (55%). Наиболее распространенный уровень предлагаемой зарплаты — от 40 000 до 60 000 руб. (52,1%).

Необходимо указать на особенности пространства позиций поля вахтового труда. Прежде всего, это социально-экономическая ситуация в северных регионах и крупных городах России, которая характеризуется наличием рабочих мест (большое количество вакансий вахтовым методом в соседних городах и северных регионах), уровнем зарплаты (более высокая зарплата по сравнению с южными регионами и глубинкой России), графиком и условиями труда (7, 10, 14 дней в соседних городах; 30, 45, 60 — в северных ресурсных регионах), требованиями к образованию (нет высоких требований для работы вахтовым методом, т.к. в основном позиции вахтовых работников малоквалифицированные или, реже, неквалифицированные), и требованиями к состоянию здоровья (у вахтового работника не должно быть тяжелых заболеваний, он должен мочь жить и работать в непростых условиях, быть физически выносливым, способным жить вдалеке от дома длительное время и не нарушать местных правил труда).

Эти характеристики позиций рабочих мест оказывают структурное влияние на потенциальных рабочих. Для того чтобы занять эти позиции, нужно обладать определенными капиталами (опыт, квалификация, знакомства), объемом этих капиталов (большой опыт, нет опыта и т.д.) и специфическим габитусом (длительные ментальные и телесные диспозиции). Соответственно те люди, которые не под-

ходят к этим требованиям, отсеиваются либо сами, либо в процессе подачи заявления (изъявления желания работать) на работу.

Социальное поле — это совокупность силовых факторов: структура капиталов, норм, ценностей, которые обусловливают формы действия и взаимодействия индивидов. Изучение социального поля происходит, прежде всего, через категории капиталов, которые имеют определенную относительную ценность для индивидов и позволяют осуществлять определенные жизненные планы. Индивиды не являются частями поля, которые детерминированы внешними социальными структурами; они являются активными носителями капиталов, которые определяют их социальную позицию в социальном поле [8. P. 108].

Образ жизни — это «формы жизнедеятельности людей, навязанные полем, его структурными характеристиками (ресурсами, культурной программой, языком)» [3. С. 44], т.е. образ жизни навязывается внешней структурой. В сфере трудовой занятости индивиду предоставляется мало свободного выбора, и требуется соблюдать определенные правила и нормы той или иной трудовой позиции. Стиль жизни — формы и практики жизнедеятельности индивидов в сфере свободного времени. Сфера досуга в отличие от сферы трудовой занятости позволяет индивидам относительно свободно выбирать модель поведения, хотя и здесь есть ограничения.

Сельский образ жизни — это структурные и институциональные условия жизни, которые ограничивают поведение индивидов, проживающих в социальном поле сельской местности. Сельский образ жизни характеризуют такие особенности, как наличие своего подсобного хозяйства (сад, огород и др.), отсутствие городских разнообразных форм проведения досуга (кинотеатры, театры, парки развлечений, концерты и др.), относительно тесные связи с соседями и т.д. Опыт проживания в сельской местности приводит к опривычиванию такого образа жизни, что проявляется в нежелании (полном или относительном) вахтовых работников жить в городской местности и (или) просто вдалеке от дома. «*Как бы город не устраивает. У меня вот, например, жену тоже город не устраивает. Не знаю, много где был, никак город меня не устраивает. Поработать, да можно, а чтобы жить нет*» [Информант 1. Владик].

Образ жизни вахтового рабочего вне дома (на вахте) предполагает строгие нормы и правила поведения на работе. Как правило, вахтовые рабочие работают по 11, 12 часов в сутки, живут на территории вахтового поселка и не имеют права выходить за его пределы. График работы почти не оставляет времени ни на что другое, кроме сна, вахтовик проводит «*полгода дома, полгода на работе».* После рабочей смены *«покушал, помылся да спать. Там уже остается-то время. 11-часовой рабочий день. Это считай, ты уже в 8 часов должен выехать, в 8 только заехать. И остается тут время...»* [Информант 2. Зуфар].

Вахтовые рабочие достаточно неприхотливы к тяжелым условиям труда и быта. Как они сами отмечают, происходит привыкание к постоянным переездам и условиям жизни на работе (вахте). Сельский образ жизни для вахтовых работников гораздо приоритетнее, чем отказ от трудностей образа жизни на работе. Они

предпочтут жить в сельской местности и работать вахтовым методом, чем переезжать из дома на постоянное место работы на тот же Север или в крупные города России, чтобы исключить трудности регулярных маятниковых переездов и проживания в стесненных условиях (ограниченный круг общения и форм жизнедеятельности).

Стиль жизни вахтовых работников — это их досуг во время нахождения дома. Невзирая на то, что сельский образ жизни накладывается на стиль жизни, вахтовые рабочие имеют относительную свободу действий в сфере свободного времени (от вахты).

Хотя сельские жители (вахтовые работники) могут выезжать в город для досуга, они чаще всего проводят свое время у себя дома с семьей, в общении с друзьями и родственниками и в подсобном хозяйстве. Строительство и ремонт — одна из самых распространенных практик стиля жизни вахтовых работников. Даже пенсионер, бывший вахтовый работник, сообщает о нехватке времени на развлечения: *«То зятю помогаю, он строится сейчас и дома работы хватает, в частном доме-то. Большой же дом. У нас живность есть, курицы. А скотину мы не держали. Вахтой же тяжело: и сено заготовить, чем покупать. Когда ты его будешь готовить? Хватает там работы, еще тут ты будешь сено...»* [Информант 3. Фарит].

Возрастные особенности вахтовых работников влияют на выбор досуговых практик как элементов стиля жизни. В отличие от информантов среднего и пожилого возраста молодые люди предпочитают проводить время за пределами дома с друзьями, общаясь и взаимодействуя в общественных местах (кафе, клубы и др.).

***

Сообщество вахтовых работников предстает как социальное пространство трудовых позиций (внешних социальных структур в сфере трудовой занятости), социальное поле их образа жизни и индивидуальных характеристик: стиль жизни, культурный капитал и габитус. Вахтовые работники перенимают те или иные стратегии и практики адаптации к социально-экономическим (структура занятости, трудовые вакансии, условия и оплата труда) и социокультурным обстоятельствам (общепринятые стратегии и практики как типичные пути местных жителей; стиль жизни) у местных жителей — незнакомых людей, знакомых и родственников. Таким образом, для Северо-Восточных районов Республики Башкортостан работа вахтовым методом является традиционной и распространенной стратегией решения проблемы финансового и материального обеспечения своего благосостояния.

Взаимодействие пространства вахтовых позиций и социального поля образа и стиля жизни обусловлено противоречием принципов дуальности и дуализма структуры.

Трудовое участие и жизнедеятельность вахтовых работников регулируются принципом дуальности структуры. Трудовая карьера и сельский образ жизни вахтовых рабочих детерминируется структурными и институциональными условиями, которые ограничивают поведение вахтовых рабочих в процессе воспроизводства

социальных структур. Стиль жизни вахтовых работников определяется относительно свободным выбором ими досуга и свободного времени в период пребывания в домашней сельской обстановке и характеризует их агентность. Избирательность их досуговых практик отражается в устоявшемся стиле жизни, зависящем от ограничений социального поля сельского образа жизни и образа жизни на работе (вахте).

Характеристики позиций рабочих мест (необходимо прежде всего обладать определенным образованием и опытом работы, а также согласиться на предложенный уровень оплаты и условия труда и быта) оказывают структурное влияние на потенциальных рабочих. Для того чтобы занять эти позиции, нужно обладать определенными капиталами (необходимый опыт и квалификация, знакомства), объемом этих капиталов (большой опыт, нет опыта и т.д.) и специфическим габитусом (длительные ментальные и телесные диспозиции). Местные жители сельских районов республики Башкортостан выбирают вахтовый труд самостоятельно в качестве альтернативы переезда в городскую местность или на Север страны на постоянное место работы и проживания.

Относительно свободный выбор вахтовыми работниками досуговых практик отражается в устоявшемся стиле жизни, который зависит от ограничений социального поля сельского образа жизни и образа жизни на работе (вахте). *Воспроизводство иерархии трудовых позиций* вахтовых работников в социальном пространстве обеспечивается переплетением элементов стиля (в частности, культурный капитал, привычки) и образа жизни (например благосостояние).

Привычность сельского образа и стиля жизни вахтовых работников выражается в полном или относительном нежелании и в ограниченных возможностях жить в городской местности и (или) просто вдалеке от дома (дороговизна жилья). Привычный стиль жизни вахтовых работников, который выражается в повседневных практиках в социальном и физическом пространстве малой Родины, способствует закреплению их на месте проживания и в сфере вахтового мобильного труда. Это — проживание в частном доме, занятие подсобным хозяйством и строительством, общение с семьей и родственниками, а также комфортное общение (которое зависит от более низкого уровня анонимности, чем в городской среде) и взаимодействие с соседями и другими местными жителями и т.д.

Приоритетность привычного сельского образа жизни перед городским образом жизни проявляется в том, что для вахтовых работников жизнь в сельской местности гораздо предпочтительнее, чем отказ от трудностей жизни на вахтовой работе (регулярность маятниковых переездов, а также проживание в стесненных условиях: ограниченный круг общения и форм жизнедеятельности).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] *Бурдье П.* Физическое и социальное пространства // *Бурдье П.* Социология социального пространства. М.—СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 2007.

[2] *Гидденс Э.* Устроение общества. Очерк теории структурации. М.: Академический проект, 2005.

[3] *Ильин В.И.* Феномен поля: от метафоры к научной категории // Рубеж (альманах социальных исследований). 2003. № 18.
[4] *Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А.* Отходники. М.: Новый Хронограф, 2013.
[5] *Стадник А.Т., Шаравина Е.В.* Вахтовый метод организации сельскохозяйственного производства // Вестник Новосибирского государственного аграрного университета. 2011. Т. 4. № 20.
[6] *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996.
[7] *Archer M.* Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
[8] *Bourdieu P., Wacquant L.* An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
[9] *Elder-Vass D.* The Causal Power of Social Structures: Emergence, Structure and Agency. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
[10] *Giddens A.* A Contemporary Critique of Historical Materialism. Vol. 1. Power, property and the state. Berkley; Los Angeles: University of California Press, 1981.
[11] *Giddens A., Pierson C.* Conversations with Anthony Giddens: Making Sense of Modernity. L.: Polity Press, 1998.
[12] *Kemp S.* Interests and structure in dualist social theory: a critical appraisal of Archer's theoretical and empirical arguments // Philosophy of the Social Sciences. 2012. No 42.
[13] *Porpora D.V.* Morphogenesis and Social Change. Social Morphogenesis / Ed. by M. Archer. L., 2013.
[14] *Stones R.* Refusing the realism — structuration divide // European journal of Social Theory. 2001. Vol. 4. No 2.
[15] *Wright E.O.* Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

AGENCY AND THE REPRODUCTION OF SOCIAL STRUCTURES: ON THE EXAMPLE OF THE ROTATION SYSTEM OF WORK IN BASHKORTOSTAN

M.S. Turakayev

Saint-Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia

The article considers the way of life, lifestyle and positions in the labor market of shift workers from rural areas of the Republic Bashkortostan. This social group is rather large and specific to the Volga Federal District of Russia. Its distinctive features are mobile employment and regular pendulum migration. The key aim of the study was to analyze the agency and the reproduction of social structures in the sphere of the long-distance rotation system, the position and roles of shift workers in the social life of the Russian region. The community of shift workers is considered as a social space of positions (external social structures in the sphere of employment), and as a social space of their way of life and individual characteristics (lifestyle, cultural capital and habitus). The interaction within the social space of the long-distance shift positions, mode of life and lifestyle of shift workers is based on the principle of the structure "duality" that opposes and contradicts the principle of structural "dualism". The paper reveals differences between two principles in the context of structuration theory, constructivist structuralism and critical realism.

The methodology of the analysis of shift workers' labor participation and everyday activities is based on the idea of the duality of structure. The labor career and rural mode of life of shift workers are determined by structural and institutional conditions that limit their behavior in the reproduction of social structures. The lifestyle of shift workers is determined by a relatively free choice of leisure activities during their stay at home in rural areas and characterizes their agency. The selectivity of their leisure practices is reflected in the well-established lifestyle, which depends on the limitations in the social sphere of rural life and their mode of life at work («vakhta»). The reproduction of shift workers labor positions hierarchy in the social space is provided by the elements of lifestyle (cultural capital, and habits in praticular) and the way of life (for example, well-being).

Key words: social structure; agency; structuration; rotation system of work; shift workers; social space; lifestyle; way of life; sociology of labor

REFERENCES

[1] *Bourdieu P.* Fizicheskoye i sotsial'noye prostranstva [The Physical and Social Spaces]. *Bourdieu P.* Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva. M.; SPb.: Institut eksperimental'noy sotsiologii; Aleteyya, 2007.

[2] *Giddens A.* Ustroyeniye obshchestva. Ocherk teorii strukturatsii [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. M.: Akademicheskiy proekt, 2005.

[3] *Il'in V.I.* Fenomen polya: ot metafory k nauchnoy kategorii [The phenomenon of field: From the metaphor to the scientific category]. Rubezh (al'manakh sotsial'nykh issledovaniy). 2003. No 18.

[4] *Plyusnin Yu.M., Zausayeva Ya.D., Gidkevich N.N., Pozanenko A.A.* Otkhodniki [Seasonal Workers]. M.: Novyy Khronograf, 2013.

[5] *Stadnik A.T., Sharavina Y.V.* Vakhtovyy metod organizatsii sel'skokhozyaystvennogo proizvodstva [Fly-in and fly-out method of the organization of the agricultural production]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2011. Vol. 4. No 20.

[6] *Sztompka P.* Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy [Sociology of Social Change]. M.: Aspekt Press, 1996.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ (на примере экспертных опросов стран АТР)

Л.С. Рубан*
Институт социологии Российской академии наук
Москва, Россия

В статье на основе анализа экспертный опросов, выполненных в рамках международного проекта «Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком») на протяжении 10 лет (с 2005 по 2014 г.) и контрольных интервью в 2009 и 2015 гг. в форме лонгитюда (70% экспертов оставались прежними) дается комплексный анализ ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе в оценках экспертов высшего уровня и VIP-персон — лиц, принимающих решения, из 16-ти стран АТР: государства Брунея-Даруссалам, Вьетнама, Индии, Индонезии, Китайской Народной Республики, Республики Корея, Монголии, Мьянмы, Непала, Российской Федерации, Сингапура, США, Таиланда, Филиппин и Японии. Исследование носит не абстрактный характер, а предназначено для информационно-аналитического информирования соответствующих государственных органов Российской Федерации по развитию ситуации в АТР. Анализируется геополитическая расстановка сил и лидерство стран в регионе, экономическая и энергетическая ситуация, состояние безопасности, риски и угрозы, возможность военного конфликта. Основная цель проекта — показать возможные направления эффективного сотрудничества и согласования интересов различных стран региона.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, Северо-Восточная Азия, Юго-Восточная Азия, лонгитюд, контрольное интервью, международный экспертный опрос, субъективный фактор

Эффективное информационно-аналитическое обеспечение стратегического планирования деятельности государственных органов предъявляет к предоставляемой информации строгие требования: оперативность, достоверность, корректность, конфиденциальность. Когда данное обеспечение проводится в русле оптимизации международной деятельности, обязателен учет региональных и национальных характеристик зарубежных партнеров, выявление их отношения к нашей стране и ее деятельности в данных регионах, и в первую очередь, мнения лиц, принимающих решения. Особенно жесткие требования должны предъявляться к стратегиям, как основополагающим руководящим документам, и прогнозам, направляющим и корректирующим данные стратегии.

Следует отметить, что в настоящее время актуальным стало составление, как краткосрочных прогнозов, так и на длительную перспективу. В прогнозе, особенно

* © Л.С. Рубан, 2016.

долговременном, стараются учесть все статистические данные, накопленные на тот момент, объективные факторы и их влияние на ход развития событий предугадать возможные последствия, включая фактор внезапности, но очень часто упускается из виду субъективный фактор, то есть действия лиц, принимающих решения.

Чем обусловливаются эти решения? Они принимаются под воздействием субъективного восприятия облеченного властью лица, его жизненного опыта, уровня культуры, а следовательно, понимания возможных средств воздействия, сдержек и противовесов или их отсутствия, морально-этических норм и ограничений. Во многом они зависят от эмоционального состояния VIP-персоны. Как результат всего перечисленного может сложиться ситуация, когда скрупулезно взвешенный и продуманный прогноз и основанный на нем план действий разбиваются вдребезги, игнорируются или просто не учитываются лицом, принимающим решения. VIP может сказать: «Я вижу развитие дела по-другому» или «мне не нужны эти данные, я сам хорошо знаю и понимаю ситуацию» или «это все правильно, но я вынужден принять политическое решение, не взирая на экономические факторы и последствия, ведь ответственность за принятое решение нести мне, а это может стоить мне карьеры».

Если мы затрагиваем сферу межгосударственных отношений и взаимодействий, то здесь необходимо не только тонкое дипломатическое чутье и дар предвидения, но и знание, и учет мнения другой стороны, ее позиций, традиций, и, разумеется, объективных факторов, определяющих события.

Особый интерес в настоящий момент, но и особую сложность представляет изучение восточного направления внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности России.

Интерес к восточному направлению обусловлен тем, что Азиатско-Тихоокеанский регион — наиболее быстро развивающийся регион мира. Прогнозируется, что в 2020 г. более 50% мирового ВВП будет производиться в странах Восточной и Юго-Восточной Азии. На страны этого региона приходится значительная доля мирового потребления энергоресурсов, основными потребителями которых являются такие гиганты, как США, Китай и Россия.

Возникает вопрос: «Как исследовать субъективный фактор с учетом его восточной специфики?». В ходе нашего международного проекта «Диалоговое партнерство как фактор усиления стабильности и интеграции», созданного в конце 1998 г., с 2005 г. проводятся международные экспертные опросы. В качестве экспертов выступают специалисты высшей квалификации и VIP-персоны (лица, принимающие решения) из 16-ти стран: России, Китая, США, Японии, Брунея, Вьетнама, Индии, Индонезии, Республики Корея, Монголии, Малайзии, Мьянмы, Непала, Сингапура, Таиланда и Филиппин (государственные чиновники, ученые, политики, дипломаты, экономисты, бизнесмены, военные, журналисты, представители неправительственных организаций и др.), которые дают комплексную характеристику ситуации в АТР, исходя из учета развития своих стран, их совокупного потенциала, определяют уровень безопасности в АТР, риски и угрозы, возможность конфликтов, характеризуют иерархию стран (в плане лидерства) и международные организации региона (по эффективности их деятельности), указывают, каковы потребности в ресурсах и оптимальные маршруты их транспортировки, в том числе характеризуют восточное направление УВ-экспорта России.

Опросы, в первую очередь, направлены на поиск оптимальных направлений сотрудничества стран региона и нерегиональных держав, выявление эффективных методов и механизмов для развития этого сотрудничества и укрепления интеграции, проводятся в форме устных интервью (с открытыми вопросами) с использованием 70%-лонгитюда (то есть длительный период на одном и том же контингенте) в режиме non-stop мониторинга с 1 января по 31 декабря каждого года.

Если эксперт изменил свое мнение, то он может сообщить об этом.

В процессе обработки полученной информации составляются кодировочные словари и производится формализация открытых вопросов. Материал обсчитывается в программе SPSS, позволяющей кроме линейной выборки дать квотную выборку с прямыми и перекрестными связями, осуществить выполнение двойного и тройного, а также пространственного распределения. Результаты опросов дополняются статистическими данными и контент-анализом публикаций профильных СМИ и научной литературы.

Ниже представлены некоторые результаты опросов. Следует отметить, что, если в 2005 г. больше половины опрошенных экспертов (54%) оценивали ситуацию в АТР как нестабильную, то в 2014 г. такую оценку дали только 14%.

Эксперты, поясняя свои ответы, отмечали, что страны Азиатско-Тихоокеанского региона очень разные по уровню экономического развития, политического устройства, имеют разнообразный национальный и религиозный состав, а также много спорных вопросов по территориям и энергоресурсам. Как в той или иной степени стабильную, устойчивую в 2005 г. ситуацию оценивали менее половины опрошенных экспертов, а в 2014 г. — 64%, а именно:

— как стабильную, устойчивую — 42% в 2005 г. (в 2014 г. — 53%): «Ситуация в СВА стабильная, она близка к статус-кво: каждый из значимых игроков четко обозначил свои интересы и старается не выходить за эти границы. В АТР сейчас вопросы решаются путем переговоров. На Востоке страны умеют договариваться».

— как относительно стабильную, подвижную — таких ответов, характеризующих ситуацию в АТР, в 2005 г. не было получено (в 2014 г. — 11%). Эксперты указывали, что в регионе возможны локальные конфликты).

Таблица 1

Оценка ситуации в АТР

Ответы (в % по годам)*	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
1. Ситуация в АТР нестабильна, есть риски и угрозы, локальные конфликты	54	52	51	13	10	10	19	16	14	14
2. Ситуация в АТР сейчас стабильна	42	40	39	24	65	54	43	49	48	53
3. Ситуация в АТР сейчас относительно стабильна						18	26	12	14	11
4. Ситуация в СВА складывается не в пользу РФ. Россия сейчас слабее, чем СССР	35	35	36	22	10					
5. В АТР происходит усиление Китая, Японии и Республики Корея	28	28	30	28	24		30			
6. Китай стал/становится важнейшим игроком в АТР. Рост его экономики, политической и военной мощи будет во многом определять развитие региона	4	24	30	33	37	33	45	47	47	48
7. КНР и восстанавливающаяся РФ имеют большую силу в управлении ситуацией в СВА	4	24	21	21	6	3	16			

Окончание таблицы 1

Ответы (в % по годам)*	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
8. Экономика РФ растет, и Россия хочет использовать УВ-экспорт в СВА в своих интересах	4	12	12	23	4					
9. Борьба за доминирование идет между США и КНР	9	8	8	16	9	3	18			

Примечание: * Экспертами давалось несколько вариантов ответов на поставленный вопрос.

В таблице 1 четко фиксируется, что после обострения ситуации в Южно-Китайском море (ЮКМ) в 2011 г. увеличилось количество экспертов, оценивающих ситуацию как нестабильную (с 10% в 2010 г. до 19% в 2011 г.), и соответственно произошло снижение оценки ситуации как стабильной с 54% в 2010 г. до 43% в 2011 г. и увеличение оценки ситуации как относительно стабильной с 18% до 26% соответственно. В 2012 г. при постепенном внешнем сглаживании конфликта экспертная оценка ситуации как нестабильной снизилась с 19% до 16% в 2012 г. и до 14% в 2013—2014 гг.

Однако обострение в 2015 г. ситуации на Корейском полуострове имело следствием то, что при проведении контрольного интервью в октябре—ноябре 2015 г. на 4% выросло количество ответов экспертов, оценивающих ситуацию как нестабильную, и также на 4% выросло количество ответов о возможности военного конфликта в Азиатско-Тихоокеанском регионе (увеличение произошло за счет ответов американских военных экспертов).

При ответе на вопрос: «Какие страны являются лидерами в АТР?» экспертами в форме ранжирования производилось определение стран-лидеров региона по комплексной характеристике их потенциала (ответы представлены в табл. 2).

Было указано, что в Северо-Восточной Азии (СВА) и АТР в целом изменился стратегический расклад сил по сравнению с периодом жесткого противостояния США — СССР. Важнейшим треугольником в регионе раньше был США — Китай — СССР, теперь это: США — РФ — Китай, причем Россия сейчас играет ту роль, которую играл Китай в период противостояния США — СССР. Китай, по мнению экспертов, уже с 2006 г. сумел стать лидером в АТР.

Респонденты отмечали, что достаточно велико влияние США в регионе, но ряд российских специалистов высказал мнение, что «субъективно роль США снизилась, потому, что нет нужды «to exercise power».

В 2008 г. несколько спала напряженность вокруг северо-корейской ядерной проблемы, но она не ушла совсем, что и проявилось в последующие годы. В этой ситуации силовые линии легли по границам, то есть важнейшими стали соседские отношения. Стратегические вопросы приглушены, но не сняты. Идет накопление внутреннего потенциала противоречий, хотя поверхность вполне спокойна».

Как считают некоторые российские аналитики, в Юго-Восточной Азии (ЮВА) американское влияние сильнее, чем в Северо-Восточной (СВА), поскольку практически все страны ЮВА, кроме Вьетнама, полагаются на США как на гаранта внешнеполитической стабильности. Однако в 2009 г. мнение представителей Юго-

Восточной Азии, в частности бизнесменов из Малайзии, относительно ситуации в АТР и ЮВА было иное: «Лидер в настоящий момент — Китай, он сейчас является стабилизирующим фактором в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так как делает инвестиционные вложения, развивает экономику, среди стран АСЕАН ярко выраженных лидеров нет, все вровень».

С малайцами солидарны российские военные специалисты и ученые: «В Юго-Восточной Азии — большая тенденция к интеграции. Старание выжидать, не спешить, не выпячиваться характерны для Юго-Восточной Азии, и для ВАС, АСЕАН и других организаций. Роль Китая в АТР — не отстраняться от этих процессов, тем более что здесь у него сильные диаспоры. С Юго-Восточной Азией сближается Индия, которая стремится к интеграции в этот регион, поэтому возникает конкуренция и противоречия между КНР и Индией».

Проследим развитие геополитического процесса в АТР. По оценкам экспертов в 2005 г., Китай занимал догоняющую по отношению к США позицию, а роль России снизилась, так как она утратила позиции на Дальнем Востоке и в АТР, которые занимал СССР. Отмечались значительные внутренние трудности Российской Федерации, связанные со сложной социально-демографической ситуацией на российском Дальнем Востоке, где продолжается сокращение численности населения при активной миграции на Дальний Восток граждан из соседних регионов, и в первую очередь из КНР. Экспертные оценки уже в 2006—2007 гг. показали увеличение роли и значимости Китая, опередившего по совокупной характеристике в 2006 и 2007 г. (по сравнению с результатами опроса 2005 г.) США. Китай становится важнейшим игроком и трансформатором сил в Северо-Восточной Азии, и рост и увеличение экономики, политической мощи и военного потенциала Китая будет во многом определять развитие региона.

В 2008—2009 гг. 100% экспертов, 2010—2011 гг. — 90%, 2012—2013 гг. — 100% и 2014 г. — 93% оценивали Китай как лидера Азиатско-Тихоокеанского региона и отмечали, что очень многое связано с Китаем и влиянием, которое он оказывает. Это и рост ВВП, и колоссальный рынок, и приток инвестиций: «В Китае высокие инвестиционные возможности, высокие темпы развития и ВВП. КНР просто скупает акции иностранных компаний, часто платя наличными», — это оценка ситуации в АТР представителями японского банковского капитала.

Положение КНР за последнее время существенно изменилось: и хоть Китай зависит от экспорта, но мировая экономика, и в первую очередь американская, нуждается в китайских финансовых средствах, ведь КНР сконцентрировала колоссальные валютные резервы.

При характеристике лидеров в Азиатско-Тихоокеанском регионе эксперты указывали на увеличение роли Японии, которая, по их оценкам, в 2006 и 2007 г. (61% и 62%), опередила США и сохранила за собой второе место и в 2008—2011 гг. (51% и 41%). Землетрясение, цунами, а затем авария на АЭС «Фукусима-1» в марте 2011 г. поставили Японию в затруднительную ситуацию, но эксперты высказали мнение, что Япония сможет мобилизоваться и преодолеть эти трудности.

В то же время роль России в АТР стала меньше, чем роль КНР, Японии и США. В качестве лидеров (главных игроков) в АТР и Южной Азии в 2005—2014 гг. эксперты назвали страны (можно было дать несколько вариантов ответов), представленные в табл. 2.

Таблица 2

Важнейшие игроки в Северо-Восточной Азии (в %)

Ответы (в %)	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
США	1) 84	3) 56	3) 51	3) 47	3) 37	3) 34	3) 47	2—3) 31	2—3) 30	3) 41
Китай	2) 72	1) 86	1) 87	1) 100	1) 100	1) 90	1) 95	1) 96	1) 95	1) 93
Япония	3) 48	2) 61	2) 62	2) 51	2) 41	2) 37	2) 54	2—3) 31	2—3) 30	2) 43
Россия	4) 32	4) 42	4) 43	4) 38	4) 24	4) 25	4) 23	4) 18	4) 17	4) 15
Южная Корея	5) 28	5) 24	5) 24	5) 18	5) 15	5) 12	5) 19	5) 17	5) 16	5) 14

Ответы на вопрос «Какова роль России в Азиатско-Тихоокеанском регионе?» очень значимы, так как лица, принимающие решения в российском государстве по активизации внешней политики Российской Федерации в восточном направлении (ее внешнеэкономической и особенно энергетической составляющих), должны иметь полную и достоверную информацию, что называется «из первых уст», какой видится наша страна и ее внешнеполитические действия странам АТР, и особенно лицам, принимающим решения в этих странах, решения которых могут способствовать реализации российской Восточной стратегии или наоборот затруднить ее осуществление.

Исходя из ответов на этот вопрос, лица, принимающие решения в России, могут предпринимать соответствующие действия, чтобы улучшить имидж Российской Федерации на международной арене, расширить знания соседних государств Азиатско-Тихоокеанского региона о нашей стране, чтобы ее внешнеполитические шаги были понятны соседям и не вызывали у них страха или опасений. Кампания по улучшению имиджа России за рубежом невозможна без привлечения средств массовой информации (СМИ), поэтому в состав экспертов были введены ведущие журналисты из стран АТР, что позволяет учитывать их мнение по изучаемой проблеме.

В 2014 г. по сравнению с предыдущими опросами большая часть зарубежных экспертов (у большинства российских позиция не поменялась по сравнению с 2005 г.) считала, что за постсоветский период РФ утратила в регионе многие позиции, которые занимал СССР (вопрос «Какова роль России на Дальнем Востоке и в АТР?»). Некоторые были настроены пессимистично и указывали, что Российская Федерация не имеет долговременной стратегии в Северо-Восточной Азии и АТР и что у нее нет ни сил, ни средств, чтобы вернуть себе прежнее влияние в регионе, тем более что конкуренция со стороны сопредельных и нерегиональных государств очень высока. Другие считали, что есть шанс изменить ситуацию за счет энергетических проектов.

Китайские эксперты в 2009—2014 гг. указывали, что усиление российских геополитических позиций возможно при стратегическом партнерстве с Китаем, и давали следующую характеристику Российской Федерации: «Россия крупнейшая страна с колоссальным потенциалом и природными, а также военными ресурсами, хотя значительно меньшими, чем были у СССР».

В 2005 г. — 38%, в 2010 г. — 19% экспертов и в 2014 г. — 7% отмечали, что Россия может быть сильным партнером только в качестве балансера для стабилизации развития региона, как для поддержания мира и предотвращения военных конфликтов, так и для обеспечения энергетической безопасности и экономического сотрудничества. То есть ее потенциала недостаточно для единоличных действий, сила будет только в альянсе, и здесь все зависит от того, насколько правильно и рационально будет построен альянс и выбраны партнеры.

Так как в военном и экономическом отношении Россия утратила позиции и силу СССР, то она должна это компенсировать разумной дипломатией и своевременными адекватными тактическими ходами при четкой и взвешенной стратегии. Внешняя политика России должна быть прагматичной, направленной на осуществление ее собственных интересов, менее идеологизированной и политизированной. Эксперты указывали, что российские минеральные и энергетические ресурсы, экономический потенциал и огромный рынок являются позитивным фактором для развития региона.

Итак, относительно роли России в АТР разброс мнений экспертов был велик на протяжении всего периода опросов:

— 38% в 2005 г. и 7% в 2014 г. — отмечали, что Россия может быть сильным партнером только в качестве балансера, то есть в коалиции с другими державами;

— 36% в 2005 г. и 68% в 2014 г. — указывали, что РФ утратила в регионе позиции, которые занимал СССР, сейчас у нее в АТР гораздо меньший потенциал;

— 4% в 2005 г. — оценивали Россию как игрока средней руки, менее важного, чем США, Китай и Япония, но более важного, чем Южная Корея, указывая, что сила России может быть в коалиции с КНР. В 2014 г. таких ответов эксперты не дали.

Две крайние позиции набрали в 2014 г. наименьшее количество голосов — по 1%: по 1% в 2014 г. определяли Россию как великую державу (это мнение вьетнамских, китайских и монгольских коллег); 1% в 2014 г. — охарактеризовал роль Российской Федерации в Азиатско-Тихоокеанском регионе как маленькую, если не сказать мизерную.

В 2014 г. российские эксперты отмечали, что сейчас Россия — региональная сила в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это большой плюс к глобальной силе. Мы можем предложить другим странам научные технологии высокого уровня, кроме углеводородов, осуществить экспорт продукции агропромышленного комплекса. Постепенно соотношение сил в регионе начинает выравниваться, но в Азиатско-Тихоокеанском регионе в настоящий момент мы имеем большую проблему — низкий уровень знания и понимания России и информированности о событиях в нашей стране. Мы фактически начинаем все с чистого листа. Зарубежные эксперты в 2014 г. указывали, что кризис на Украине и освещение западной прес-

сой этих событий ухудшили имидж Российской Федерации на международной арене, в том числе негативную роль сыграла трагедия с малазийским Боингом.

Эксперты из Республики Корея в 2014 г. также подчеркивали, что при освещении украинской проблемы российские средства массовой информации проигрывают информационную борьбу, так как для населения Азиатско-Тихоокеанского региона их информация из-за языкового барьера недоступна, и освещение событий они получают из западной прессы. В частности, присоединение Крыма выглядит при этом следующим образом: большая и сильная страна—Россия захватила у небольшой и слабой страны—Украины Крым. У населения в АТР формируется соответствующее такой подаче материала негативное отношение к Российской Федерации, так как в Азии не знают российской истории и ее перипетий и не будут вникать в тонкости советского и постсоветского развития на территории стран бывшего СССР. Общее же мнение экспертов было образно выражено в характеристике действий России, сделанной на Московском урбанистическом форуме в декабре 2014 г.: «Вы идете на огромной скорости на своем корабле и одновременно его достраиваете».

Эксперты заостряли внимание на том, что для проведения эффективной внешней политики, особенно при решении территориальных споров, нужно подходить к данному вопросу трезво и незаидеологизированно, и не только с позиции уступок. Сложность заключается в том, что часто лица, ведущие переговоры и принимающие важные решения, путают уступку с компромиссом и, делая уступку, напрасно ожидают получить что-то взамен. Только компромисс предполагает получение одного взамен другого. Уступка — это отдача чего-либо безвозмездно, она не предполагает получение чего-либо взамен. Уступки делают для демонстрации доброй воли, формирования позитивного общественного мнения. Уступку может сделать сильная сторона, чтобы продемонстрировать свои добрые намерения, или слабая сторона, понимая, что, не сделай она уступку, все равно отберут спорный объект. И здесь очень важно не ошибиться с самооценкой и дать адекватную оценку ситуации, чтобы отстаивать свои интересы [1. С. 173].

Ведущим переговоры всегда необходимо помнить о национальных интересах своей страны и не бояться сказать «нет», когда предлагаемые условия невыгодны или даже опасны для национальных интересов. Никогда нельзя недооценивать или переоценивать другую сторону.

Наши азиатские партнеры (это касается и Японии, и КНР, и Южной Кореи) всегда ведут переговоры с жесткой позиции своих национальных интересов, которыми они никогда не поступятся. Этой настойчивости в отстаивании своих национальных интересов России еще предстоит у них поучиться.

При этом никогда нельзя забывать о специфике наших азиатских партнеров и приписывать им свои черты, ждать от них поступков и предложений согласно нашей логике. Они другие: у них другая история, культура, традиции, другое восприятие. И логика у них другая.

Для них логично и справедливо то, что служит реализации их интересов. Нельзя навязывать им европейское восприятие и европейские стандарты, которые

им чужды. Они признают только сильных партнеров без малейшей слабины и будут вырывать уступку за уступкой, возвращаясь за уступками вновь и вновь. Только сильный партнер будет рассматриваться ими как равный, и то, пока он имеет или провозглашает эту силу. Когда ситуация изменится, их не сдержат ни международные правовые документы, ни подзаконные соглашения, как говорится, по умолчанию, они готовы истолковать любой документ к своей выгоде, легко пересматривают и меняют партнеров и коалиции. В основе их действий лежит прагматизм [1. С. 174].

Говоря о рисках и угрозах, дестабилизирующих ситуацию в АТР, эксперты называли следующие (табл. 3)

Таблица 3

Риски и угрозы безопасности на Дальнем Востоке и в АТР

Ответы (в %)	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
1. Ядерное оружие Северной Кореи	54	64	73	31	37	33	50	46	39	38
2. Борьба за энергоресурсы и территории, ими обладающие	13	40	51	62	29	33	46	54	60	62
3. Техногенные катастрофы	—	—	—	—	—	—	26	26	28	30
4. Природные катаклизмы (цунами, землетрясения, наводнения и др.)	—	—	—	—	—	—	26	26	27	27
5. Тайваньская проблема	30	40	54	18	17	10	18	12	6	3
5. Тайвань уже не риск	—	—	—	—	—	—	—	10	12	16
6. Противоречия и конкуренция между США и КНР в АТР	—	—	—	16	11	—	16	8	3	3
7. Несанкционированная миграция из Китая в Россию	26	28	36	22	16	12	9	8	9	10
8. Милитаризация Китая	13	36	30	9	8	10	5	13	15	19
9. Возможный социально-экономический кризис в КНР, если замедлятся темпы его развития	2	—	—	—	8	—	5	7	8	8
10. Последствия изменения климата	—	—	—	—	—	6	5	5	6	6
10. Загрязнение окружающей среды	13	13	15	20	4	6	5	8	9	9
11. Деградация российского ДВ	8	24	38	22	17	3	3			
12. Угроза сепаратизма, этнические и религиозные конфликты	—	—	—	—	7	—	3	4	4	7
13. Международная организованная преступность: наркотрафик, пиратство	22	8	12	12	6	6	2	6	6	7
14. Инфекционные заболевания	9	4	9	4	5	3	2	—	—	—
15. Милитаризация Японии	13	12	9	9	6	3	—	—	—	—
16. Проблема Южных Курил	4	18	18	7	4	3	—	—	—	—

В качестве одного из примеров обострения ситуации в связи усилением конкуренции за энергоресурсы и территории, ими обладающие, эксперты приводили обострение ситуации в Южно-Китайском море относительно принадлежности Парасельских островов и Спратли, где спор ведется между КНР, Вьетнамом, Малайзией, Филиппинами, Брунеем и Тайванем.

Относительно КНР эксперты подчеркивают, что очень многое на Китае замкнуто (и экономика: темпы развития, ВВП, потребление энергетических ресурсов

и экология, и политика, и миграция) — все вращается вокруг Китая, и в случае коллапса — очень многое рухнет. «Сейчас лидер Китай, но он же, — отмечало в 2014 г. 30%, в 2010 г. — 32% экспертов, — и потенциальная угроза», ведь если не остановить обезлюдение Сибири и российского Дальнего Востока, то «...через несколько десятков лет они станут китайскими, но китайцы не станут воевать, они просто придут и возьмут их...».

Другая проблема, которую отмечают эксперты-дальневосточники, — «уход территорий на границе с Китаем (остров Большой Уссурийский). Сейчас военный потенциал достаточен для обеспечения безопасности, но граница изменилась, она вплотную придвинулась к нашим городам, к Хабаровску, например, так близко, как еще никогда не было (Хабаровск — речка — Китай). И тут сложность еще в том, что нет реальной стратегии развития региона. Вот отдали остров Большой Уссурийский. Китайцы готовы на нем построить что угодно, хоть город больше Хабаровска, но у наших нет планов на этот счет, нет стратегии».

Многие эксперты опасались, что Россия может стать сырьевым придатком Китая, способствуя развитию его промышленности, ведь долгосрочный договор о сотрудничестве между странами на период до 2018 г. предусматривает поставки в КНР каменного и бурого угля, железа, золота, марганца, молибдена, дерева и т.д. Кроме того, по мнению ряда экспертов, бурная экономическая (промышленная) деятельность Китая без соблюдения должной технологической безопасности приводит к экологическим катастрофам и часто несет экологическую угрозу.

В 2009 г. 7% экспертов обозначили в качестве угроз этнические и религиозные конфликты и сепаратизм. Это актуально для КНР, где проживают 56 национальностей, из них этнические китайцы (хань и ханьцы) составляют 91,6% населения. Уйгуры — одно из крупнейших национальных меньшинств, компактно живут в Синьцзян-Уйгурском автономном районе — около 10 млн человек. В июле 2009 г. на северо-западе Китая, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в г. Урумчи и других городах в ходе массовых беспорядков погибло около 160 человек, а свыше 800 получили ранения. Поводом стало столкновение на национальной почве на одном из заводов в Шаогуань.

В середине марта 2008 г. в Лхасе, столице Тибетского автономного района КНР, прошли демонстрации, погромы и поджоги. В российской прессе было высказано мнение, что «тибетский миф» был использован, чтобы дискредитировать и бойкотировать Олимпийские игры в Пекине в 2008 г.

Природные и техногенные катаклизмы в Японии в 2011 г. вызвали озабоченность мирового сообщества проблемой обеспечения безопасности деятельности АЭС и актуализировали необходимость создания системы действенных мер по оказанию помощи населению в условиях катастроф. Угрозы природных и техногенных катастроф вновь, как и в 2004 г. (в ходе пилотажного опроса после декабрьского цунами в 2004 г. в АТР), в 2014 г. были выделены экспертами.

Также экспертами рассматривались угрозы: терроризм, торговля оружием и наркотиками, незаконная миграция, организованная трансграничная преступность, браконьерство и контрабанда. В таблице 4 представлены мнения экспертов о возможности возникновения военного конфликта на Дальнем Востоке и в АТР. Следует отметить, что в течение всего периода опросов с 2005 до 2014 г. постепен-

но снижалась однозначная характеристика возможности и росло мнение о невозможности военного конфликта в Северо-Восточной Азии, а также возрастало промежуточное мнение о том, что военный конфликт в регионе сегодня маловероятен, но ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе может измениться, что свидетельствовало о значительной доле неопределенности и нестабильности в регионе.

Таблица 4

Возможен ли военный конфликт на Дальнем Востоке и в АТР?

Ответы (в % по годам)	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
1 группа — Нет, в настоящий момент военный конфликт в АТР невозможен. Ситуация стабильна	42	40	39	58	67	68	60	74	72	70
2 группа: Да, военный конфликт в регионе возможен, а именно:	54	52	51	22	16	3	10	13	13	10
Китай — Тайвань	26	24	31	—	—	—	—	—	—	—
Вокруг ядерного оружия КНДР	22	20	31	—	—	—	10	—	—	—
Конкуренция за энергоресурсы	22	28	31	—	—	—	10	—	—	—
Между КНР и РФ		8	14	—	—	—	—	—	—	—
Промежуточное мнение: сейчас военный конфликт в АТР маловероятен, но ситуация может измениться, так как есть риски и угрозы	4	8	10	17	16	20	30	13	15	19

За весь период опросов возможная причина военного конфликта с ядерным оружием КНДР связывалась со сменой ее руководства и непредсказуемостью политики этой страны; борьбой за энергоресурсы и территории, обладающими ими, и др. Обострение ситуации на Корейском полуострове в 2015 г. и мире в целом вызвало повышение на 4% количества ответов экспертов, что было зафиксировано при проведении контрольного интервью в октябре—ноябре 2015 г., указавших на возможность военного конфликта в регионе, и соответственно снизилось на 4% количество ответов экспертов, отрицавших возможность военного конфликта в АТР (увеличение произошло за счет ответов американских военных экспертов).

Особое внимание заострялось на том, что Россия может сыграть роль стабилизирующего фактора в области экономики, энергетики, безопасности (в поддержании мира, борьбе с международной преступностью и предотвращении военных конфликтов) на Дальнем Востоке и в АТР. То, что наша страна сможет сыграть роль балансера между США и КНР, отметили только 4%.

Мнение экспертов об эффективных направлениях сотрудничества в энергетической сфере было единогласно на протяжении всего периода опросов: для России эффективен экспорт нефти и газа в Северо-Восточную Азию: в КНР, Республику Корея, Японию, возможно в Индию (ТАПИ), но тут встает вопрос Афганистана.

Эксперты из Юго-Восточной Азии подчеркивали, что, так как у них есть свои нефть и газ, оптимальные направления для сотрудничества с Россией — это совместная разведка и разработка месторождений, развитие транспортных коммуникаций, переработка. Они отмечали, что у Российской Федерации высокие ядерные технологии и (по атомным электростанциям) они самые лучшие и передовые в мире, и высказывали заинтересованность сотрудничать с Россией и в этой сфере.

Российские эксперты указывали, что в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке целесообразно создание единого нефтегазового комплекса, включающего систему добычи, переработки, химии, транспорта и хранения нефти, продуктов нефте- и газохимии, включая гелий, а при поставках на экспорт сырой нефти и энергетического газа заключать связанные договоры, предполагающие обеспечение доступа российских компаний к объектам транспортировки, переработки и сбыта на территории стран-реципиентов.

Все эксперты высказали единогласное мнение, что развитие экономической интеграции стран региона будет способствовать решению одной из важнейших проблем — обеспечения ресурсной и энергетической безопасности для устойчивого развития АТР. И здесь их мнения едины: сотрудничество в энергетической сфере — это основа интеграции, процветания и безопасности региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] Комплексная характеристика ситуации в АТР (по результатам международных экспертных опросов в 2005—2014 гг.) / Под ред. Л.С. Рубан. М.: Academia, 2016.

INFORMATIONAL AND ANALITICAL SUPPORT OF THE STATE BODIES ACTIVITIES (on the example of expert surveys in APR countries)

L.S. Ruban

Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Based on the expert surveys conducted within the international project "Dialogue Partnership as a Factor of Stability and Integration" ("Bridge between East and West") over ten years (2005—2014) and control interviews conducted in 2009 and 2015 in the longitude format (70% of experts were the same) the author provides a comprehensive analysis of the situation in the Asia-Pacific region with the help of highly qualified experts and VIP-persons — decision-makers from 16 Asian-Pacific countries: Brunei-Darussalam, Vietnam, India, Indonesia, the People's Republic of China, Republic of Korea, Mongolia, Myanmar, Nepal, the Russian Federation, Singapore, USA, Thailand, the Philippines and Japan. This study is not abstract or theoretical; it is a tool for informational and analytical support of the relevant state bodies of the Russian Federation responsible for the development of the situation in the Asia-Pacific region. The author analyzes the geopolitical balance of power and leadership in the region, its economic and energy situation, the level of security, risks and threats, the possibility of a military conflict so as to identify possible ways for the effective cooperation and coordination of interests of various countries in the region.

Key words: Asia-Pacific Region; North-East Asia; South-East Asia; longitude research; control interview; international expert survey; subjective factor

REFERENCES

[1] The Comprehensive Characterization of the Situation in APR (Results of the International Experts Polling from 2005 till 2014) / Ed. by L.S. Ruban. M.: Academia, 2016.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ ГОТОВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ К ВНЕДРЕНИЮ ИННОВАЦИЙ

А.В. Неверов, А.С. Дудник*

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

В настоящее время российские организации столкнулись с необходимостью создания инновационных продуктов и наукоемких технологий, а также реализации управленческих нововведений. Значение изменений для социальной системы трудно переоценить, но сегодня для России инновационное развитие из просто важного социально-экономического вопроса стало проблемой первостепенной важности, нуждающейся в как можно более скором решении. Это связано с воздействием ряда факторов: во-первых, влияние санкций показало высокую потребность в автономной разработке многих видов технологий и техники; во-вторых, создание и внедрение инноваций необходимо для модернизации отечественной экономики и повышения эффективности российских компаний; в-третьих, без постоянного совершенствования науки и образования (что невозможно без инноваций) происходит социальная и культурная стагнация государства; в-четвертых, общемировая тенденция совершенствования производства определяет возникновение новых форматов экономического взаимодействия, в которых доминирующую роль играют наукоемкие, инновационные и конвергирующие технологии; в-пятых, одной из приоритетных задач страны на ближайшие годы выступает наращивание высокотехнологического потенциала и выход на ведущие международные рынки инноваций. Поэтому многим российским компаниям в ближайшее время придется более активно внедрять инновации в свою производственную деятельность. Успешность внедрения инноваций во многом зависит от того, насколько организация к ним готова, и особенно важна оценка готовности социальной среды организации к внедрению инновации, так как социальные аспекты комплексно влияют на управление инновациями. Чтобы оценить готовность социальной среды организации к внедрению инноваций, требуются методические подходы к ее изучению в рамках инновационного управления. В статье представлен обзор концептуальных подходов к управлению инновациями и предложена методика оценки готовности социальной среды организации к внедрению инноваций.

Ключевые слова: инновационное управление организацией; социальное управление; социальное самочувствие сотрудников; социальные аспекты инновационного управления; социальное развитие; оценка организационной среды

Современная экономика характеризуется нестабильностью и кризисными процессами, и для устойчивого развития социально-экономической системы требуется постоянное обновление имеющихся технологий, продуктов и способов производства, так как именно в непростых условиях возрастает потребность в создании и внедрении инноваций. В связи с этим необходимы научные разработки, касающиеся вопросов инновационного управления и развития.

Так как сама по себе тема инноватики широко представлена в различных направлениях научного знания, термин «инновация» может иметь разные трактовки. В статье под инновацией имеется в виду процесс и результат внедрения новшества с целью изменения объекта управления и получения экономического, социального, научно-технического или другого эффекта. «Управление инновация-

* © А.В. Неверов, А.С. Дудник, 2016.

ми» — процесс внедрения новшества, а также реализация нового продукта или услуги. «Инновационное управление» представляет собой направление управленческой деятельности, целью которого выступает создание и внедрение инноваций. «Инновационный процесс» — полная последовательность действий по созданию инновации, начинающаяся с зарождения идеи и заканчивающаяся ее реализацией. В менеджменте под «инновационным процессом» понимается вся цепочка действий от разработки идеи инновации до получения прибыли от ее реализации.

Несмотря на явный негативный тренд экономического развития нескольких последних лет, общее количество российских организаций, осуществляющих инновации, за предыдущее десятилетие выросло более чем в два раза. При этом Российская Федерация до сих пор имеет невысокие показатели в Международном рейтинге инновационной активности (1).

Особенно низкими являются позиции российских организаций в сфере организационных и маркетинговых инноваций. Также позиции России недостаточно конкурентны в сфере технологических инноваций, хотя размеры инвестиций в технологические инновации в стране в условном соотношении сопоставимы с инвестициями в странах с высокой инновационной активностью (1).

При этом имеется не так много описаний конкретных методик внедрения инноваций и практических рекомендаций в сфере инновационного управления организацией, поэтому основной задачей статьи выступает разработка рекомендаций по оценке социальной среды организации на предмет ее готовности к внедрению инноваций. Так как методические рекомендации невозможны без комплексного анализа концептуальных основ инновационного управления, в начале работы рассмотрены особенности научного понимания инновационного процесса в исторической ретроспективе.

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ИННОВАЦИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Проблема поиска и внедрения в жизнедеятельность общества нововведений стала предметом интереса с древнейших времен. Существует распространенное мнение, что Гераклит [34] был автором фразы «все течет, все меняется», тем самым подчеркнув неизбежность изменений и нововведений. Платон видел логическое завершения процесса развития материального мира и его превращение в некое подобие идеала, что отражено в его работе «Государство» [28]. Сенека, будучи сторонником «телесности» и «материалистичности» всего происходящего, допускал безграничное развитие человеческого знания [29] и, как следствие, постоянное социальное и техническое развитие.

Не останавливаясь подробно на особенностях понимания античной философией принципов изменений и нововведений, можно отметить, что, несмотря на некоторую идеализацию, данный процесс понимался как естественный и, главное, управляемый. Из чего следует, что, зная закономерности процесса изменений чего бы то ни было, всегда сохраняется возможность эффективного управления новаторством.

С развитием христианства античная философия стала утрачивать свое значение, ее место заняла схоластика — философия средневековья, основу которой составляет синтез догматов теологии и рационалисткой философии. Идея А. Аврелия [44], разделяющая все сущее на Бога (априори благостное), человека и природу (априори греховны), была определяющей на протяжении 800 лет и была дополнена возможностью проявления «естественного» только в трудах Ф. Аквинского [2].

Схоластика предполагает, что сам по себе человек не может быть создателем чего-то совершенно нового, а любое изобретение является результатом божественной воли, дающей людям возможность приобрести новые знания и технологии. Поэтому религия, выраженная в догматике схоластического знания, иногда воспринимается как сдерживающий фактор нововведений и новаторства в Средневековой Европе.

Во времена доминирования схоластического учения технический и технологический потенциал Европы был заметно снижен, некоторые фундаментальные изобретения (например, порох) стали доступны Европе позже, чем народам восточных стран, хотя Европа имела относительно плотный уровень населения, возможности эффективной логистики, благоприятный климат, доступ к ресурсам, унаследованную интеллектуальную базу и т.д. Из этого можно сделать вывод, что социокультурная среда, отраженная в совокупности обычаев, традиций, мнений и представлений, проявляющаяся в идеологии и общественных настроениях, оказывает огромное влияние на процесс создания инноваций.

Начало Эпохи Возрождения знаменуется снижением влияние схоластики и теологии на философскую мысль. Во времена наивысшего расцвета Ренессанса появляются такие произведения, как «Государь» Н. Макиавелли [37], «Утопия» Т. Мора [23] и др., описывающие возможность проактивного воздействия человека и общества на формирование своей жизненной среды, что предполагает не только возможность, но и необходимость нововведений.

Своего рода мостом от Ренессанса к Новому времени и современной модели науки стала эпоха Просвещения, позволившая легитимировать материальное и естественное понимание мира (что отражено, например, в трактате «Рассуждение о методе» Р. Декарта [7], материализме Т. Гоббса [6], эмпиризме Дж. Локка [19] и др.). Одним из наиболее знаковых явлений европейской науки конца XVII — начала XVIII столетия стало создание классической физики и механики И. Ньютоном, на основе которой появилась возможность описания закономерностей физических свойств твердого тела. Диалектика Г. Гегеля [4], описывающая перманентное движение и развитие мира, охарактеризовала процесс изменений в рамках закона «перехода количества в качество», что также подразумевает возможности целенаправленного управления развитием. Идеи естества мира и возможности его полноценного изучения дали новые возможности для философии в рамках эпистемологии и логики (И. Кант [12]), а также открыли новые горизонты для развития социально-гуманитарного знания путем применения в нем естественно-научного подхода (А. де Сен-Симон [33], О. Конт [16] и др.).

Получившая распространение во второй половине XIX в. теория эволюции объяснила принцип формирования биологических изменений — конкуренция

и нестабильность окружающей среды, в то время как учение К. Маркса [20] дало возможность понять причины общественного развития. Идея о том, что развитие человечества имеет цикличность и зависит от конкретных экономических и социальных факторов, дает возможность проектировать изменения и управлять нововведениями.

Смена религиозного, схоластического мировоззрения научным породила потребность в постоянном поиске возможностей развития, что, в свою очередь, предполагает перманентный запрос на нововведения и изменения. И если до конца восемнадцатого столетия потребность в постоянном новаторстве имела место в научном знании, то с развитием рыночной экономики в XIX в. поступательные нововведения стали необходимы и в производственной деятельности. На этом временном отрезке можно найти первые предпосылки структурированной системы управления нововведениями, получившем спустя столетие наименование «инновационный менеджмент».

Двадцатый век стал временем прорывных достижений для большинства научных направлений, во многом это было заслугой ряда инноваций в различных областях человеческой жизнедеятельности. В работе «Структура научных революций» [17] Т. Кун описал процесс развития научного знания в форме скачкообразности и невозможности создания чего-то принципиально нового в рамках определенной парадигмы, что также подразумевает влияние социальных, экономических и прочих факторов на процесс научного и инновационного развития общества.

Постнеклассическая рациональность, формирование которой приходится на вторую половину XX столетия, предполагает не только различные формы взаимосвязи субъект-объектных отношений в рамках познания, но и описывает возможность создания новой реальности в процессе изучения мира. При этом субъект всегда действует в рамках собственного научного понимания объекта, поэтому возникает эффект, названный М. Хайдеггером «первенство метода над сущим» [40. С. 95], который означает желание исследователя описать мир в контексте имеющейся у него картины мира. Как отмечал П. Фейерабенд, «и наука, и миф надстраивают над здравым смыслом теоретическую систему» [39. С. 429], что, с одной стороны, сужает возможности полноценного изучения субъектом объекта исследования, но, с другой, допускает одновременное существование нескольких «истин» или переход идеи из одного состояния в другое. Например, забытая инновация, внедренная еще раз спустя пятьдесят лет, не является чем-то совершенно новым для мира в целом, но для объекта, на который она направлена (или для субъекта, который ее придумал), возымеет такое же воздействие, как если бы ее не существовало полстолетия назад.

Развитие рыночной экономики и предпринимательства в двадцатом столетии стало причиной увеличения спроса на инновации в сфере бизнеса. Во многом именно крупные корпорации стали основными инвесторами в научные разработки, позволяющие улучшить потребительские качества продуктов и услуг. В рамках менеджмента (как основной модели, принятой в корпоративном управлении в ры-

ночной экономике) в 1960-е гг. активно развивается «инновационный менеджмент», первоочередной целью которого выступает коммерциализация инноваций. Фундаментальные основы менеджмента во многом построены на экономическом и социологическом знании. Чтобы обеспечить эффективное внедрение инноваций в рамках организационного менеджмента, требуется охарактеризовать понимание инновационного процесса и управления инновациями с позиций экономической и социологической науки.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

На протяжении длительного времени инновации оставались проблемной областью экономической теории, где традиционно трактовались в контексте цикличности. Например, в теории циклического развития экономики Н.Д. Кондратьева (1920-е гг.) (также известна под названием «циклы Кондратьева» [15]) отмечается, что перед началом повышательной волны каждого цикла наблюдаются значительные изменения в основных условиях хозяйственной жизни. Й.А. Шумпетер [43] выявил эффект диффузии инноваций — закономерность распространения новшества в разных экономических отраслях. К циклическим теориям инновационного развития также можно отнести работы М. Калецки [46].

В конце XX столетия широкое распространение получают исследования, связанные с изучением особенностей национальных подходов к инновациям.

Б. Лундвалл [47], изучая особенности поведения и взаимоотношения между производителями и потребителями новых технологий в Европе, определил, что, несмотря на глобализацию, производство инновационных продуктов все еще имеет национальный характер и обычно реализуется в рамках одного государства (хотя в настоящее время эта тенденция идет на спад).

Исследовав особенности национальных институциональных систем с точки зрения их эффективности для инновационного процесса, К. Фримен [45] выделил высокое влияние обычаев, поведения, стереотипов, мышления и традиций населения на особенности создания нововведений.

Р. Нельсон и С. Уинтер [48] отмечали, что механизмы свободного рынка лучше подходят для создания инноваций, чем административно-плановая система. С точки зрения Д. Норта [26], именно конкуренция вынуждает осуществлять инвестиционную поддержку инноваций. Но при этом Б. Санто [32] утверждает, что инновационное управление не является чем-то специфичным для рыночной экономики и может быть реализовано практически в любой социально-экономической системе.

С.Ю. Глазьев [5] выделяет следующие факторы, влияющие на диффузию инноваций: очевидность преимущества нового решения; совместимость со сложившейся практикой хозяйствования, техникой и технологиями; сложность новшества; опыт внедрения. Диффузия инновации имеет принципиальное значение для инновационного управления, но при этом все факторы диффузии подчинены специфике социальной системы, в которой реализуется инновация. Поэтому законо-

мерности, связанные с особенностями общественных взаимоотношений инновационного управления, изучающиеся в рамках социологии, являются определяющими для инновационного управления.

Попытки проанализировать девиантное поведение с точки зрения его влияния на социальные преобразования (изменения) можно отметить еще в трудах Э. Дюркгейма [9]: так, преступность иногда может выступать как форма «предчувствия морали будущего», и без выхода за рамки нормативного поведения невозможно совершить инновационные и изменяющие действия. Поэтому наличие в социальном пространстве девиации и некоторого отклонения от общепризнанных норм и правил является позитивным фактором для формирования инновационного климата в обществе.

Развитие идеи о том, что девиация может выступать социальным фактором изменений и инноваций, была отражено в работах Р. Мертона [21]. Им были выделены четыре типа отклоняющегося поведения: мятеж (изменение общих целей); ретритизм (бегство или отказ от принятия общих целей); ритуализм (отрицание общих целей, но приятие норм поведения); инновация (согласие с общими целями, но отрицание общепринятых способов их достижения).

Считается, что творчество иногда выступает позитивным элементом девиантного поведения [31], так как любая деятельность, которая не ограничивается повторением известного, порождает что-то новое и предполагает выход за устоявшиеся нормы поведения. Поэтому организации, желающие найти таланты и стремящиеся к инновационному развитию (2), должны быть готовы к нестандартному поведению сотрудников, им следует заранее подумать о построении гибкой системы управления (в качестве примера можно привести модель управления Vodafone (3) [10], IBM, Valve Corporation и др.).

Т. Парсонс [27] выделил напряженность внутри элементов социальной структуры и нарушение процессов ее взаимодействия с внешней средой как две основные причины изменений. По его мнению, процесс развития является эволюционным, но не означает, что эволюция должна быть простой и линейной.

Модель современной личности подразумевает, что человек постиндустриального «общества знаний» должен быть открыт инновациям, готов принять различные мнения, ориентирован на настоящее и будущее (отрыв от традиций), уверен в способности современного знания преодолевать трудности, понимать высокую ценность знаний и образования [13; 14]. На основе данной модели П. Штомпка [42] кладет в основу процесса инноваций и изменений возможности человека, определяет всю историю развития как «продукт человечества».

Особенности воздействия вузов на повышение инновационной активности отмечается в работах Ф.Э. Шереги [41]. Большой вклад в изучение инноваций внес И.В. Бестужев-Лада, сформировавший алгоритм «социального нововведения», включающий в себя: информационный этап — сбор сведений для разработки нововведения; проблемно-целевой этап — формулировка конкретной цели; генерационный этап — создание модели нововведения; ревизионный этап — научная проверка возможности создания и потенциала внедрения инновации; реализационный этап — создание и внедрение нововведения [3].

Для социологического подхода к инновационному процессу характерны следующие черты, свойственные пониманию нововведений в социальных системах.

1. Инновационная деятельность обычно выступает в форме отклонения от нормы. При этом девиация должна быть выражена не только как своеобразие поведенческих или ценностных установок, сопротивление или отказ от принятых в обществе нормативов, а в формате деятельности, направленной изменение и развитие.

2. Инновационная деятельность обычно сталкивается с сопротивлением, причиной которого может быть конкуренция с устоявшимися традициями.

3. Не следует применять жестких мер по переходу к инновациям путем административной отмены традиций. Во-первых, сопротивление инновационному процессу является естественным социальным фильтром для новшеств, во-вторых, административное регулирование поведения в рамках отказа от традиций может привести к их маскировке, а не к отмене.

4. Инновации развиваются циклично, при этом каждый цикл подразумевает внутреннюю эволюцию (называемую в экономике «инновационный поток»), в рамках которого новшество развивается до момента завершения цикла. В момент смены цикла обычно происходит скачок, в то время как эволюция, как правило, развивается относительно спокойными темпами.

5. Важным аспектом инновационного развития является социальная диффузия инноваций, поэтому для понимания инновационного потенциала общества требуется многофакторный анализ социальной среды на предмет ее готовности к нововведениям, включающий оценку социального капитала, человеческого капитала, культурных особенностей, социальных представлений, социального самочувствия и т.д.

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ ГОТОВНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ ОРГАНИЗАЦИИ К ВНЕДРЕНИЮ ИННОВАЦИЙ

В современной экономике значительная часть инновационных и наукоемких технологий создается и внедряется на уровне организационного управления. Это означает, что для менеджмента организации вопросы управления инновациями постоянно актуальны. После того как в организации появляется потребность во внедрении инновации и формируется инновационный проект, перед системой организационного управления возникает потребность в оценке готовности организации к инновации. При этом речь может идти о начале производства нового продукта/услуги; об инновациях в технике производства или внедрении новой технологии; о внедрении инноваций в менеджменте.

Иногда начало производства нового продукта обуславливает инновации в технико-технологических аспектах, а также в системе менеджмента организации. После этого следует провести оценку готовности организации к внедрению инновации с точки зрения причинных (или фундаментальных) переменных, которые включают в себя следующие компоненты: оценка внешней среды организации; оценка миссии организации; оценка цели/задач и стратегии организации;

оценка организационной структуры; оценка стиля руководства и лидерства и др. Далее должна идти оценка промежуточных переменных, включающая оценку культуры организации; оценку ресурсов (финансовых, технических, технологических, административных, политических, маркетинговых, социальных, человеческих и др.). На завершающем этапе оценивается потенциал инновации (т.е. какими могут быть итоги ее внедрения) — результирующие переменные: оценка возможного изменения доли рынка; оценка возможного изменения прибыли; оценка возможного улучшения свойств или качества продукта; потенциал возможного изменения мнения потребителей и др.

Оценку готовности организации к внедрению инновации (по представленным выше переменным) эффективно проводить с позиций трех исследовательских направлений — технико-технологическая оценка, финансовая и социальная оценка готовности организации. Социальная среда организации оказывает высокое влияние на успешность и эффективность инновационного процесса. От того, насколько социальная среда организации готова к внедрению инновации, во многом зависит результат ее внедрения.

Понимание проблем, характерных для социальной среды и оказывающих влияние на процесс внедрения инноваций, может как сократить затраты ресурсов на инновационный проект, так и уберечь его от неудачи. Чтобы понять, какие именно аспекты социальной среды организации требуют оценки в рамках реализации инновационного проекта, следует определить общую структуру социальной среды.

Основные элементы социальной среды, оказывающие влияние на внедрение инновации в производственный процесс, включают в себя: социальный состав организации; численность персонала и возрастную структуру персонала; функциональную структуру; профессионально-квалификационные качества персонала; профессиональные компетенции персонала; личностные компетенции персонала; особенности коллектива; организационную культуру; мотивацию персонала; стиль руководства и управления; социальное обеспечение и социальную инфраструктуру; условия труда; охрану труда. Соответственно, рамочная модель оценки готовности социальной среды организации к внедрению инноваций включает в себя следующие элементы:

— *оценка социального состава и социальной структуры организации* — оцениваются количественные показатели персонала (возраст и численность), уровень социального обеспечения сотрудников (рекомендуется метод анализа документов);

— *оценка численности и состава сотрудников* — анализируется количественный и возрастной состав организации, изучаются особенности структурно-функционального распределения обязанностей и полномочий сотрудников (рекомендуется метод анализа документов);

— *оценка социальных гарантий и безопасности сотрудников* — изучается наличие и состав социальных программ и гарантий, обеспечивающих уверенность сотрудников в своем социальном и экономическом положении (рекомендуются

анализ документов, полуформализованные индивидуальные и формализованные групповые опросы);

— *изучение мнения сотрудников* — так как большинство сотрудников непосредственно участвуют в производственном, обеспечивающем и управленческом процессах, они являются носителями экспертного знания о потенциале внедрения инновации в организации, а также о возможных проблемах в инновационном процессе. Также интерес руководства к мнению сотрудников увеличивает уровень их доверия к инновации и повышает степень демократичности и открытости управления (рекомендуются полуформализованные индивидуальные и формализованные групповые опросы);

— *оценка технико-технологической готовности организации* — анализируется мнение сотрудников о технико-технологический готовности организации к инновации (рекомендуются экспертные, полуформализованные индивидуальные и формализованные групповые опросы);

— о*ценка финансовой готовности организации* — анализируется мнение сотрудников о финансовой готовности организации к инновации (рекомендуются экспертные, полуформализованные индивидуальные и формализованные групповые опросы);

— *оценка профессиональных и личностных качеств сотрудников* — необходимо оценить профессиональные и личностные качества сотрудников, чтобы понять, какие качества необходимо у них развивать. На сегодняшний день существует ряд эффективных методов оценки компетенций — метод «360 градусов», кейс-метод, мотивационные тесты, личностные опросники и т.д. [8; 24; 30; 35; 36; 38]. Недостатки, связанными с профессиональными компетенциями персонала, могут стать проблемой при реализации инновационного проекта. Личностные, культурные и мотивационные аспекты человеческих ресурсов могут быть как дополнительным драйвером инновации, так и выступить причиной снижения эффективности инноваций;

— *оценка организационной культуры* — культура организации оказывает высокое влияние на инновационный процесс в организации, уникальность организации отражается в специфичности ее структурных элементов: подразделений, бригад, отделов (рекомендуются стандартные подходы к оценке организационной культуры);

— *оценка готовности руководства* — не всегда руководители организации (особенно линейные) приветствуют инновации и изменения, так как это может быть причиной негативных перемен в их деятельности, поэтому перед началом инновационного процесса следует оценить готовность руководства к изменениям, понимание им потребности в инновациях и возможное им сопротивление (рекомендуются экспертные и полуформализованные индивидуальные опросы).

Агрегированная модель оценки готовности социальной среды организации к внедрению инновации представлена в табл. 1. Последовательность этапов оценки готовности социальной среды организации к внедрению инновации представлена на рис. 1. Использование данной методики позволяет системно оценить готовность социальной среды организации к внедрению инновации.

Таблица 1

Рамочная модель методики оценки готовности социальной среды организации к внедрению инновации

Направление оценки	Методы оценки
Оценка социального состава и социальной структуры организации	
Численность и состав сотрудников	Анализ документов; полуформализованные индивидуальные и формализованные групповые опросы
Социальные гарантии и безопасность сотрудников	Анализ документов; полуформализованные индивидуальные и формализованные групповые опросы
Мнение сотрудников о готовности организации	
Технико-технологическая готовность	Экспертные, полуформализованные индивидуальные и формализованные групповые опросы
Финансовая готовность организации	Экспертные, полуформализованные индивидуальные и формализованные групповые опросы
Оценка готовности персонала организации	
Оценка профессиональных качеств сотрудников	Метод «360 градусов»
Оценка личностных качеств сотрудников	Миннесотский многопрофильный личностный тест (MMPI)
Оценка мотивации сотрудников	Тест «мотивационный профиль Ш. Ричи и П. Мартина»
Оценка организационной культуры	Типология К. Камерона и Р. Куинна
Оценка готовности руководства организации	
Понимание руководством потребности в инновации	Полуформализованные индивидуальные и формализованные групповые опросы
Сопротивление руководителей инновациям	Полуформализованные индивидуальные и формализованные групповые опросы

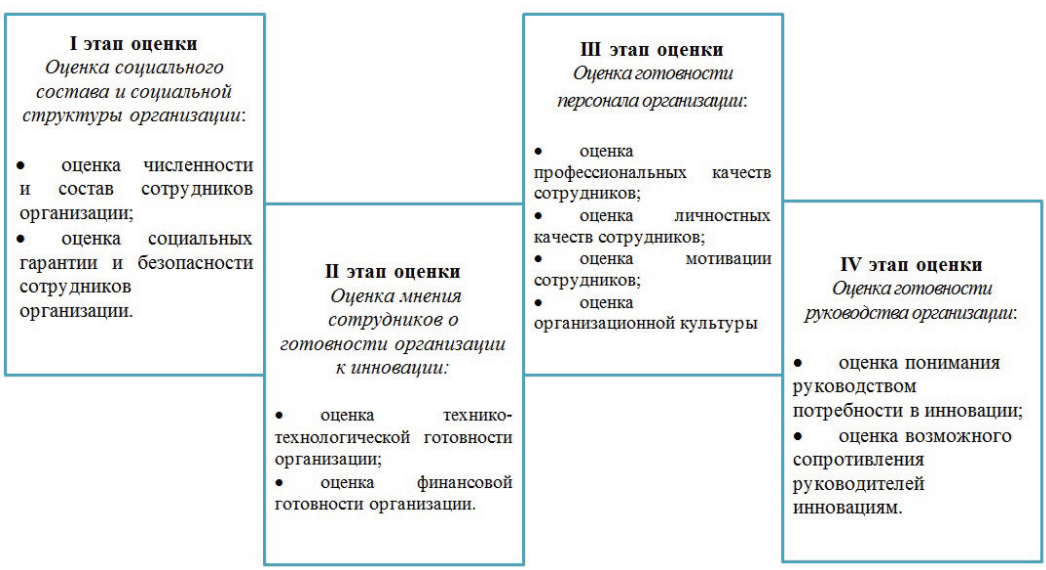

Рис. 1. Последовательность этапов оценки готовности социальной среды организации к внедрению инновации

Трудности современной социально-экономической среды, обусловленной нестабильностью основных факторов развития, обусловливают потребность повышения эффективности инновационной деятельности в российских организациях. Одной из важнейших детерминант процесса инновационного управления является учет социальных аспектов и факторов их реализации. Без этого внедрение инноваций может привести к неожиданным или прямо противоположным последствиям, которые не были предусмотрены при проектировании модели совершенствования организации.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) По данным проекта «Индикаторы инновационной деятельности — 2016». URL: https://www.hse.ru/primarydata/ii2016.

(2) По данным проекта компании HeadHunter «Кто ищет таланты?». URL: http://hh.ru/article.xml?articleId=2144.

(3) Индийское подразделение британской организации «Vodafone Group Plc.» отражает эффективность работы каждого сотрудника на гауссовой прямой: на одной ее части отмечаются основные навыки и компетенции, на другой — чего ему не хватает.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] *Анцупов А.Я., Ковалев В.В.* Социально-психологическая оценка персонала. М., 2008.
[2] *Бандуровский К.В.* Бессмертие души в философии Фомы Аквинского. М., 2011.
[3] *Бестужев-Лада И.В.* Прогнозное обоснование социальных нововведений. М., 1993.
[4] *Гегель Г.* Лекции по истории философии. В 3 кн. СПб., 1993.
[5] *Глазьев С.Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993.
[6] *Гоббс Т.* Сочинения: в 2 т. М., 1989.
[7] *Декарт Р.* Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 2001.
[8] *Денисова А.* Оценка должностей. URL: http://old.tci-co.ru/otsenka.html.
[9] *Дюркгейм Э.* Норма и патология // Социология преступности. М., 1966.
[10] Измерение эффективности персонала // Справочник по управлению персоналом. 2010. № 1.
[11] *Камерон К., Куинн Р.* Диагностика и изменение организационной культуры. СПб., 2001.
[12] *Кант И.* Лекции о философском учении о религии. М., 2016.
[13] *Кнорр-Цетина К.* Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах знания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 1.
[14] *Князева Е.Н.* Природа инноваций и некоторые проблемы инновационного управления // Управление: цели и ценность / Под ред. О.Я. Гелиха. СПб., 2004.
[15] *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М., 2002.
[16] *Конт О.* Дух позитивной философии. Ростов н/Д., 2003.
[17] *Кун Т.* Структура научных революций. М., 2009.
[18] *Левин М.* Менеджмент будущего. Как устроена самая инновационная компания мира. URL: https://slon.ru/business/menegement_budushego_6_principov_upravleniya_832892.
[19] *Локк Дж.* Сочинения: в 3 т. Т. 3. М., 1988.
[20] *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. М., 2011.
[21] *Мартин П., Ричи Ш.* Управление мотивацией. М., 2004.
[22] *Мертон Р.* Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966.
[23] *Мор Т.* Утопия. М., 1978.
[24] *Мотовилин О.Г., Мотовилина И.А.* Оценка персонала в современных организациях. Ассесмент-технологии. Профессиография. Организационная диагностика. М., 2009.

[25] *Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж.* Эволюционная теория экономических изменений. М., 2002.
[26] *Норт Д.* Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3.
[27] *Парсонс Т.* Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль / Сост. А.И. Кравченко. М., 1994.
[28] *Платон.* Собрание сочинений: в 4 т. М., 1994.
[29] *Реале Д., Антисери Д.* Марк Аврелий. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 1—2: Античность и средневековье. СПб., 2003.
[30] *Реймаров Г.А.* Комплексная оценка персонала: Инженерный подход к управлению качеством труда. М., 2010.
[31] *Рунил Б.М.* Творческий процесс в инновационном аспекте // Художественное и научное творчество. Л., 1972.
[32] *Санто Б.* Инновации как средство экономического развития. М., 1991.
[33] *Сен-Симон А.* Избранные сочинения. Т. 1—2. М.—Л., 1948.
[34] *Серов В.* Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М., 2003.
[35] *Собчик Л.Н.* Методы психологической диагностики. Методическое руководство. М., 1990.
[36] *Спивак В.* Кейсы и методика их решения // Управление персоналом. 2006. № 3.
[37] *Тененбаум Б.* Великий Макиавелли: Темный гений власти: «Цель оправдывает средства?». М., 2012.
[38] *Уорд П.* Метод 360 градусов. М., 2006.
[39] *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
[40] *Хайдеггер М.* Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
[41] *Шереги Ф.Э., Ридегер А.В., Попов М.С.* Малые инновационные предприятия вузов // Экономика образования. 2014. № 2.
[42] *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996.
[43] *Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития. М., 1982.
[44] *Эриксен Т.Б.* Августин. Беспокойное сердце. М., 2003.
[45] *Freeman C.* The national systems of the innovation historical perspective. Cambridge Journal of Economics. 1995. No 1.
[46] *Kalecki M.* Theory of Economic Dynamics. An Essay on Cyclical and Long-Run Changes in Capitalist Economy. N.Y., 1954.
[47] *Lundvall B.* National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning. L., 1992.
[48] *Nelson R.* National Innovation Systems. A Comparative Analysis. Oxford, 1993.

CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE ASSESSMENT OF THE ORGANIZATIONS READINESS TO INNOVATIONS

A.V. Neverov, A.S. Dudnik

Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia

Nowadays Russian organizations feel the need to create innovative products and high technologies and to implement management innovations. The significance of changes for social system cannot be overestimated; however, for Russia innovative development becomes not only a major socio-economic challenge,

but also an objective of paramount importance that needs to be solved as soon as possible. Such significance and urgency are determined by the following factors: first, the sanctions proved the high demand for the independent development of many types of technologies; second, the introduction of innovations is necessary for national economy modernization and improvement of Russian companies efficiency; third, without permanent development of science and education (which is impossible without innovations) there is social and cultural stagnation of the state; fourth, the global trend of changes and improvement of production determines the emergence of new forms of economic cooperation with the dominance of high-tech, innovative and converging technologies; fifth, the priorities of our country for the next few years are a high-tech capacity building and an access to major international markets of innovations. Thus, many Russian companies will have to introduce innovations more actively. The success of introducing innovations depends largely on the organization's readiness to them, which determines the importance of the assessment of the readiness of organization social environment for introducing innovations for social aspects have a significance impact on innovations management. For the complex assessment of the readiness of organization social environment to innovations, we need relevant methodical approaches. The article considers conceptual approaches to innovations management and the techniques for assessing the readiness of organization social environment to innovations.

Key words: innovative organizational management; social management; social well-being of employees; social aspects of innovations management; social development; assessment of organizational environment

REFERENCES

[1] *Antsupov A.Ja., Kovalev V.V.* Social'no-psihologicheskaja ocenka personala [Social and Psychological Assessment of Personnel]. M., 2008.
[2] *Bandurovskij K.V.* Bessmertie dushi v filosofii Fomy Akvinskogo [Immortality of the Soul in the Philosophy of St. Thomas Aquinas]. M., 2011.
[3] *Bestuzhev-Lada I.V.* Prognoznoe obosnovanie social'nyh novovvedenij [Predictive Study of Social Innovations]. M., 1993.
[4] *Hegel G.* Lekcii po istorii filosofii [Lectures on the History of Philosophy]. SPb., 1993.
[5] *Glaz'ev S.Ju.* Teorija dolgosrochnogo tehniko-jekonomicheskogo razvitija [Theory of Long-Term Technical and Economic Development]. M., 1993.
[6] *Hobbes T.* Sochinenija: v 2 t. [Works]. M., 1989.
[7] *Descartes R.* Sochinenija: v 2 t. [Works]. T. 1. M., 2001.
[8] *Denisova A.* Ocenka dolzhnostej [Job positions evaluation]. URL: http://old.tci-co.ru/otsenka.html.
[9] *Durkheim E.* Norma i patologija [Norm and pathology]. Sociologija prestupnosti. M., 1966.
[10] Izmerenie effektivnosti personala [Measurement of the personnel effectiveness]. Spravochnik po upravleniju personalom. 2010. No 1.
[11] *Cameron K., Quinn R.* Diagnostika i izmenenie organizacionnoj kul'tury [Diagnostics and Change of the Organizational Culture]. SPb., 2001.
[12] *Kant I.* Lekcii o filosofskom uchenii o religii [Lectures on the Philosophical Doctrine of Religion]. M., 2016.
[13] *Knorr-Cetina K.* Obektnaja social'nost': obshhestvennye otnoshenija v postsocial'nyh obshhestvah znanija [Objective sociality: Social relations in post-social knowledge societies]. Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2002. Vol. 5. No 1.
[14] *Knjazeva E.N.* Priroda innovacij i nekotorye problemy innovacionnogo upravlenija [The nature of innovation and some problems of innovation management]. Upravlenie: celi i cennost'. Pod red. O.Ja. Geliha. SPb., 2004.
[15] *Kondrat'ev N.D.* Bol'shie cikly konjunktury i teorija predvidenija: Izbrannye trudy [Big Cycles of Conjuncture and Theory of Foresight: Selected Works]. M., 2002.
[16] *Comte A.* Duh pozitivnoj filosofii (Slovo o polozhitel'nom myshlenii) [The Spirit of Positive Philosophy]. Rostov n/D., 2003.

[17] *Kuhn T.* Struktura nauchnyh revoljucij [Structure of Scientific Revolutions]. M., 2009.
[18] *Levin M.* Menedzhment budushhego. Kak ustroena samaja innovacionnaja kompanija mira [Management of the Future. How does the most innovative company in the world works]. URL: https://slon.ru/business/menegement_budushego_6_principov_upravleniya_832892.
[19] *Locke J.* Sochinenija: v 3 t. [Works]. T. 3. M., 1988.
[20] *Marks K.* Kapital. Kritika politicheskoj ekonomii [Capital. Critique of Political Economy]. M., 2011.
[21] *Martin P., Ritchie Sh.* Upravlenie motivaciej [Motivation Management]. M., 2004.
[22] *Merton R.* Social'naja struktura i anomija [Social structure and anomie]. Sociologija prestupnosti. M., 1966.
[23] *More T.* Utopija [Utopia]. M., 1978.
[24] *Motovilin O.G., Motovilina I.A.* Ocenka personala v sovremennyh organizacijah. Assesment-tehnologii [Evaluation of Staff in Contemporary Organizations. Assessment Technologies]. M., 2009.
[25] *Nelson R.R., Winter S.G.* Evoljucionnaja teorija jekonomicheskih izmenenij [An Evolutionary Theory of Economic Change]. M., 2002.
[26] *North D.* Institucional'nye izmenenija: ramki analiza [Institutional change: The scope of analysis]. *Voprosy ekonomiki*. 1997. No 3.
[27] *Parsons T.* Funkcional'naja teorija izmenenija [Functional theory of changes]. Amerikanskaja sociologicheskaja mysl'. Sost. A.I. Kravchenko. M., 1994.
[28] *Plato*. Sobranie sochinenij: v 4 t. [Works]. M., 1994.
[29] *Reale D., Antiseri D.* Mark Avrelij. Zapadnaja filosofija ot istokov do nashih dnej. T. 1—2 Antichnost' i srednevekov'e [Marcus Aurelius. Western Philosophy from the Origins to the Present Day]. T. 1—2. SPb., 2003.
[30] *Rejmarov G.A.* Kompleksnaja ocenka personala: Inzhenernyj podhod k upravleniju kachestvom truda [Complex Assessment of the Personnel: An Engineering Approach to the Management of the Labor Quality]. M., 2010.
[31] *Runil B.M.* Tvorcheskij process v innovacionnom aspekte [Creative process in the innovative aspect]. Hudozhestvennoe i nauchnoe tvorchestvo. L., 1972.
[32] *Santo B.* Innovacii kak sredstvo ekonomicheskogo razvitija [Innovation as a Means of Economic Development]. M., 1991.
[33] *Saint-Simon A.* Izbrannye sochinenija. T. 1—2 [Selected Works]. M.-L., 1948.
[34] *Serov V.* Enciklopedicheskij slovar' krylatyh slov i vyrazhenij [Encyclopedic Dictionary of Winged Words and Expressions]. M.: «Lokid-Press», 2003.
[35] *Sobchik L.N.* Metody psihologicheskoj diagnostiki. Metodicheskoe rukovodstvo [Methods of Psychological Diagnostics. Methodological guide]. M., 1990.
[36] *Spivak V.* Kejsy i metodika ih reshenija [Cases and methods to solve them]. Upravlenie personalom. 2006. No 3.
[37] *Tenenbaum B.* Velikij Makiavelli: Temnyj genij vlasti: «Cel' opravdyvaet sredstva?» [Great Machiavelli: Dark Genius of the Power: "The End Justifies the Means?"]. M., 2012.
[38] *Ward P.* Metod 360 gradusov [360 Method]. M., 2006.
[39] *Feyerabend P.* Izbrannye trudy po metodologii nauki [Selected Works on the Methodology of Science]. M., 1986.
[40] *Heidegger M.* Vremja kartiny mira [Time of the picture of the world]. Novaja tehnokraticheskaja volna na Zapade. M., 1986.
[41] *Sheregi F.E., Rideger A.V., Popov M.S.* Malye innovacionnye predprijatija vuzov [Small innovative companies of universities]. Ekonomika obrazovanija. 2014. No 2.
[42] *Sztompka P.* Sociologija social'nyh izmenenij [Sociology of Social Change]. M., 1996.
[43] *Schumpeter J.A.* Teorija ekonomicheskogo razvitija [Theory of Economic Development]. M., 1982.
[44] *Eriksen T.B.* Avgustin. Bespokojnoe serdce [Augustine. Restless Heart]. M., 2003.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЯСНЕНИЙ ОТЦОВСТВА: ОТ Г. СПЕНСЕРА ДО Р. КОННЕЛЛА

А.Н. Липасова*

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

В статье анализируются и сравниваются несколько подходов к понятию отцовства, присутствующих в западной социологической традиции: биологический детерминизм, социальный конструктивизм и биосоциальная теория. Проблематика отцовства и родительских практик мужчин маргинализирована в современных российских социальных исследованиях, посвященных семейной тематике, и этот факт закрепляет традиционное неравенство в семейных отношениях, когда роль отца считается вторичной по сравнению с материнской ролью. В западных «критических» мужских исследованиях, напротив, можно выделить несколько этапов: развитие «поло-ролевой» парадигмы (биологический детерминизм), возникновение концепции гегемонной маскулинности, междисциплинарный этап (биосоциальная теория). В соответствии с подходом биологического детерминизма отец выступает как патриарх, продолжатель рода и ролевая модель для преемников. Социальный конструктивизм рассматривает функции мужчины в семье с точки зрения маскулинного давления и утверждения гегемонии над женщиной и детьми. Биосоциальная теория стремится объединить биологическую детерминированность отцовства с социальным, культурным и личностным контекстом. В статье показано, что эти подходы непосредственно связаны с уровнем развития общества, отношением к институтам семьи и брака, уровнем эгалитарности гендерного порядка.

Ключевые слова: отцовство; гендер; институт семьи; биологический детерминизм; теория половых ролей; социальный конструктивизм; биосоциальная теория

В современном мире слова «мать», «отец», «ребенок», «материнство», «отцовство» являются не только терминами, но и противоречивыми понятиями, закрепленными в противопоставлениях, дилеммах: например, «мать и ребенок», «материнство и детство», «отцы и дети», «дети и бездетность». Исследований, посвященных материнству, репродуктивному выбору женщин, новому пониманию роли и места женщин в обществе, теме баланса семьи и работы для женщин достаточно много. Проблематика отцов/отцовства и родительских практик мужчин, напротив, менее популярна у исследователей, что воспроизводит традиционное неравенство в семейных отношениях, когда роль отца считается вторичной по сравнению с материнской ролью.

* © А.Н. Липасова, 2015.

В России проблема отцовства затрагивалась в рамках педагогического дискурса; ряд исторических работ был посвящен рассмотрению семейного быта и родственных отношений. П. Сорокин ввел понятие «союза родителей и детей» и анализировал эту часть института семьи в исторической динамике [5].

В современных социологических исследованиях тема отцовства присутствует в работах, посвященных особенностям развития института семьи. Отцовство анализируется как социально, экономически и культурно обусловленный феномен, рассматриваются механизмы государственного регулирования родительства и гендерные отношения в семье и обществе.

В западном научном дискурсе тема отцовства тоже обсуждается достаточно широко, причем в нем присутствует принципиально иное дисциплинарное разделение. Само понятие отцовства как социально конструируемого феномена вошло в социологию лишь в 1980-е гг., но иностранные социологи разработали и использовали ряд других теоретических и методологических концепций, которые могут быть полезны в дальнейшем изучении феномена отцовства в России.

Еще в Древней Греции Эсхил в «Эвменидах» вложил в уста Аполлона слова: «Дитя родит отнюдь не та, что матерью зовется. Нет, ей лишь вскормить посев дано. Родит отец. А мать, как дар от гостя, плод хранит, когда вреда не причинит ей бог» [11]. Подобного, немного одностороннего, подхода к изучению роли мужчины в семье придерживались представители биологического детерминизма (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, К. Маркс, Ф. Энгельс, З. Фрейд, Т. Парсонс, Р. Бейлз). Взгляды этих ученых на то, что сейчас принято называть «институтом отцовства», различны, однако объединяет их одно: придание биологическим факторам определяющего значения в формировании семейных отношений. Отцовство выступает как данность, как само собой разумеющаяся роль мужчины. Наиболее емко это убеждение выразил З. Фрейд, сказав: «Анатомия — это судьба».

Так, Герберт Спенсер, один из родоначальников эволюционизма, считал, что генезис семьи вписывается во всеобщий закон развития и следует принципу: «Все меньшее и меньшее пожертвование интересами индивидов интересам вида» [7. С. 822]. В ходе эволюции цели, которым служит брак — благосостояние вида, благосостояние ребенка и благосостояние родителей — видоизменяются, и благосостояние ребенка выходит на первый план. Это происходит в силу «более высоких форм ума и чувства, слагавшихся из опытов и методов мысли, появлявшихся с прогрессом общественного состояния» [7. С. 826].

Спенсер утверждает, что в результате этого прогресса «супружеские отношения изменяются из отношений господина и подданного в отношения приблизительно равных товарищей», а «отношение отца к ребенку перестает быть тиранией, жертвующей ребенком отцу, а становится таким отношением, при котором воля отца скорее подчиняется соображениям о благе ребенка» [7. С. 825].

Несмотря на то, что данные высказывания звучат достаточно революционно и даже «по-феминистски», Спенсера интересует не равенство полов, а выживание человеческого рода: он уверен, что от качества ухода за детьми зависит «жизнь или смерть» и «нравственное благосостояние или падение» человечества.

Подобный «детоцентристский» подход Спенсер демонстрирует в работе «Воспитание умственное, нравственное и физическое». В ней он сетует на то, что «на двадцать ошибочных способов воспитания приходится один правильный» [6. С. 56].

Спенсер яростно критикует отцов, которые ежечасным изменением своих правил прикрывают их бездоказательность и односторонность. Подобное, по мнению Спенсера, происходит от незнания родителями основных принципов физиологии и элементарных истин психологии [6. С. 66]. Спенсер выступает за естественный метод воспитания, в основе которого лежит не физическое наказание, а сочетание одобрения и порицания, которое, по мнению автора, дает отцу огромную силу влияния. Физическое наказание же приводит к тому, что дети смотрят на отцов и матерей как на дружелюбных врагов.

Спенсер пишет: «Если существует отчуждение, провинившийся ребенок будет ощущать чисто эгоистический страх угрожающего физического наказания или лишения, а после того, как он подвергнется им, проистекающий отсюда вредный антагонизм и отвращение увеличат это отчуждение. Напротив того, если существует теплая привязанность к родителям, возникшая вследствие постоянной родительской дружбы, нравственное огорчение, причиненное родительским гневом, не только служит на следующее время ограничением дурных поступков в том же роде, но и приносит существенную пользу» [6. С. 261].

Общий вывод автора таков: в семейном управлении, как и в политическом, суровый деспотизм порождает большую часть преступлений, которые ему приходится обуздывать.

Менее радужные представления о родительстве транслирует один из основателей американской социологии Уильям Самнер в работе «Народные обычаи». Он отмечает, что историей правит борьба за выживание, и дети ее осложняют [17. P. 170].

Отношения родителей и детей антагонистичны по своей природе, родители вынуждены приносить свои интересы в жертву, и перспектива возможной ее компенсации в будущем не меняет характер этих отношений. Возникновение практик аборта и инфантицида показывает, насколько рано в истории человечества груз ответственности за воспитание детей стал настолько тяжелым, что люди стали от него избавляться.

Самнер отмечает, что ни в сексуальных отношениях, ни в продолжении рода не содержится причина, по которой мужчина и женщина должны жить совместно. Эта причина состоит в воспитании детей и заботе о них. Таким образом, совместное проживание не является практикой, данной нам «от природы», а носит институциональный и конвенционный характер. Автор пишет: «Мужчина и женщина были сведены вместе, возможно, против их воли, в высших интересах борьбы за выживание. Женщина с ребенком больше нуждалась в этом союзе и, возможно, меньше хотела стать его частью» [17. P. 199]. Таким образом, родительство стало причиной возникновения института брака.

Основатель французской социологической школы Эмиль Дюркгейм в работе «О разделении общественного труда» также отмечает конвенционный характер

возникновения института семьи: «Совместная жизнь не только принудительна, но и притягательна. Конечно, принуждение необходимо, чтобы заставить человека выйти за собственные пределы, добавить к своей физической природе другую природу; но по мере того как он начинает ценить прелести этого нового существования, он приобретает в них потребность, и нет такого рода деятельности, где бы он их страстно не искал» [2. С. 19].

Дюркгейм отмечает, что кровное родство не является единственной причиной нравственной близости, велико влияние и многих других факторов: физическое соседство, солидарность интересов, потребность объединения для борьбы против общей опасности. Источник супружеской солидарности Дюркгейм видит в «разделении полового труда» [2. С. 58]. В семье женщина отвечает за эмоциональные функции, мужчина — за интеллектуальные. Именно разделение труда на базе половых ролей создало основания для солидарности в домашней сфере. Главной целью отца, по Дюркгейму, выступает забота о будущем семьи: «Индивид не является сам для себя достаточной целью... К работе нас привязывает именно то, что она выступает для нас способом обогатить наше родовое гнездо, повысить благосостояние наших детей» [9].

Наиболее влиятельным учением о семье и взаимоотношениях полов, оказавшим огромное влияние на гендерный порядок в России, является марксизм. Основополагающий марксистский труд о происхождении полового неравенства — работа Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Энгельс пишет, что частная собственность на средства производства возникла впервые у мужчин, и чтобы оставить свою собственность в наследство своим сыновьям, возникла необходимость введения моногамии и патрилинейности, которые бы гарантировали происхождение сыновей.

По Энгельсу, помещение в центр семейных отношений имущества и права наследования до сих пор остается базисом буржуазной семьи. Моногамная семья является не «романтической победой половой любви, примирением мужчины и женщины», но триумфом мужчины, подчинением одного пола другому, совпавшим с первыми классовыми отношениями и первым классовым угнетением: «Она основана на господстве мужа с определенно выраженной целью рождения детей, происхождение которых от отца не подлежит сомнению, а эта бесспорность происхождения необходима потому, что дети со временем в качестве наследников должны вступить во владение имуществом отца. Она отличается от парного брака гораздо большей прочностью брачных уз, которые теперь уже не расторгаются по желанию любой из сторон. Теперь уже, как правило, только муж может их расторгнуть и отвергнуть свою жену» [10. С. 135].

Симона де Бовуар в книге «Второй пол» развивает идею Энгельса о том, что в основе патриархатной семьи лежит частная собственность и желание мужчины передать ее своим биологическим потомкам. Де Бовуар связывает это желание со стремлением к бессмертию: «...собственник отчуждает свое существование в собственности, он дорожит ею больше самой жизни; она выходит за узкие рамки

этой временной жизни, продолжает существовать после разложения тела — земного, видимого воплощения бессмертной души; но такое продление жизни происходит только в том случае, если собственность остается в руках собственника — а она не могла бы по-прежнему быть его после смерти, если бы не принадлежала людям, в которых он видит свое продолжение, узнает самого себя, которых считает своими» [1. С. 30].

Подобно Э. Дюркгейму, Толкотт Парсонс, ключевой представитель структурного функционализма, рассматривает эволюцию семьи как процесс специализации ее функций. Простейшие общества были очень мало дифференцированы: каждая семья была полностью вовлечена в домашнее хозяйство и интегрирована в более широкую общность, а экономическую деятельность семьи нельзя было четко отделить от политической, религиозной или социальной. Семья играла решающую роль во всех этих сферах. Социетальные задачи современной семьи, под которой Парсонс понимает абстрактную модель нуклеарной семьи с традиционным разделением труда по половому признаку, заключаются в биологическом, психологическом и социальном воспроизводстве ее членов.

Для Парсонса главная функция современной семьи — это сохранение образцов. Семья ответственна за социализацию детей и поддержку взрослых, причем роли мужчин и женщин в ней совершенно различны. Это различие основывается на различиях между инструментальными и экспрессивными функциями (ролями). Экспрессивная роль заключается в осуществлении заботы, эмоциональной работы, поддержании психологического баланса семьи. Это сфера ответственности женщины — домашней хозяйки. Инструментальная роль заключается в регуляции отношений между семьей и другими социальными системами, это роль добытчика, защитника. Типы ролевого поведения определяются социальным положением, ролевые стереотипы усваиваются в процессе интериоризации норм, или ролевых ожиданий. Правильное исполнение роли обеспечивается системой поощрений и наказаний (санкций), положительных и отрицательных подкреплений. Роли считаются биологически детерминированными, что соответствует учению З. Фрейда о врожденных мужском и женском началах.

В работе «Социальная система» Парсонс пишет о социализации ребенка и выделяет пять так называемых катектически-оценочных механизмов обучения: гашение подкрепления, подавление (репрессия), замещение, имитация и идентификация [4. С. 312]. Катексис (cathexis) — это неологизм, введенный переводчиками З. Фрейда на английский для перевода немецкого слова «Besetzung» (буквально «вложение», «вклад»), использованного Фрейдом для обозначения количества энергии, сцепленной с любым объектом — представлением или психической структурой.

Парсонс определяет гашение подкрепления как связь между удовлетворенностью или неудовлетворенностью результатом поведения и интенсивностью стремления повторять такое поведение в будущем.

Подавление — умение отвлекаться от текущей потребности при наличии другой возможности получить удовлетворение. Под замещением понимается перемещение катексиса с одного объекта на другой.

По Парсонсу, прогресс в обучении означает, во-первых, отказ, достаточный для обеспечения гашения мотиваций, во-вторых, способность подавлять потребности, и, в-третьих, способность усваивать новые объекты, т.е. способность к замещению. Имитация — это процесс обучения, в котором другой (взрослый) показывает более короткий и более легкий путь обучения, чем мог бы найти эго (ребенок), действуя сам. И, наконец, идентификация — это принятие ценностей модели. В данном случае моделью является взрослый.

Взаимодействие, являющееся важной частью социализации, выступает, по Парсонсу, как структура взаимных ролей. Идентификация с отцом крайне важна, в частности с точки зрения ценностных ориентаций в обществе, и она тем сильнее, чем более институционализированы ценностные стандарты общества. Роль матери должна измениться в соответствии с изменением акцентов, расставляемых на различных элементах системы ценностных ориентаций. Важно, чтобы оба родителя разделяли одну и ту же общую систему ценностей и демонстрировали свою солидарность детям.

Мирра Комаровски в своей работе «Функциональный анализ половых ролей» продолжает исследование поло-ролевой теории и выступает с ее критикой [15]. Ее анализ строится на противостоянии «прокреативной» семьи (family of procreation) и «родительской» семьи (family of orientation).

Комаровски отмечает, что, несмотря на то, что интересы собственной «прокреативной» семьи имеют юридически закрепленный приоритет над интересами «родительской» семьи (например, законы наследования имущества), специфика воспитания детей разных полов не всегда соответствует этой установке. Традиционно мальчикам в семье дается больше самостоятельности и свободы, факт создания собственной семьи является для них сильнейшим доказательством эмоциональной зрелости, тогда как девочки так никогда полностью не освобождаются от опеки и покровительства отца и матери. Такое воспитание нацелено на усвоение соответствующих ролей во взрослой жизни, требующих разных навыков и поведения. Соревновательность, доминирование, агрессия, независимость необходимы для будущего главы семейства. И хотя девочка может готовиться к своей будущей роли в родительской семье, мальчик осваивает свою роль вне дома, приучаясь к самостоятельности и умению зарабатывать на жизнь.

По мнению Комаровски, излишняя опека над девочками имеет «латентную дисфункцию» (термин Мертона) для женщин и брака в целом.

Сильная эмоциональная связь женщины-дочери с родительской семьей делает переход к супружеской жизни очень травматичным, по сравнению с мужчиной-сыном она во многом остается инфантильной, неспособной принимать собственные решения, более зависимой от родителей с точки зрения ее поведения, более привязанной к ним и уязвимой в случае каких-либо конфликтов между ее мужем и ее родителями. Таким образом, роль мужа и отца у Комаровски выступает как более жизнеспособная.

Наиболее плодотворной методологией анализа гендерных отношений в советском и постсоветском обществах, по мнению многих исследователей, является

структурно-конструктивистский подход, предложенный австралийским социологом Робертом Коннеллом [12]. В работе «Гендер и власть» Коннелл исследует гендерную структуру современного капиталистического общества [3]. Вслед за Э. Гидденсом и П. Бурдье, Коннелл считает возможным построение концепции, включающей в себя взаимодействие и взаимовлияние структуры и агента. Для Коннелла у агента социального действия есть определенная степень свободы, и вместе с тем он ограничен существующими структурами.

Коннелл выделяет структуры, которые считает самостоятельными и равнозначными, и рассматривает их отдельно. В разных структурах формируются разные гендерные отношения, не сводимые к единому ядру. «Структурные модели» гендерных отношений — труд, власть, катексис, символические репрезентации — Коннелл рассматривает как равнозначные, в них во всех есть определенные гендерные режимы. Все эти структуры, по его мнению, обладают определенной автономией, и в каждой мужчины и женщины разделяются по половому признаку и оказываются в асимметричных отношениях с обществом и друг с другом [12].

Одним из инструментов анализа моделей отцовства, присутствующих в постсоветской России, может служить предложенное Коннеллом понятие гегемонной маскулинности. Концепция гегемонии заимствуется им из работ А. Грамши.

Согласно Коннеллу, гегемонной маскулинностью называется способ, с помощью которого определенные группы мужчин позиционируют себя по отношению к разнообразным подчиненным маскулинностям, а также по отношению к женщинам. С точки зрения семьи это предполагает успешную карьеру, подтвержденную верильность, а также патриархатный характер внутрисемейного договора, т.е. подчиненную позицию женщины-матери.

По Коннеллу, маскулинность — это не фиксированная данность, заключенная в теле или личностных чертах индивидов [12]. Маскулинности — это конфигурации практик, заключающиеся в социальном действии, поэтому они могут различаться в условиях различных гендерных отношений и в разном социальном контексте.

На уровне общества существуют модели идеальной маскулинности, пропагандируемые церковью, транслируемые масс-медиа или поддерживаемые государством. Такие модели имеют отношение к реальным социальным практикам, но во многом их искажают. Классическим примером может служить образ советского рабочего-стахановца. В 1935 г. Алексей Стаханов поставил мировой рекорд, добыв 102 тонны угля за один рабочий день, что бросило вызов всем советским рабочим. Искажает эту идеальную модель тот факт, что подобные рекорды создавались не одним человеком, а группой.

Таким образом, конструируемые гегемонные маскулинности могут иметь весьма отдаленное отношение к жизни реальных мужчин. И все же эти модели различным образом транслируют широко распространенные идеалы, фантазии и желания. Они служат почвой для построения отношений с женщинами, семьей и обществом, а также артикулируют определенный образ жизни. Этим они вносят вклад в создание гегемонии мужчин в гендерном порядке в целом. Неудиви-

тельно, что образы мужчин, являющиеся ролевыми моделями в различных обществах, полны противоречий. Это замечание Коннелла вполне справедливо и для России. Так, по данным European Social Survey (Round 3), 83% российских мужчин считают, что общество осуждает добровольный отказ от отцовства [13]. Вместе с тем в России до сих пор бытует мнение, что заниматься детьми — «не мужское дело». Таким образом, настоящий мужчина должен иметь детей, но не должен уделять им время.

Социально легитимные модели гегемонной маскулинности оказывают огромное влияние на отношения в семье. Коннелл отмечает, что гендерные стратегии мужчин определяют распределение работы по дому. Это одна из тем, которой посвящена книга Арли Хохшильд «The time bind», в которой исследуется феномен «двойной нагрузки» для семейных женщин. Эмпирический материал Хохшильд подтверждает, что у мужчин нет проблем с предъявлением их неотчуждаемого права на отдых.

Хохшильд приводит пример супружеской пары, Роберта и Линды, который можно считать типичной для гендерной стратегии гегемонной маскулинности. Оба партнера в этой паре работали полный рабочий день, и оба испытывали потребность в свободном времени. Разница межу ними состояла в том, — пишет Хохшильд, — что «Роберт просто уезжал в своем грузовике и использовал свое свободное время». Он не спрашивал разрешения, не менял свои планы и не извинялся. Он просто делал то, что хочет. Линду такое поведение раздражало, потому что она оставалась дома одна с ребенком. Свое свободное время она проводила на оплачиваемом рабочем месте [14].

Коннелл отмечает, что гегемонные маскулинности имеют тенденцию быть сопряженными с внутренними противоречиями и эмоциональным конфликтом именно потому, что они ассоциируются с властью, основанной на гендерном порядке.

Мужчины, усвоившие эти модели, находятся в напряженных отношениях со своими детьми. Неравное разделение труда по дому, культура «засиживания на работе» (long hours culture) среди мужчин, занимающих менеджерские должности, и тревога богатых отцов по поводу управления их состоянием тоже играют свою роль. Женщины, состоящие в союзах с такими мужчинами, вряд ли могут изменить ситуацию. По Коннеллу, любая стратегия удержания власти сопряжена с дегуманизацией другой стороны и соответствующей потерей способности к эмпатии и созданию эмоциональной связи с другим человеком. В этом плане, — пишет Коннелл, — гегемонная маскулинность не всегда позволяет своему носителю испытывать удовлетворение и радость от жизни.

Стандарт гегемонной маскулинности служит одной из причин распространенности модели «отсутствующего отца». В одной из своих книг немецкий психолог Александр Митчерлих анализирует историю современного общества как «общества без отца» [16].

По Митчерлиху, упадок отношений между отцом и сыном связан с давлением индустриализации, массового производства и специализации труда: работа больше

не связана с домом, общество становится все более сложным и фрагментарным, и отец превращается в фигуру, большую часть времени отсутствующую в семье, он теряет свою «суть» (substance) отца-учителя и хозяина дома. По Митчерлиху, в отсутствие отца, общество превращается в армию соперничающих, завистливых потомков (siblings).

Ревность, которую братья и сестры обычно испытывают друг к другу, становится эмоциональной нормой для всего общества. Общество потомков не в состоянии ни придерживаться четкой точки зрения, ни бунтовать. Оно похоже на дом, в котором отец или отсутствует, или неизвестен, или жалок, а вся власть принадлежит матери. В таком обществе не может родиться настоящий политический протест. Современные потомки остались без отца как на уровне семьи, так и на уровне общества: они выбирают лидеров, которые неспособны убедить их отказаться от сиюминутного удовольствия ради долгосрочной цели, а, напротив, призывают потреблять и потреблять, врут им об их возможностях и увеличивают государственный долг. Митчерлих отмечает, что «общество без отца» наиболее опасно для сыновей: если они не видят отца и не ассоциируют себя с ним, в их психике образуется дыра, которую наполняют демоны, дающие им право и оправдание разрушить то, что построили отцы. Это ведет к регрессу и варварскому, эгоистичному, инфантильному поведению. Сыновья в «обществе без отца» или живут в мире фантазий, или беспричинно агрессивны. Оба эти покинутых отцами типа являются «паразитирующими и непродуктивными».

Биологический детерминизм и социальный конструктивизм внесли огромный вклад в современное понимание маскулинности, сформировав понятийный аппарат и выдвинув идеи, на которые опираются представители интегративного «биосоциального» (biosocial) подхода И. Игли и В. Вуд [18].

Согласно этому подходу мужские и женские роли зависят как от биологической природы, так и от конструируемых в обществе норм и ожиданий по отношению к ним. Игли и Вуд спорят с эволюционистами и социальными конструктивистами, заявляя, что патриархат не является повсеместным: его возникновение обусловливается комплексом социальных и экологических условий, влияющих на физические различия между полами и их способность выполнять функции, дающие более высокие статус и власть в данном обществе (каковыми являются способность воевать, заниматься интенсивным сельским хозяйством и производством).

Тем не менее, авторы признают, что биологическое отцовство начало играть важную роль именно с появлением частной собственности и института наследования. В процессе социализации родители поощряют гендерно-типичное (gender-typical) поведение детей и порицают за гендерно-нетипичное (gender-atypical), особенно это относится к сыновьям [19]. Детям поручают работу по дому, соответствующую гендерным стереотипам, покупают им соответствующие полу игрушки, одежду, по-разному оформляют детские комнаты, тем самым создавая условия для формирования культурно приемлемых образцов маскулинного и феминного поведения.

Родители также служат первичными ролевыми моделями в разделении труда.

Дети из семей, в которых не принято гендерное равенство или где отец не участвует в воспитании детей, быстрее усваивают гендерные стереотипы и менее склонны к эгалитарности. Трудовая же занятость матери ей, наоборот, способствует.

Таким образом, различия между практиками женщин и мужчин возникают потому, что воспитание, процесс социализации, общественные представления разделяют их по разным видам деятельности, формируя у них соответствующие интересы. Биосоциальный подход позволяет рассматривать отцовство с «экспрессивной» стороны и учитывать особенности характера, субъективный опыт, социальный контекст, общественные ожидания в формировании поведения отцов.

Итак, в западной традиции существуют несколько подходов к изучению отцовства и роли мужчины: «инструментальный» подход биологического детерминизма, в котором отец выступает как продолжатель рода, хранитель частной собственности и ролевая модель для детей, прежде всего сыновей, — этот подход превалировал в эпоху индустриального общества, когда отец выступал как патриарх, и его слово было законом; социальный конструктивизм, рассматривающий функции мужчины в семье с точки зрения маскулинного давления и утверждения гегемонии над женщиной и детьми, — примета постиндустриального общества, когда в женщины стали активно заявлять о своих правах и выходить на рынок труда; биосоциальная теория, стремящаяся объединить биологическую детерминированность отцовства с социальным, культурным и личностным контекстом, — именно с позиций этой теории в современной социологии изучаются отцовские практики и культурные нормы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] *Де Бовуар С.* Второй пол. М.: Прогресс, 1997.
[2] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
[3] *Коннелл Р.* Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика. М.: НЛО, 2015.
[4] *Парсонс Т.* О социальных системах. М.: Академический проект, 2002.
[5] *Сорокин П.А.* Кризис современной семьи // Вестник МГУ. Серия 18 «Социология и политология». 1997. № 3.
[6] *Спенсер Г.* Воспитание умственное, нравственное и физическое. Мн.: Белорусская энциклопедия, 2006.
[7] *Спенсер Г.* Основания социологии. Т. 2. СПб.: Издание И.И. Билибина, 1877.
[8] *Тартаковская И.Н.* Гендерная социология. М.: ООО Вариант, 2005.
[9] *Шарль К.* Интеллектуалы во Франции. Вторая половина XIX века. М.: Новое издательство, 2005.
[10] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные сочинения. М.: Политиздат, 1987.
[11] *Эсхил.* Трагедии. М.: Художественная литература, 1971.
[12] *Connell R., Messerschmidt J.* Rethinking hegemonic masculinity // Gender and Society. 2005. December.
[13] European Social Survey. URL: http://www.europeansocialsurvey.org.
[14] *Hochschild A.R.* The Time Bind. N.Y.: Henry Holt, 1997.

[15] *Komarovsky M.* Functional analysis of sex roles // American Sociological Review. 1950. Vol. 15. No 4.
[16] *Mitscherlich A.* Society without the Father. URL: http://www.e-reading.link/bookreader.php/1009840/Mitscherlich_Society_Without_the_Father.html.
[17] *Sumner W.* Folkways. URL: http://www.gutenberg.org/ebooks/24253.
[18] *Wood W., Eagly A.H.* A cross-cultural analysis of the behavior of women and men: Implications for the origins of sex-differences // Psychological Bulletin. 2002. Vol. 128.
[19] *Wood W., Eagly A.H.* Biosocial construction of sex differences and similarities in behavior // *Advances in Experimental Social Psychology* / Ed. by M.P. Zanna, J.M. Olson. San Diego: Academic Press, 2012.

EVOLUTION OF SOCIOLOGICAL EXPLANATIONS OF FATHERHOOD: FROM H. SPENCER TO R. CONNELL

A.N. Lipasova

National Research University — Higher School of Economics,
Moscow, Russia

The author considers and compares several approaches to the concept of fatherhood in the Western sociological tradition: biological determinism, social constructivism and biosocial theory. The issue of fatherhood and men's parental practices are marginalized in the Russian social studies of the family, which reinforces the traditional inequality in family relations when the father's role is considered secondary compared to the mother's. However, in the Western critical men's studies there are several periods: development of "sex roles" paradigm (biological determinism), emergence of the hegemonic masculinity concept, inter-disciplinary stage (biosocial theory). According to the biological determinism, the role of a father is that of the patriarch, he continues the family line and serves as a behavioral model for his ascendants. Social constructivism considers man's functions in the family from the point of view of masculine pressure and hegemony over the woman and children. Biosocial theory aims to unite the biological determinacy of fatherhood with its social, cultural and personal context. The article shows that these approaches are directly connected with the level of social development, perception of marriage and family institutions, and the level of gender order egalitality.

Key words: fatherhood; gender; family institution; biological determinism; sex roles theory; social constructivism; biosocial theory

REFERENCES

[1] *De Beauvoir S.* Vtoroj pol [The Second Sex]. M.: Progress, 1997.
[2] *Durkheim E.* O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii [The Division of Labour in the Society. The Rules of the Sociological Method]. M.: Nauka, 1991.
[3] *Connell R.* Gender i vlast': obshhestvo, lichnost' i gendernaja politika [Gender and Power: Society, Personality and Gender Policy]. M.: NLO, 2015.
[4] *Parsons T.* O social'nyh sistemah [The Social System]. M.: Akademicheskij proekt, 2002.

[5] *Sorokin P.A.* Krizis sovremennoj sem'i [The crisis of modern family]. *Vestnik MGU. Serija 18 "Sociologija i politologija"*. 1997. No 3.
[6] *Spencer H.* Vospitanie umstvennoe, nravstvennoe i fizicheskoe [Education: Intellectual, Moral and Physical]. Minsk: Belorusskaja jenciklopedija, 2006.
[7] *Spencer H.* Osnovanija sociologii. T. 2. [The Principles of Sociology. Vol. 2]. SPb.: Izdanie I.I. Bilibina, 1877.
[8] *Tartakovskaja I.N.* Gendernaja sociologija [Gender Sociology]. M.: OOO Variant, 2005.
[9] *Charle Ch.* Intellektualy vo Francii. Vtoraja polovina XIX veka [French Intellectuals. The Second Part of XIX Century]. M.: Novoe izdatel'stvo, 2005.
[10] *Engels F.* Proishozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva [The origin of the family, private property and the state]. *Marx K., Engels F.* Izbrannye sochinenija. M.: Politizdat, 1987.
[11] *Aeschylus*. Tragedii [Tragedies]. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1971.

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Д.А. Захарьян*

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

В статье представлена эволюция представлений о социальном государстве как справедливом, в основе которых лежит концепция общественного договора. В последствии Л. фон Штейном было сформулировано, что целью социального государства не является изменение классовой структуры общества и искоренение противоречий между самими классами, оно пытается сбалансировать и минимизировать противоречия, используя для этого изменения в отношении к собственности, тем самым давая возможность человеку менять свою классовую принадлежность. Основным условием существования социального государства является отсутствие противоречия его политики с интересами граждан, которое обеспечивает политическую стабильность и безопасное существование их. Центральной идеей социального правового государства становится обеспечение прав гражданина путем государственных социальных гарантий. С течение времени трансформировались функции государства и его ответственность перед гражданами: происходит размывание государственной, частной и корпоративной ответственности за предоставление и исполнение социальных услуг. В большинстве случаев социальные программы создаются государством, однако они могут быть предоставлены и со стороны коммерческих организаций. Одной из причин этого может являться развитие «общества потребления», в котором все вещи и услуги имеют материальную ценность и выгоду. Социальное государство базируется на принципе социальной справедливости распределения благ среди населения. Каждое демократическое государство стремится к тому, чтобы стать социальным. Однако это подразумевает достаточно высокий уровень доверия к власти.

Ключевые слова: социальное государство; демократия; доверие; власть; государство благоденствия; социальные реформы; функции государства; социальные программы

Становление страны как социального государства является неотъемлемой частью развития любого демократического режима государственного управления. Социальное государство представляет собой политическую систему, которая перераспределяет социальные блага таким образом, чтобы все граждане имели достойный уровень жизни. В настоящее время примерами политики социального государства могут служить различные государственные социальные программы, проводимые для повышения уровня жизни той или иной социальной группы граждан (чаще всего социально незащищенных групп). В основе социального государства лежит принцип социальной справедливости.

Классическое определение справедливости принадлежит Аристотелю: «справедливость есть равное, но не только для равных». Основы современной (либеральной) концепции справедливости были заложены Т. Гоббсом, Дж. Локком, Ш. Монтескье и т.д. Однако началом современной дискуссии о справедливости положило появление в 1971 г. работы американского философа Дж. Роулза «Теория справедливости». Основу его модели, которая называлась «справедливость как честность», легла классическая идея общественного договора, разработанная

* © Д.А. Захарьян, 2016.

Локком, Гоббосом и Руссо. Роулз писал о том, что его концепция «представляет собой попытку сформулировать принципы справедливости, которые отразили бы основные нормативные результаты, достигнутые западной мыслью за последние три столетия» [3].

Размышления на тему необходимости появления высокой доли гуманизма в управлении государством, помощи обездоленным и незащищенным слоям существовали еще у Аристотеля и Платона. Ближе в середине XIX в. теории утопистов о социальной сущности государства и теория К. Маркса о социальных регуляторах развития государственности оказались недостаточными из-за повышения важности роли социальных функций, исполняемых государством. Государство стало выступать в новом качестве и обладать новыми социальными характеристиками.

Первыми на социальное государство обратили внимание немецкие ученые XIX в.: Л. фон Штейн, Ю. Оффнер, Ф. Науманн, А. Вагнер. Само понятие «социальное государство» было введено в науку в 1850 г. немецким историком, философом и экономистом Лоренцом фон Штейном. Это было первым этапом (первой ступенью) в развитии теории «социального государства». Он считал, что любая монархия не будет иметь смысла, если будет отказывать от социальных реформ. Это послужило основой для создания теории социальной монархии, которая в дальнейшем переросла в теорию социального государства.

В определении социального государства Штейн дал новое понимание основных функций государства. Ученый говорил о том, что социальное государство «обязано поддерживать абсолютное равенство в правах для всех различных общественных классов, для отдельной частной самоопределяющейся личности посредством своей власти. Оно обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве» [5].

Целенаправленная политика государства, по Штейну, включает в себя в том числе проведение социальных реформ. В связи с тем что государство находится на ступень выше капитала и труда и «сильно терпит от зависимого положения низшего, чисто рабочего класса», так как численность этого класса напрямую влияет на уровень бедности самого государства.

Л. фон Штейн считал, что прямая обязанность государства — это проведение социальных реформ, направленных на положение рабочего класса, который является самым многочисленным. По мнению ученого, у государства есть все возможности для создания таких условий, при которых труд мог бы приводить к приобретению собственности рабочими. Этот путь превращает государство в социальное и позволяет обеспечить каждому человеку условия благосостояния. Основными условиями для этого является не духовное или хозяйственное богатство как таковое, а именно свободная мобильность внутри классов, которая делает это богатство достижимым для каждого человека [7].

Стоит отметить, что целью социального государства не является изменение классовой структуры общества и искоренение противоречий между самими клас-

сами. Социальное государство пытается сбалансировать и минимизировать эти противоречия, используя для этого изменения в отношении к собственности человека, тем самым давая ему возможность менять свою классовую принадлежность. Социальное государство стремиться к тому, что сгладить межклассовые противоречия и различия, сбалансировать их. Классовая мобильность помогает людям путем изменения отношения к собственности практически свободно менять свою классовую принадлежность.

Для государства очень важным является выполнение своих социальных функций — это служит гарантом его целостности и мирного существования общества. Однако важным моментом является то, что интересы общества нужно не подчинять, а искать консенсус с ними и гармоничное разрешение противоречий. Если этого консенсуса найдено не будет, и государство не сможет выполнять свои социальные функции, то появляется риск возникновения гражданской войны и власти физических лиц, которая убивает государство как целостность [7].

Согласно Штейну, основными задачами социального государства являются: 1) помощь, тем, кто чего-то лишен; 2) помощь в осуществлении межклассовой мобильности. На основе этого он выводит три управленческие функции социального государства: способствование юридически свободной межклассовой социальной мобильности; забота об общественной нужде, которая призвана обеспечить каждой личности физические условия самостоятельности; содействие труду, не обладающему капиталом, в достижении хозяйственной самостоятельности, например через вспомогательные кассы, страховое дело, самопомощь в форме союзного строя неимущих [7].

Штейн считал, что социальную справедливость в обществе может гарантировать лишь государство. В этом контексте он выделил основные характеристики такого государства:

— поддержание абсолютного равенства в правах своих граждан (как отдельных личностей, так и классов, наций). Они вправе требовать от государства выполнение его обязанностей и предоставления благ всем в равной степени (экономических, научных и т.д.). Штейн писал следующее: «внешним правовым проявлением сущности социального государства являются те социальные обязанности государства перед гражданами, которые, как правило, закрепляются на конституционном уровне в виде системы прав человека и гражданина. Именно обязанность государства заботиться о своих гражданах, а не сама забота, составляет главное принципиальное отличие социального государства от всякого другого» [4]. Таким образом, основной отличительной чертой социального государства является принятие на себя социальных обязанности обеспечения своих граждан;

— использование власти для выполнения своих функций. Она нужна в случае, когда социальные реформы возможно провести только с помощью государственного принуждения. Так, например, при распределении бюджета для социальных программ на первый план могут выйти интересы более сильных и влиятельных членов общества. Не смотря на то, что сама программа будет нацелена скорее на незащищенные слои населения. Благодаря обладанию высшей властью госу-

дарство может бороться с заинтересованными членами, которые, как и все остальные, должны подчиняться государству, являясь его гражданами;

— заинтересованность самого государства в выполнении взятых на себя обязанностей. Целью любого государства является сохранение своей целостности и поддержание существующего политического и социального строя. Соответственно, государство стремится к тому, чтобы его граждане были удовлетворены уровнем и качеством своей жизни. Это помогает избежать классовых противоречий, предоставить возможность развития своим граждан, а также сохранить целостность и стабильность самого государства.

Иначе говоря, когда целостности государства угрожают революционные изменения, власть принимает решение о предоставлении каждому гражданину условий или гарантий достоянного существования. Именно благодаря принятию такого решения государство становится социальным [4].

Государство стремится к тому, чтобы власть чувствовала себя в безопасности, а оно само сохраняло политическую и социальную стабильность. Однако по мнению Штейна, оно не должно останавливаться в своем развитии после того, как станет социальным государством. На развитие государства влияют все его граждане, чем меньше они развиты, тем меньше развито само государство. Все цели, поставленные государством, должны быть реальными и осуществимыми, удовлетворить все потребности и мечты граждан невозможно. В этом контексте стоит говорить о совпадении интересов государства и общества. Штейн полагал, что главной целью государства является сохранение его социально-политической стабильности через установление баланса между общественными интересами. Эта цель включает снижение остроты вопроса о социальном неравенстве через обеспечение достойной жизни всем гражданам. Основным условием существования социального государства является отсутствие противоречия его политики с интересами граждан, которое обеспечивает политическую стабильность и безопасное существование в нем граждан.

С течением времени и внедрением социального государства в практику правления его социальные функции стали одним из способов удовлетворения потребностей общества, одновременно порождая новые потребности. Остальные способы удовлетворения социальных потребностей разделяются на два фронта: либо переходят к государству (страхование), либо становятся общественными (благотворительность).

Одновременно с термином «социальное государство» в 80-е гг. XIX в. в Германии появляется другой термин — «государство благоденствия», политика которого направлена на улучшение жизни своих граждан. Однако в общем смысле «государство благоденствия» становится синонимом социальному и подразумевает наделение государства социальной ответственностью. В 1930 г. понятие «социального государства» было соединено с понятием «правового государства», результатом этого симбиоза стало образование понятия «социального правого государства» (Г. Геллер). Центральной идеей социального правового государства становится обеспечение прав гражданина путем государственных социальных гарантий.

Закрепление за государством социальных функций произошло после установления связи между социальным государством и его правовой природой. В этот момент социальные функции государства выходят на первый план и становятся ведущими для осуществления внутренней политики. Личные права человека становятся основополагающими для формирования власти, политической природы государства и его социальных функций, которые избираются самими гражданами. В этот же момент происходит окончательная передача социальных функций от общества к государству и признание их на правовом уровне.

Русский ревизионистский марксизм (П.Б. Струве, А.С. Изгоев, Б.А. Кистяковский), который акцентировал внимание на том, что социальное государство стоит рассматривать как «социально-правовое государство, или социально справедливое государство», выдвинул идею обусловленности социального государства. В 1909 г. Б.А. Кистяковский ввел в обиход понятие «социалистическое правовое государство», в основе которого лежали принципы естественного права.

Правовое обоснование существования социального государства стало большим толчком для развития представлений о его социальной сущности. Приобретение социальным государством правового обоснования стало большим толчком для развития представлений о государстве и о его социальной сущности. Дальнейшая трансформация государственных социальных функций произошла благодаря формальному закреплению таких понятий, как равенство, солидарность и права. Этот этап можно назвать второй ступенью в развитии понятия социального государства (первой ступенью была теория Лоренца фон Штейна).

Начало следующему этапу развития представлений о социальном государстве положил У. Беверидж (английский политический деятель и экономист), выступив с докладом парламенту Великобритании «Полная занятость в свободном обществе» (План Бевериджа по социальному обеспечению) в 1942 г. В докладе автор рассказывал об основных принципах «государства благосостояния» и выдвигал гипотезу о гарантированном едином национальном минимальном доходе. Основой была тесная связь социальной политики с государственной экономической политикой, нацеленной на обеспечение полной занятости граждан. С этого времени термин «государство благосостояния» — «*welfare state*» — стал синонимом социального государства в англоязычных странах [2].

В период до 60-х гг. происходило углубление теории социального государства, или государства благоденствия, а также — практическая реализация идеи социального государства на национальном уровне. Одним из проявлений исполняемых государством социальных функций на данном этапе стало предоставление социальных услуг.

Начиная с середины 40-х и по 60-е гг. XX столетия становление социального государства можно выделить в особый этап, который является этапом социальных услуг и связан с приобретением государством абсолютно новых для него социальных функций. Государство берет на себя ответственность за исполнение следующих социальных обязательств: обеспечение рабочих мест для населения, создание доступной среды для инвалидов, создание программ по реабилитации неко-

торых социальных групп, создание государственных программ по обеспечению достойных условий для жизни отдельных категорий населения.

Иными словами, новой функцией государства становится предоставление социальных услуг. Их особенностью является попытки компенсировать индивиду его невозможность достижения определенных стандартов жизни. Государство формирует условия для достижения индивидами этого стандарта, причем давая равные возможности для всех социальных групп. При этом на государстве лежит ответственность за соблюдение этой функции, из-за которой может происходить своеобразное навязывание гражданам принятых в общества стандартов.

Важность этапа формирования социальных услуг обусловлена переходом государства от пассивной социальной политики к активной [2]. В этот период протекает осознание государством его социальной роли и важности исполнения социальных функций на государственном уровне. В течение 50 лет произошло признание за государством социальных функций и их правовой узаконивание как неотъемлемых атрибутов государства (например, как право и демократия).

Впервые природа социальным государством себя провозгласила Федеральная Республика Германии в 1949 г. Она внесла в свою конституцию поправку о том, что «Федеративная Республика Германия является демократическим и социальным правовым федеративным государством» (Sozialer Rechtsstaat). Такая поправка означала, что основой для функционирования нового государства выступают принципы социальности, а власть нацелена на обеспечение достойного уровня жизни и удовлетворение потребностей своих граждан. Позднее социальным государством себя провозгласила Франция, Швейцария и Швеция. В последствие к ним присоединились Турция и Испания. После внесения поправок в государственный статус многие политические партии стали пропагандировать принцип социальности в своих предвыборных компаниях, обещая электорату лучшую жизнь без всяких нужд.

Чуть позже появляется новое понятие «государства благоденствия». По смыслу оно схоже с понятием «социальное государство», однако, как уже было сказано ранее, с течением времени они стали трактоваться по-разному. Это связано прежде всего с национальными особенностями каждого отдельного государства, менталитетом и методами реализации социальных функций государства.

В период с 60-х по 90-е гг. XX в. понятие «государство благоденствия» сменяется понятием «государство всеобщего благоденствия», трактовка которого отличается от понятия социального государства. Государство всеобщего благоденствия своей целью имеет достижение относительно равного высокого уровня качества жизни всех без исключения граждан. Эта идея становится доминирующей в идеологии и в социальной практике развитых государств, а понятие «государство всеобщего благоденствия» в этот период становится ведущим, отодвинув на второй план понятие социального государства.

Период с конца 50-х и до середины 80-х гг. XX в. можно обозначить как четвертый этап развития социального государства — этап всеобщего благоденствия. Однако в официальной политике в этот период чаще употребляют термин «со-

циальное государство», что связано с двумя основными причинами: 1) «Социальное государство» является исторически более ранним и наиболее устоявшимся понятием, которое впоследствии становится обобщенным родовым понятием всего синонимического ряда, обозначающего данный государственный тип; 2) «Социальное государство» воспринималось скорее в негативном контексте, нежели «государство всеобщего благоденствия». В последнем акцент делался на принцип всеобщей компенсации, что было более нейтральным для восприятия, так как связано с выполненными для государства задачами, а следовательно, и являлось более предпочтительным с политической точки зрения [2].

На фоне резкого повышения уровня жизни в развитых странах в 50—60-е гг. возникает идея «государства всеобщего благоденствия», когда система страхования социальных рисков приобретает всеобщий масштаб и фактически полностью компенсирует неопределенность будущего. Такое государство может хорошо поддерживать гражданскую сплоченность и помогать реализовывать основные социалистические принципы, благодаря стремлению к обеспечению высокого уровня всех своих граждан. Все остальные функции, задачи и цели (политические, экономические) государства подчинялись именно этому стремлению. Государство всеобщего благоденствия можно назвать конечным продуктом системы социального страхования, которая обеспечивала социализацию традиционных рисков, в том числе главного — риска потери доходов.

В теоретическом плане переход к государству всеобщего благоденствия сулил отказ от модели социального государства, для которой характерно установление жесткой связи между уровнем социальной защиты и успешностью профессиональной деятельности, и переход к реализации принципов распределительной справедливости. Коммутативная справедливость базируется на принципе правомерных ожиданий и предполагает правовую определенность статуса участников общественных отношений и «заключается в формальном равенстве прав», она основывается на принципе взаимности и следует правилу «каждому по заслугам». Корректирующая справедливость ставит своей целью экономическое равенство. Ее основным принципом является перераспределение благ между богатыми и бедными слоями населения и следует правилу «каждому по потребности». В этом случае необходимо вмешательство со стороны государства, в то время как коммуникативная справедливость может осуществлять свои принципы самостоятельно. Система социального страхования государства всеобщего благоденствия основывается на принципе равенства и механизме перераспределения через сверх понимание солидарности. Благодаря солидарности главной функцией государства становится перераспределение благ между гражданами.

Безусловно, социальные программы создаются в большинстве случаев самим государством, однако страхование может быть предоставлено со стороны коммерческих организаций. Одной из причин этого может являться развитие «общества потребления», в котором все вещи и услуги имеют материальную ценность и выгоду.

Факт развития современного общества потребления, про которое в своих трудах писал Жан Бодрийяр, оказывает влияние не только на преобладание коммер-

ческой сферы услуг, но и на функционирование государственной сферы. Часть граждан в России считают, что власть действует исключительно в своих интересах, но не в интересах граждан страны. Из-за этого государственные и социальные программы часто сталкивается с проблемой их неприятие со стороны общества. Одним из факторов такой реакции на нововведения государства является отсутствие достаточного количества информации, которая могла бы делать действия властей более прозрачными и рассказывать населению про новые программы и возможности. Однако, по данным ВЦИОМ, отношение к органам государственной власти постепенно улучшается, по сравнению с предыдущими годами (см. табл. 1). Особенно резкий скачок доверия к власти можно наблюдать, начиная с 2014 г., что можно связать с событиями на Украине и присоединением Крыма [1].

Таблица 1

Динамика оценок одобрения и неодобрения деятельности государственных институтов (1)

	Ноябрь 2013			Ноябрь 2014			Ноябрь 2015		
	+	–	0	+	–	0	+	–	0
Президент РФ	59,1	31,1	9,8	86,2	8,4	5,4	88,3	7,5	3,8
Правительство РФ	45,1	41,0	13,9	64,0	22,8	13,2	63,5	25,9	10,6
Госдума РФ	34,5	47,9	17,6	45,3	30,1	24,6	52,6	30,1	17,3
Совет Федерации	33,9	37,3	28,8	43,9	23,9	32,2	53,4	21,2	25,4

В настоящее время в СМИ все чаще можем услышать о тех или иных программах, создаваемых государством для своих граждан (например, социальная программа «Доступная среда» или программа «Материнский капитал», программы Пенсионного фонда РФ). Эти попытки вовлечения и просвещения общества делают действия властей, в том числе и расход бюджетных средств, более прозрачными и понятными для граждан, что в свою очередь влияет на уровень доверия к государственным институтам власти [6]. Стоит отметить, что для обеспечения государственных целевых программ используется программно-целевой принцип распределения бюджета. Его суть заключается в группировке бюджетных средств таким образом, чтобы каждая программа имела свою закрепленную статью расходов. Благодаря такому планированию бюджета обеспечивается прозрачность расхода государственных средств, показывая то, на что конкретно они идут.

Таким образом, с течением времени изменялся подход к определению социального государства, трансформировались его функции и его ответственность перед гражданами. Если раньше основной целью социального государства являлось улучшение качества жизни всего населения со стороны государства, то в наше время происходит размывание государственной, частной и организационной (организации, ассоциации) ответственности за предоставление и исполнение социальных услуг.

ПРИМЕЧАНИЕ

(1) Данные представлены на основании всероссийских опросов «Омнибус». В каждом опросе принимали участие 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] ВЦИОМ: «Одобрение деятельности государственных институтов». URL: http://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennyx_institutov.
[2] *Калашников С.В.* Очерк теории социального государства. М., 2006.
[3] *Канари Г.Ю.* Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. М., 2011.
[4] *Кочеткова Л.Н.* Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество. 2008. Вып. 3.
[5] *Милецкий В.П.* Социальное государство: эволюция идей, сущность и перспективы становления в современной России // Политические процессы в России в сравнительном измерении / Под ред. М.А. Василика, Л.В. Сморгунова. СПб., 1997.
[6] *Пузанова Ж.В., Захарьян Д.А.* Общественная палата Российской Федерации как инструмент взаимодействия общества и власти: подходы к оценке эффективности деятельности // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2014. № 2.
[7] *Штейн Л. фон.* Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии. СПб., 1874.

WELFARE STATE: MILESTONES OF DEVELOPMENT AND THE CURRENT STATUS

D.A. Zakharyan

Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia

The article describes the evolution of ideas about the social state as a fair state based on the concept of the social contract. L. von Stein argues that the purpose of the welfare state was not changing the class structure of society and the elimination of the contradictions between the classes, but rather balancing and minimizing conflicts with the help of property transformations allowing a person to change one's class affiliation. The main condition for the existence of the welfare state is its policies compliance with the interests of citizens, which provides political stability and social security. The central idea of the welfare constitutional state is that the rights of citizens are guaranteed by the state. The functions of the state and its social responsibilities were transforming over time mainly due to the erosion of state, private and corporate responsibility for providing social services. In most cases, the social programs are developed by the state, but they can also be provided by commercial organizations in the "consumer society", in which all things and services have a material value and benefit. The welfare state is based on the principle of social justice in the distribution of wealth among the population, thus, every democratic state seeks to become a welfare state, which implies a high level of confidence in the government.

Key words: welfare state; democracy; confidence; power; social reforms; functions of the state; social programs

REFERENCES

[1] VCIOM: "Odobrenie dejatel'nosti gosudarstvennyh institutov" [Public approval of the state institutions activities]. URL: http://shhciom.ru/neshhs/ratings/odobrenie_dejatelnosti_gosudarstvennyh_institutov

[2] *Kalashnikov S.V.* Ocherk teorii social'nogo gosudarstva [Essay on the Welfare State Theory]. M., 2006.
[3] *Kanarsh G.Ju.* Social'naja spravedlivost': filosofskie koncepcii i rossijskaja situacija [Social Justice: Philosophical Theories and the Situation in Russia]. M., 2011.
[4] *Kochetkova L.N.* Teorija social'nogo gosudarstva Lorenza von Steina [L. von Stein theory of welfare state]. Filosofija i obshhestvo. 2008. Vyp. 3.
[5] *Miletskiy V.P.* Social'noe gosudarstvo: jevoljucija idej, sushhnost' i perspektivy stanovlenija v sovremennoj Rossii [Welfare state: The evolution of ideas, the essence and prospects for formation in contemporary Russia]. Politicheskie processy v Rossii v sravnitel'nom izmerenii. Pod red. M.A. Vasilika, L.V. Smorgunova. SPb., 1997.
[6] *Puzanova Zh.V., Zahar'jan D.A.* Obshhestvennaja palata Rossijskoj Federacii kak instrument vzaimodejstvija obshhestva i vlasti: podhody k ocenke jeffektivnosti dejatel'nosti [Public Chamber of the Russian Federation as a tool of interaction between society and the authorities: Approaches to assess its effectiveness]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Politologija. 2014. No 2.
[7] *Stein L. von.* Uchenie ob upravlenii i pravo upravlenija s sravneniem literatury i zakonodatel'stv Francii, Anglii i Germanii [The Doctrine of Management and the Right to Administer with the Comparison of Literature and Legislation of France, England, and Germany]. SPb., 1874.

РЕЦЕНЗИИ

МАЛЕНЬКАЯ КНИГА О БОЛЬШОЙ ПРОБЛЕМЕ, ИЛИ МАКРОВЗГЛЯД НА ТО, ЧТО МЫ ЕДИМ

Шагайда Н.И., Узун В.Я. **Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы.**
М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 110 с.

В последнее время в государственном, медийном и научном дискурсах прочные позиции завоевало понятие «продовольственная безопасность» — термин, еще несколько лет назад способный смутить любого специалиста своим не вполне понятным содержанием и множеством возможных коннотаций. Сегодня ситуация радикально изменилась, чему немало способствовала российская риторика импортозамещения в русле протекционистской государственной политики продовольственного обеспечения (ее суть — наращивание собственного агропроизводства) и продовольственное эмбарго, введенное в ответ на западные санкции. Однако обретенная термином «продовольственная безопасность» «прописка» в государственной, научной и медийной риторике отнюдь не делает его прозрачным: государственная политика достаточно противоречива, одни решения здесь диктуются нестабильной внешнеполитической ситуацией, другие — требованиями внутреннего рынка и финансовыми возможностями федеральных властей; медийное освещение вопросов продовольственного обеспечения страны варьирует от безусловной поддержки государственных решений до резко критических оценок постсоветской экономической политики в целом и конкретных мер последних лет в частности.

Разнообразие трактовок продовольственной безопасности удивительно потому, что ее базовое определение было принято еще на Всемирном продовольственном саммите в 1996 г.: «Продовольственная безопасность существует тогда, когда все люди в любое время имеют физический и экономический доступ к достаточному количеству безопасной и питательной пищи, позволяющей удовлетворять их пищевые потребности и предпочтения для ведения активного и здорового образа жизни» [10. С. 6]. Причем это определение изначально предполагало национальные и исторические уточнения, поскольку в конкретный момент времени в определенном геополитическом и экономическом пространстве обеспечение продовольственной безопасности может требовать решения очень специфических

задач [8], как то: глобальное искоренение голода и недоедания [5], гарантии безопасности продуктов питания [6], устойчивое развитие сельских сообществ [7], снижение рисков агропромышленного производства, либерализация внешней торговли (обеспечение безбарьерной свободной торговли) или, наоборот, укрепление протекционистской политики, в рамках которой продовольственная безопасность на уровне интерпретаций и практической реализации превращается в продовольственную независимость, требующую не столько борьбы с голодом и недоеданием населения, сколько поддержки отечественных производителей продовольствия вопреки интересам международного рынка.

Другим близким продовольственной безопасности понятием является «продовольственный суверенитет», или «право людей, стран или союзов государств самостоятельно определять свою продовольственную и аграрную политику» [9. С. 122].

Данный термин более политизирован в том смысле, что предполагает контроль гражданского общества конкретной страны (или международных объединений гражданских активистов) за деятельностью глобальных продовольственных компаний и местных (на уровне страны) властей, предоставляющих им доступ на рынки продовольствия.

Понятие продовольственного суверенитета не вполне актуально для российских реалий, где «сложился особый его тип, потому что в стране не существует организованных субъектов, которые могли бы явно и четко сформулировать соответствующие дискурсы и скоординировать свои действия» [2. С. 2]. Российское население заменяет отсутствие коллективных действий «снизу» и солидаристской идеологии сетями взаимной поддержки в рамках неформальной [1] или моральной экономики [3], имеющей длительную историческую традицию [11], обеспечивая тем самым своим семьям (и стране) «тихий продовольственный суверенитет» [2].

В последнем случае от официальных государственных моделей продовольственной безопасности мы переходим на микроэкономический уровень.

Здесь кроется одна из основных проблем научного анализа продовольственной безопасности — как правило, ее базовые параметры задаются геополитическими и макроэкономическими соображениями и реалиями, тогда как, по сути, речь идет о рутинных практиках обеспечения домохозяйствами себя продуктами питания. Нередко второй аспект продовольственной безопасности упускается из рассмотрения как незначимый, и рассуждения исследователей выстраиваются по формуле «государство/крупные производители принимают такие-то решения, населению приходится соответствующим образом выстраивать свои продовольственные практики и привычки». Подобная логика имеет право на существование, хотя «прыжки» с макроуровня на микроуровень часто вызывают у читателей такого типа работ сомнения в том смысле, что в макрополитическом и макроэкономическом контексте вряд ли кто слишком компетентен, а вот приводимые примеры из повседневности могут диссонировать с личным жизненным опытом читателей, учитывая сильнейшую региональную социально-экономическую дифференциацию российского пространства. Возможно, оптимальным форматом научных работ по продовольственной безопасности является четкая фокусировка либо на микро-

уровне рутинных практик продовольственного обеспечения домохозяйств, либо на макроуровне объективного политического и социально-экономического контекста, в котором людям приходится выстраивать, поддерживать или трансформировать эти практики.

Небольшая по объему книга Н.И. Шагайды и В.Я. Узуна — прекрасный пример работы второго типа, выполняющей, по сути, разъяснительно-просвещенческую функцию применительно к объективным макроэкономическим показателям продовольственной безопасности в Российской Федерации одновременно с диагностической и прогностической точек зрения. Поэтому книга содержательно лаконична (речь идет только о макрооптике, о возможностях обеспечения продовольственной безопасности «сверху», уклон целенаправленно сделан в государственнический дискурс, но не в апологетическом, а выдержанно-критическом ключе), тематически четко выстроена (акцент сделан на разработке методики экономического мониторинга состояния и угроз продовольственной безопасности, в том числе в сфере социальной стабильности), терминологически насыщена и предлагает статистически, а не идеологически фундированные оценки (что встречается не так часто в рассуждения о проблемах продовольственной безопасности в нынешней ситуации затянувшихся западных санкций и ответного продовольственного эмбарго).

Книга начинается с двух определений продовольственной безопасности — приведенного выше базового международного, сформулированного на Всемирном продовольственном саммите в Риме в 1996 г., и заданного в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента в 2010 г., и в общем созвучного международной трактовке в констатации основной цели — обеспечение населения безопасной сельскохозяйственной продукцией и иным продовольствием, но отличающегося от нее тем, что в России на первое место поставлены вопросы не обеспечения доступа (физического и экономического) населения к продовольствию, а производства необходимого объема продовольствия внутри страны. Этот вывод авторы делают, оценивая ранги перечисленных в Доктрине задач: обеспечение доступа к продовольствию и безопасности пищевых продуктов оказались в конце списка, в начале которого стоят критерии достижения продовольственной безопасности — «коэффициенты, по существу отражающие самообеспеченность продукцией собственного производства» (с. 6).

Впрочем, авторы не критикуют российские акценты в трактовке продовольственной безопасности, а подчеркивают необходимость ее мониторинга, в том числе для предотвращения негативных ситуаций в доступе к продовольствию (при общем отсутствии в стране проблемы голода в ряде регионов он ограничен по экономическим причинам). Задачи исследования, сформулированные во Введении, отражают последовательность шагов, необходимых для разработки и реализации мониторинга: выявление подходов к оценке продовольственной безопасности, оценка ее уровня и динамики, выявление угроз ей и способов их преодоления, разработка предложений по совершенствованию макроэкономических мер обеспечения продовольственной безопасности.

Учитывая небольшой объем книги, вряд ли имеет смысл говорить применительно к ней о главах — работа состоит из разделов, очень разных по объему, и следует не формальным критериям «визуальной красоты» текста, а задаче предоставления читателю всей необходимой информации.

В первом разделе охарактеризованы международные подходы к оценке продовольственной безопасности, его необходимость объясняется тем, что Россия является членом ряда международных и межправительственных организаций, занимающихся данной проблематикой в прикладном аспекте. В частности, авторы суммируют основные положения Концепции продовольственной безопасности ФАО (Организации по продовольственной безопасности и сельскому хозяйству при ООН), не всем из которых Россия следует: например, что продовольственная безопасность не означает самообеспечения, — российская Доктрина нацелена на достижение пороговых значений самообеспечения зерном — не менее 95%, сахаром — не менее 80%, растительным маслом — не менее 80%, мясом и мясопродуктами — не менее 85%, молоком и молокопродуктами — не менее 90% и т.д., или что производить продукты для своих нужд страна должна только в том случае, если имеет для этого сравнительные преимущества (этого правила Россия также не хочет придерживаться).

Далее приведены критерии оценки состояния продовольственной безопасности, в табулированном виде представлены позиции России и близлежащих стран по этим критериям, однако авторы уточняют, что к методике расчетов у них есть масса вопросов.

Отмечая, что часть показателей ФАО учитывается в системе российского мониторинга, а часть нет (индекс голода, распространение ожирения и пр.), авторы считают полезным «увязать систему мониторинга в нашей стране с подходами ФАО не только по направлениям, но и по конкретным показателям», чтобы «в одинаковых терминах характеризовать состояние продовольственной безопасности в России и мире, контролировать адекватность международных оценок по России» (с. 11), что, безусловно, оправданно, но вызывает некоторые опасения относительно последствий гиперунификации.

Второй раздел книги содержит авторскую оценку состояния мониторинга продовольственной безопасности в России. Перечислив конкурсы (на создание программного обеспечения, совершенствование информационно-аналитического обеспечения агропромышленного комплекса и т.д.), объявленные в 2011—2013 гг. Минсельхозом для оценки степени достижения 14 показателей и 8 критериев продовольственной безопасности, обозначенных в Доктрине, авторы, во-первых, затрудняются с оценкой масштабов реализации этой задачи применительно ко всем типам показателей — целевых, мониторинговых и прогнозных. Во-вторых, они отмечают «не полную синхронизированность» показателей в принятом Правительством в 2013 г. Распоряжении о перечне показателей в сфере обеспечения продовольственной безопасности (в целом следует отметить, что для книги характерна мягкая критическая тональность).

В-третьих, в разделе перечислены причины, по которым сегодня оценка состояния продовольственной безопасности по принятым правительством показа-

телям затруднена: несоответствие системы статистического наблюдения модели мониторинга; неучет заданными рациональными нормами фактической ситуации, особенно по потреблению мяса; использование неработающих критериев типа обеспеченности торговыми площадями на 1000 человек, исправить которые нельзя, и не вполне адекватных международных показателей типа физической доступности продовольствия (не соответствуют российским реалиям в силу территориальных и поселенческих особенностей страны); отсутствие четко прописанной и обоснованной методики анализа показателей; некорректная региональная «оптика» в оценках продовольственной безопасности (в стране выстроено единое экономическое пространство и т.д.). Также авторы отмечают «не полную синхронизированность» российских показателей тем, что приняты в ФАО, что затрудняет проведение межстрановых сопоставлений.

Завершает второй раздел критическое замечание, в целом типичное для оценки многих правительственных инициатив и деятельности российского государственного аппарата: сделаны и даже профинансированы «по форме необходимые шаги для создания системы мониторинга продовольственной безопасности ...однако эти шаги по каким-то причинам не привели к созданию работающей системы мониторинга», о чем свидетельствуют и «официальные публикации федерального уровня ...которые включают, как правило, анализ ограниченного круга показателей», и самодеятельность отдельных регионов, которые готовят аналитические материалы по интересующему именно их ограниченному кругу показателей (с. 16—17).

Третий и самый объемный раздел книги посвящен оценке достижения целевых показателей продовольственной безопасности на основе пороговых критериев, установленных Доктриной и Распоряжением. Основную и традиционную для российской управленческой действительности проблему авторы обозначают сразу: заданные государством в качестве наиболее важных параметры на деле не являются основными характеристиками продовольственной безопасности, а методика их оценки нуждается в пояснениях и корректировке.

Во-первых, отслеживая динамику продовольственной независимости по основным видам продукции и степень достижения установленных Доктриной пороговых значений, авторы приходят к выводу, что, используя разные методики расчетов (собственную, учитывающую экспорт, и предложенную Минсельхозом), можно получить разные результаты. Проблема не в том, что в итоге мы имеем разные «цифры», а в том, что по ряду принципиальных позиций (скажем, картофелю), согласно авторским расчетам, страна давно себя обеспечивает (и не только себя, но и другие страны, например, зерном), тогда как Доктрина все еще ориентирована на повышение объемов производства этих позиций, потому что по иным методикам расчета страна самообеспечения не достигла. По ряду позиций принятая государством методика расчетов требует уточнений, потому что Доктрина оперирует группами продуктов, но «по отдельным молокопродуктам продовольственная независимость нарушена в значительно большей мере (сыр)», и «по отдельным видам мясной продукции продовольственная безопасность существенно различается» (с. 21).

Причем если в одних случаях Доктрина прописана чрезмерно абстрактно-общо, то в других, наоборот, слишком узко — «устанавливает пороговые уровни продовольственной независимости по отдельным продуктам, но не дает обобщенного показателя, характеризующего уровень продовольственной независимости России в целом, по всем видам продовольствия» (с. 23).

Авторы считают обобщенный показатель принципиально важным для макроэкономического мониторинга и предлагают собственную методику его исчисления и расчеты, согласно которым «общий уровень продовольственной независимости России за анализируемый период (1997—2013) изменялся в относительно узком диапазоне. Минимальный уровень продовольственной независимости был в 1999 г. (79%), максимальный — в 2012 г. (89%). В последние 15 лет уровень колеблется около 86—89%» (с. 23—24). В качестве существенного фактора, влияющего на этот уровень, назван рост экспорта продовольствия и сельскохозяйственной продукции, а не колебания курса национальной валюты, роль которых, по мнению авторов, исследователи либо переоценивают (считают основополагающим фактором, хотя это лишь дополнительный стимул), либо интерпретируют неверно (якобы ослабление национальной валюты всегда способствует росту внутреннего производства и сокращению импорта, что не соответствует действительности).

Во-вторых, авторы критически оценивают такой целевой индикатор продовольственной безопасности, как средний уровень достижения рациональных норм (рассчитаны Минздравом) потребления пищевых продуктов на душу населения, т.е. удовлетворение потребностей населения в основных видах продовольствия.

Социологи прекрасно знают проблему «средних», и в данном случае она состоит в том, что, согласно средним данным по потребительским балансам (статистике потребления), по шести основным группам продуктов питания россияне превысили рациональные (или рекомендуемые) нормы (например, по сахару, картофелю, хлебу, растительному маслу), а по другим четырем группам (по говядине, фруктам и ягодам, молоку и молокопродуктам) еще их не достигли. Разные методики расчетов и здесь дают различающиеся результаты, причем авторы не предлагают собственную методику, а показывают расхождение данных двух подходов Росстата — расчетов на основе баланса продовольственных ресурсов (по информации от сельхозпроизводителей, торговых предприятий, таможенных служб и пр.) и результатов выборочных обследований бюджетов домохозяйств: согласно последним реальное потребление россиянами второй из двух обозначенных выше групп продуктов на самом деле выше, а первой — наоборот, ниже (с. 28).

Признавая обоснованность методических объяснений данного расхождения Росстатом, авторы все же отмечают, что оно ставит под сомнение саму возможность объективной оценки соответствия рациона питания россиян неким рациональным нормам, а потому предлагают: (а) определить, какие данные Росстата нужно использовать для мониторинга продовольственной безопасности, а какие — нет; (б) более четко прописать рекомендуемые нормы потребления (сейчас в них предусмотрены группы продуктов, по которым не собираются статистические данные); (в) скорректировать методику расчета энергетической и питательной ценности рациона, согласовав подходы Роспотребнадзора и Росстата; (г) отказать-

ся от некритического следования и гиперболизации значения рациональных норм потребления, утвержденных Минздравом, признав их лишь в качестве рекомендаций, поскольку эти нормы не учитывают цены продуктов, доходы населения и вкусовые предпочтения потребителей; (д) учитывать в анализе потребления продуктов питания социально-экономическую дифференциацию (доходы), региональную (климатические условия) и поселенческую (доступ к продовольствию сельского и городского населения); (е) увеличить число коэффициентов (сегодня их 10), по которым оценивается удовлетворенность потребности субъектов Российской Федерации в основных продуктах питания, чтобы учесть различия внутри продуктовых групп, — авторы применяют собственную методику расчета по каждому региону общего коэффициента достижения рациональной нормы потребления (можно было бы упрекнуть авторов в слишком абстрактно-обобщенном подходе, но он обоснован задачей межрегиональных сравнений).

Авторы переходят от сугубо экономических категорий (низкий/высокий уровень потребления, структура расходов домохозяйств и пр.) к социологическим, традиционно рассматривая высокую долю расходов домохозяйств на питание и низкий уровень достижения рекомендованных норм питания как источники социальной нестабильности. Здесь авторы критикуют принятую сегодня систему мониторинга продовольственной безопасности уже не за слишком абстрактно-обобщенный характер, а, наоборот, за излишнюю детализацию параметров: «всю сумму доходов/заработной платы или пенсий делят на цену отдельных продуктов, т.е. все переводят в килограмм чая байхового, потом вермишели, потом все в килограмм капусты и т.п. ...по 24 продуктам по разным видам доходов», и предлагают «перейти от отдельных продуктов к наборам продуктов — фактически сложившимся или по рекомендуемым нормам» (с. 42), что, безусловно, оправданно и целесообразно, судя по предложенной в книге методике расчета покупательной способности домохозяйств.

По итогам проделанной работы в четвертом разделе авторы перечисляют основные риски продовольственной безопасности России, в качестве которых выступают:

1) экономическая недоступность полноценного питания для больших групп людей, особенно когда они составляют значительную часть густонаселенного региона — подобная необеспеченность неизбежно порождает социальные конфликты (пусть тлеющего типа, но от того не менее опасные, чем открытые противостояния);

2) в институциональной аграрной структуре это чрезмерная концентрация производства, вследствие чего, с одной стороны, сельское население вынуждено сворачивать подсобные хозяйства и приобретать основную часть пропитания в магазинах; с другой стороны, увеличиваются риски продовольственной безопасности в случае банкротства местных агропромышленных монополистов;

3) дискриминация малых форм хозяйствования — монополизация производства крупными компаниями усиливает их лоббистские возможности для получения доступа к государственным программам поддержки, которой лишены мелкие хозяйства;

4) подконтрольность отечественного производства иностранным юридическим и физическим лицам вследствие того, что в Доктрине не расшифрован термин «отечественное производство» (приведены весьма удручающие, особенно в свете озвучиваемых государством приоритетов независимого экономического развития, показатели контроля зарубежными компаниями крупнейших российских сельскохозяйственных активов);

5) несовершенство земельной политики, обусловленное и незавершенностью постсоветской земельной реформы (где-то приватизация не была проведена, где-то сложилось искаженное распределение земель и объемов производства между основными группами сельхозпроизводителей, где-то земельный оборот криминализирован), и неразграниченностью собственности на государственные земли (сохраняются ничейные территории), и формированием латифундий, и переходом крупных землевладений под контроль иностранных лиц, и отсутствием единой системы управления земельным фондом страны, функции которой распылены между разными министерствами и ведомствам, в результате чего «нарушена координация соблюдения общественных интересов в отношении сельскохозяйственных земель, действуют ведомственные интересы... вносится путаница на формирующийся земельный рынок... сохраняется высокий уровень транзакционных издержек на защиту прав собственности и сделки с землей» (с. 60) и т.д.

Последней группе рисков уделено особое внимание и по объективным причинам — земельный вопрос все еще остро стоит в России, особенно применительно к землям сельхозназначения, и по субъективным — Н.И. Шагайда является признанным экспертом в вопросах оборота сельскохозяйственных земель с точки зрения трансформации его институтов и практик, институциональных ловушек и транзакционных издержек [4].

В конце книги сформулированы выводы и рекомендации, которые неплохо «считываются» в предыдущих разделах, но, несомненно, требовали подобного структурированного изложения. Как и к любой другой работе, презентирующей свои результаты в риторике долженствования — «необходимо создать методику мониторинга...», «целесообразно сократить число показателей мониторинга...», «целесообразно адаптировать российский перечень с показателями...», «целесообразно внести в систему мониторинга показатель общего уровня продовольственной независимости» и т.п. — к книге можно предъявить типичную претензию, что авторы говорят очевидные вещи без выхода на конкретные действия. Отчасти это так (в этом состоит специфика научных работ, в отличие от бойкой публицистики и нормативных документов), однако авторы по каждому пункту своих рекомендаций приводят грамотные обоснования и вносят конкретные предложения (например, формулу расчета показателя общего уровня продовольственной независимости страны), сохраняя научную выдержку даже там, где описание негативных тенденций могло породить алармистские восклицания, а позитивных — бравурно-идеологизированные восторги.

В целом, несмотря на небольшой объем, книга будет интересна широкому спектру читателей, в том числе социологам, по ряду причин.

Во-первых, даже самого неподготовленного читателя привлечет необычный макровзгляд — как государство пытается отслеживать и регулировать, что именно, какого качества и в каком количестве оказывается на нашей тарелке (и насколько наш рацион, судя по представленным в книге табулированным данным, можно назвать типичным для среднестатистического российского едока).

Во-вторых, обозначенные в книге применительно к макроэкономическому анализу продовольственной безопасности проблемы на самом деле имеют междисциплинарный характер и знакомы любому социологу: слишком абстрактно-отстраненные от повседневных реалий управленческий дискурс и предлагаемые «сверху» критерии оценки народного благополучия; рассогласованность разных подходов к моделированию и методическому обеспечению диагностики и прогнозирования социальных и экономических явлений (здесь, кстати, несколько смущает приверженность авторов понятиям «хуже—лучше», слишком сложно коннотированным, а потому не всегда понятным читателю, скажем, когда речь идет о «худшей структуре питания» в селе — с точки зрения кого именно?); существующая система сбора статистической информации не позволяет своевременно и объективно оценивать многие важные процессы (например, гиперконцентрацию производства в форме агрохолдингов) и др.

В-третьих, несмотря на критику нынешней ситуации и пессимистические оценки состояния беднейших российских домохозяйств, авторы выдерживают достойную для подражания безоценочность, в том числе за счет абсолютно неидеологизированного повествования и включения в книгу массы диаграмм и таблиц, по которым читатель может сделать и собственные выводы.

Безусловно, критически настроенный читатель может предъявить к книге претензии концептуального свойства в связи с отсутствием в ней анализа разных трактовок продовольственной безопасности или микроаналитической перспективы, учитывающей обыденные практики населения в сфере продовольственного потребления и поведения, однако будет неправ — авторы четко и однозначно представляют свой труд как научный доклад по макроэкономическому измерению продовольственной безопасности и прописывают все необходимые его компоненты с эмпирическими иллюстрациями.

И.В. Троцук

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] *Барсукова С.* Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // Мир России. 2003. № 2.

[2] *Виссер О., Мамонова Н., Спур М., Никулин А.* «Тихий продовольственный суверенитет» среди громкой продовольственной безопасности // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2015. Вып. 10. М., 2015.

[3] *Скотт Дж.* Моральная экономика деревни // Неформальная экономика: Россия и мир. М., 1999.

[4] *Шагайда Н.И.* Оборот сельскохозяйственных земель в России: трансформация институтов и практика. М., 2010.

[5] *Duncan J., Barling D.* Renewal through participation in global food security governance: Implementing the international food security and nutrition civil society mechanism to the Committee on world food security. International Journal of Sociology of Agriculture and Food. 2012. Vol. 19. No 2.
[6] *Lawrence G., McMichael P.* The question of food security. International Journal of Sociology of Agriculture and Food. 2012. Vol. 19. No 2.
[7] *Maxwell S.* Food security: A post-modern perspective // Food Policy. 1996. Vol. 21. No 2.
[8] *McMichael P., Schneider M.* Food security politics and the millennium development goals // Third World Quarterly. 2011. Vol. 32. No. 1.
[9] *Patel R.* The Value of Nothing: How to Reshape Market Society and Redefine Democracy. N.Y., 2009.
[10] Price volatility in food and agricultural markets: Policy responses. Paris, 2011.
[11] *Ries N.* Potato ontology. Surviving post-socialism in Russia // Cultural Anthropology. 2009. No 24.

REFERENCES

[1] *Barsukova S.* Setevaja vzaimopomoshh' rossijskih domohozjajstv: teorija i praktika ekonomiki dara [Russian households' networks of mutual support: Theory and practice of gift economy]. Mir Rossii. 2003. No 2.
[2] *Visser O., Mamonova N., Spoor M., Nikulin A.* «Tihij prodovol'stvennyj suverenitet» sredi gromkoj prodovol'stvennoj bezopasnosti ["Quiet food sovereignty" within loud food security]. Krest'janovedenie: Teorija. Istorija. Sovremennost'. Uchenye zapiski. 2015. Vyp. 10. M., 2015.
[3] *Scott J.* Moral'naja ekonomika derevni [Rural moral economy]. Neformal'naja ekonomika: Rossija i mir. M., 1999.
[4] *Shagajda N.I.* Oborot sel'skohozjajstvennyh zemel' v Rossii: transformacija institutov i praktika [Agricultural Lands Turnover in Russia: Transformation of Institutions and Practices]. M., 2010.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ»: ОЖИДАНИЯ И ОПАСЕНИЯ (по итогам рождественских образовательных чтений в РУДН)*

Ж.В. Пузанова, М.А. Симонова**
Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

В статье представлен обзор ключевой проблематики III Международной конференции «Духовно-нравственная культура в высшей школе», посвященной вопросам обсуждения плана мероприятий реализации Стратегии развития воспитания в Российской Федерации до 2025 г. Описаны идеи докладов основных спикеров конференции, а также приведены результаты экспресс-опроса участников конференции, целью которого было выявление ожиданий участников конференции. Главный лейтмотив всех выступающих — высшая школа несет большую ответственность в подготовке новых поколений специалистов: высоконравственных и ответственных за судьбу своей страны и своей малой Родины. Молодые граждане России, ориентированные на активную плодотворную деятельность формируются благодаря совместным усилиям государства, церкви и общества. Чрезвычайно важным является координация усилий церкви и государства в сфере поддержки и охраны семьи, противодействия экстремизму, воспитания нравственности. Рождественские чтения — это хорошая традиция, которая началась несколько лет назад и которая продолжает собирать вместе заинтересованных людей для решения самых острых проблем воспитания. В ходе работы круглых столов были обсуждены вопросы воспитания молодежи и его влияния на национальную безопасность страны, взаимосвязи духовных ценностей и здоровья нации, педагогических аспектов духовно-нравственного воспитания молодежи, влияния на общество массовой культуры, студенческих добровольческих движений, духовно-нравственных критериев науке.

Ключевые слова: духовное развитие; нравственное воспитание; высшая школа; нравственность; мораль; молодежь; религия

> Важнейшее из человеческих усилий — стремление к нравственности. От него зависят наша внутренняя устойчивость и само наше существование. Только нравственность в наших поступках придает красоту и достоинство нашей жизни. Сделать ее живой силой и помочь ясно осознать ее значение — главная задача образования.
>
> *А. Эйнштейн*

* Статья подготовлена в рамках выполнения НИР по госзаданию 28.126.2016/НМ «Исследование современных приемов и методов в формировании основ духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания в образовательных организациях высшего образования».

** © Ж.В. Пузанова, М.А. Симонова, 2016.

Не секрет, что молодежь — та социальная группа, от которой во многом зависит будущее и безопасность страны, сохранность национальных интересов и «здоровье» нации. Именно поэтому вопросы духовно-нравственного воспитания всегда в фокусе и ученых, и представителей церкви, и политиков. Высшая школа — как агент вторичной социализации, безусловно, обладает огромным резервом средств и ресурсов для того, чтобы недирективно оказывать позитивное влияние на формирование личности молодого человека.

Именно эти идеи стали лейтмотивом конференции, которая состоялось 23 января 2016 г. в рамках XXIV Международных Рождественских образовательных чтений «Традиция и новации: культура, общество, личность». III Международная научно-практическая конференция «Духовно-нравственная культура в высшей школе» в очередной раз проходила в Российском университете дружбы народов и открывала направление чтений «Духовное образование в Русской Православной Церкви». Организаторами конференции выступили: Российский университет дружбы народов (РУДН), Учебный Комитет Русской Православной Церкви, Межрегиональная общественная организация «Совет ректоров медицинских и фармацевтических вузов России», Фонд сохранения духовно-нравственной культуры «Покров», Межрегиональная просветительская общественная организация «Объединение православных ученых».

Сопредседателями оргкомитета Конференции стали члены Организационного Комитета XXIII Международных Рождественских образовательных чтений — архиепископ Верейский Евгений, Председатель Учебного Комитета Русской Православной Церкви, председатель направления «Духовное образование в Русской Православной Церкви» и Владимир Михайлович Филиппов, Ректор Российского университета дружбы народов, академик Российской академии образования.

Цель Конференции реализовалась в обсуждении плана мероприятий реализации Стратегии развития воспитания в Российской Федерации до 2025 г., а именно формирования основных положений целостной концепции духовно-нравственного образования, воспитания и просвещения обучающихся в высшей школе России.

Часто звучат мнения, что высшая школа не должна вмешиваться в вопросы духовно-нравственного, которые включают и религиозный аспект, и эти предубеждения данная конференция уверенно опровергает.

Сергей Юрьевич Глазьев — Председатель Совета Научного центра евразийской интеграции, академик, советник Президента Российской Федерации, начиная конференцию, отметил сложность современной экономической и международно-политической ситуации, в связи с чем высшая школа несет большую ответственность в подготовке новых поколений специалистов: высоконравственных и ответственных за судьбу своей страны и своей малой Родины.

Вячеслав Алексеевич Никонов — Председатель Комитета Государственной Думы Российской Федерации по образованию сказал, что «христианство во многом создало культуру, которой мы живем и по сей день. Мы — законные наследники этого богатства». Миссия педагога, по мнению В.А. Никонова, заключается в «воспитании подрастающего поколения в духе любви к вечным и неизменным

ценностям — совести, правде, добру, истине, составляющих основу и христианской морали». Благодаря совместным усилиям государства, церкви и общества формируются молодые граждане России, которые должны быть ориентированы на активную плодотворную деятельность. В выступлении было неоднократно подчеркнуто, что «воспитание гармонии общественных и личных отношений, воспитание человека, одухотворенного идеалами добра, способного противостоять разрушительным идеям — насущная задача времени».

В.М. Филиппов, Ректор РУДН, председатель рабочей группы по разработке Стратегии развития воспитания в РФ о разработке плана мероприятий по реализации Стратегии, выступая на пленарном заседании отметил: «Рождественские чтения — это добрая традиция, которая началась несколько лет назад и которая продолжает собирать нас вместе для решения самых острых проблем воспитания. В РУДН ежегодно учатся студенты из 145—150 стран, мы ежегодно занимаем высокие позиции в международных рейтингах, но мы осознаем, что цифры — это не самое главное. В Университете дружбы народов огромное внимание уделяется воспитанию. Мы готовим мировую элиту, частью которой может стать только человек высокоморальный. И это нас обязывает создавать благоприятные условия для воспитания гармоничной личности. Я уверен, что вскоре нашими совместными усилиями мы успешно решим многие актуальные проблемы в воспитании молодежи...» [2].

Архиепископ Верейский Евгений, председатель Учебного Комитета Русской Православной Церкви, ректор МДА, выступил с докладом «Русские афонские подвижники как нравственный идеал» и сообщил, что 2016 г. посвящен русским подвижникам на Афоне. Заметим, что в 2015 г. доклад Архиепископа был посвящен вопросам духовно-нравственного воспитания молодежи на примере МДА.

О цивилизационном подходе к стратегии образования в современной России, который заключается в учете конфессионально-цивилизационной специфики России и ее регионов, рассказал В.Н. Расторгуев, доктор философских наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.

О духовных практиках в вузе рассказал протоиерей Геннадий Заридзе — председатель Межрегиональной просветительской общественной организации «Объединение православных ученых». Следует отметить, что объединение православных ученых провозглашает следующие цели своей деятельности [3. С. 21]: приобщение интеллигенции к морально-нравственным и православным духовным ценностям, патриотизму; привнесение православных ценностей в российскую науку и образование; содействие развитию научной и просветительской деятельности и просвещению населения регионов России и мира в области научных достижений современной цивилизации в свете православного мировоззрения. Все эти цели рефреном отразились в докладе протоиерея Геннадия Заридзе.

Алексей Львович Семёнов, ректор МПГУ, д. ф-м наук, профессор, академик РАО, постоянный участник конференции, сделал доклад о развитии духовно-нравственного потенциала будущих учителей в условиях педагогического вуза.

Живой интерес вызвал доклад Игумена Киприана (Ященко) — ректора Института экспертизы образовательных программ и государственно-конфессиональ-

ных отношений, к.п.н., доцента МДА об особенностях духовно-нравственного становления студенческой молодежи России. Его доклад является логическим продолжением доклада, который он презентовал в прошлом году «Перспективы реализации комплексной целевой программы „Духовно-нравственная культура подрастающего поколения России“» [1], где были обозначены основные направления стратегии программы: обеспечение гражданам России доступности культурных и образовательных ценностей с помощью государственной, церковной и благотворительной поддержки; создание оптимальных условий для развития производства и проката произведений отечественной кинематографии, в том числе для детей и юношества, в русле отечественных традиционных ценностей; подготовка кадров в области духовно-нравственного воспитания, образования, культурологии.

Подчеркнул роль семьи в глобализирующемся мире Аслан Хусейнович Абашидзе — заведующий кафедрой международного права РУДН, Вице-председатель Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, Председатель Комиссии международного права Российской Ассоциации содействия ООН, Член экспертного совета по праву Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, доктор юридических наук, профессор. Безусловно, сложно недооценить роль семьи в воспитании современного поколения, ведь именно она является агентом первичной социализации, в то время как вуз — только вторичной. Так, А.Х. Абашидзе полагает, что в условиях роста внешних деструктивных факторов в современное время следует использовать все доступные возможности по защите нравственно-моральных устоев. В этом отношении чрезвычайно важным является координация усилий церкви и государства в сфере поддержки и охраны семей.

О том, как видит духовно-нравственное образование Святейший Патриарх Кирилл (по материалам трудов Святейшего), сделал доклад Евгений Семенович Полищук — заместитель главного редактора Издательства Московской Патриархии Русской Православной Церкви.

С интересным сообщением о роли патриотического воспитания выступил Ю.А. Дашкин, генерал-майор, начальник кафедры Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ.

Жанна Васильевна Пузанова — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, зав. социологической лабораторией РУДН, выступила с докладом «Российская молодежь в контексте борьбы с проявлениями экстремизма: социологическое измерение». В ходе доклада Ж.В. Пузанова познакомила слушателей с результатами исследования «Социологический портрет молодежи в контексте борьбы с проявлениями экстремизма», в ходе которого было опрошено 382 московских школьника и 542 студента. Было отмечено, что 2014 г. можно считать годом нового вызова, который может оказать влияние на обострение экстремистских настроений в молодежной среде, в то время как факторы, влияющие на нее, таковы: негативные тенденции в социально-экономической сфере, новые политические оценки международного положения российского государства, корректировки ценностных приоритетов. По опросу московских школьников и сту-

дентов, 60,6% студентов и 54% школьников убеждены, что данная проблема актуальна. Для 17% она утратила свою актуальность. Но почти каждый третий школьник и каждый четвертый студент затруднились ответить [4].

На самом деле яркий тезис доклада «Разумеется, не каждый экстремист станет террористом, но нет сомнения в том, что каждый террорист в своем развитии прошел стадию экстремизма» не вызывает ни у кого сомнения. Продолжая речь, Ж.В. Пузанова сообщила, что «проведенные за последние годы научные исследования показали, что в причинном комплексе терроризма все более заметную роль играют идеология экстремистского толка и ее распространение среди различных слоев населения. Это очевидно, так как терроризм имеет социально-политическую природу и возникает только там, где проявляются острые противоречия социально-политического характера».

В ходе конференции была организована работа **семи круглых столов**.

Так, на круглом столе ***«Стратегия развития воспитания в контексте национальной безопасности страны»***, работу которого организовали И.П. Рязанцев, В.Н. Малыш, Е.В. Сафронова, Н.П. Нарбут, обсуждались вопросы формирования нравственных ориентиров студентов как основы культурного и духовного кода нации; «Информационная безопасность личности и духовно-нравственное воспитание», «Восстановление традиций в образовании как залог национальной безопасности страны»; «Воспитание культуры межконфессиональных отношений как составляющая подготовки будущих врачей» и др.

Круглым столом ***«Духовно-нравственные критерии в исследовательской и аналитической деятельности»*** руководили протоиерей Геннадий Заридзе, В.Н. Расторгуев, Ж.В. Пузанова и М.А. Хованская. В процессе его работы остро обсуждались вопросы духовно-нравственной ответственности ученого в целеполагании научной деятельности, «Способы сбора и распространения информации о положительном опыте сочетания духовно-нравственных основ и профессионализма, организации способов передачи положительного опыта», «Методология работы православного ученого — преподавателя: внешние и внутренние вызовы и пути их преодоления» и др.

Руководители третьего круглого стола В.И. Попов, Иеромонах Моисей (Дроздов), Н.А. Григорьева отмечали, что тема ***«Духовно-нравственные ценности и здоровьесбережение нации»*** вызывала интерес у всех участников. Особенный интерес был к докладам «Монастырские традиции оздоровления как основа духовно-нравственной культуры здоровья нации» (Иеромонах Моисей (Дроздов)), «Ценностно-смысловое самоуправление — средство развития здоровья нации» (А.В. Курбатов), «Духовно-нравственная культура врача и демографическая политика» (И.В. Силуянова) и др.

Четвертый круглый стол был посвящен обсуждению ***«Педагогических технологий духовно-нравственного воспитания в ВУЗе»***. Руководители данного направления: игумен Киприан (Ященко), П.А. Гагаев, А.П. Вихрян, Л.И. Губернаторова.

В ходе работы пятого круглого стола ***«Студенческое добровольческое движение как духовно-нравственная составляющая обучения в ВУЗе»*** были пред-

ставлены лучшие практики волонтерской работы студентов. Так, руководители М.А. Симонова, иеромонах Кассиан, Е.В. Кряжева-Карцева отмечают, что сообщения «Студенческое добровольчество на Ставрополье и на Северном Кавказе» (Митрофаненко В. В), «Соработничество Центра добровольчества „Млечный путь“ Воронежского государственного медицинского университета имени Н.Н. Бурденко с отделом по церковной благотворительности и социальному служению Воронежской епархии» (Истратова Ксения), «Общественное сиротство: не проходите мимо! (опыт волонтеров ВГМУ им. Н.Н. Бурденко в помощи бездомным)» (Перфильева Мария) и др. заслуживают отдельного внимания и могут быть рекомендованы для более широкого освещения.

Работа круглого стола ***«Массовая культура как инструмент формирования мировоззрения современной молодежи»*** прошел при участии С.Г. Проскурина, иерея Павла Лизгунова, А.В. Шабаги и М.А. Яковлева. На секции обсуждались выступления «„Подводные камни“ современной молодежной культуры» (иерей Игорь Шацкий), «Музыкальное просвещение современной молодежи в России» (С.Г. Проскурин), «Духовность как фактор культуры личности» (Г.А. Зверева) и др.

Еще один круглый стол был организован кафедрой международного права РУДН — ***«Духовно-нравственное воспитание в процессе подготовки юристов»*** (руководители: А.Х. Абашидзе, А.М. Солнцев, Н.С. Семенова). В работе данной секции обсуждались актуальные вопросы, такие как «Право и нравственность», «Духовно-нравственное и профессиональное значение для юриста византийских корней России», «Духовно-нравственное воспитание в вузе через методику преподавания на примере спецкурса „Международное право прав человека“», «Антикоррупционное воспитание юристов» и др.

Участники Конференции «Духовно-нравственная культура в высшей школе», обсудив доклады участников, представителей государственных структур, высших учебных заведений и общественных организаций, пришли к следующему выводу: общим делом соработничества для научной общественности, российских вузов и Русской Православной Церкви в 2016 г. будет широкомасштабное празднование юбилея и возрождение 1000-летнего духовно-культурного наследия древнерусского монашества на Святой Горе и Русского Афонского Свято-Пантелеймонова монастыря.

Интересны ожидания участников конференции, для выяснения которых был проведен опрос Социологической лабораторией РУДН и НСО «Социологическое бюро». Анкета состояла из 10 коротких вопросов. В итоге были опрошены 143 человека. По результатам опроса была получена следующая информация: более половины участников пришли на конференцию по собственной инициативе, потому что тема духовно-нравственного воспитания очень важна; четверть опрошенных прибыли как делегаты от конкретных организаций, еще 12% участников заинтересовались конференцией, потому что «Рождественские чтения» — масштабное и важное событие, по их мнению; 4% пришли за компанию с кем-то и 1% участников оказались на конференции случайно. 1% участников выбрали категорию «другое», в которой встретились следующие ответы *«организую участие*

своих учеников в конференции», «услышать интересных докладчиков», «ежегодно участвую в чтениях», «по приглашению» (Ответы на закрытый вопрос «*Вы здесь, потому что...*»). Среди участников 62% — слушатели, 28% — выступающие докладчики, 6% — руководители круглых столов/организаторы, 4% — воздержались от ответа (Ответы на закрытый вопрос). 66% пришедших участников — женщины, 34 — мужчины. Возраст участников: 58% — до 30 лет, каждый пятый — 31—40 лет, 14% — 41—50 лет, 4% — старше 60%, 3% — 51—60 лет.

48% пришедших — студенты,36% — преподаватели вузов, 5% — представители РПЦ, 2% — учителя школ, 1% — представители государственных структур, 8% — другие категории, такие как *«руководитель волонтерского центра», «архитектор», «пенсионер, член общественной организации „Родительский комитет“», «аспирант», «ученик школы», «ИП, глава крестьянского, фермерского хозяйства», «писатель, Член Союза писателей Москвы», «прихожанин», «консультант, ИТ», «выпускник».*

Чтобы описать ожидания участников в отношении конференции был задан вопрос, допускающий несколько вариантов ответа «*Каковы Ваши ожидания в отношении конференции?*», так — большинство участников пришли, чтобы получить новую информацию в области вопросов духовно-нравственной культуры (76% ответов), также многие из участников верят, что участие в конференции поможет привнести в свою жизнь больше духовно-нравственных основ (49% ответов), 50% ответов связаны с категорией «Я жду обмена опытом, знаниями с коллегами», 25% ответов — с категорией «Я надеюсь испытать вдохновение после участия в такой конференции», 3% — с категорией «Мне было бы интересно получить дополнительный материал для проведения занятий», 10% — с категорией «Мне хотелось бы поделиться своим мнением с коллегами (выступить)», 2% ответов — ничего из перечисленного, 3% ответов — категория «другое», в которую вошли варианты *«помочь своим ученикам прикоснуться к высокому», «для помощи моей школьной конференции», «надеюсь, получив здесь знания, быть полезна церкви и обществу».*

На вопрос о том, какие из освещаемых вопросов, на Ваш взгляд, требуют большего внимания (закрытый вопрос с возможностью выбора нескольких вариантов ответа) были получены следующие ответы: подавляющее большинство голосов набрала категория «Вопросы воспитания молодежи и его влияния на национальную безопасность страны» (100% ответов), по 53% ответов набрали категории «Вопросы о взаимосвязи духовных ценностей и здоровья нации» и «Вопросы о педагогических аспектах духовно-нравственного воспитания молодежи», 49% ответов — «Вопросы влияния на общество массовой культуры», 28% — «Вопросы о студенческих добровольческих движениях как духовно-нравственной составляющей обучения», 25% — «Вопросы духовно-нравственных критериев науке».

По результатам ответов на данный вопрос становится очевидна беспрецедентная важность воспитания молодежи, которую подчеркивают и участники конференции.

Для того, чтобы сделать выводы о том, какие формы организации лучше подходят для будущих конференций в рамках чтений, был задан вопрос «*Какие фор-*

мы проведения конференции интересны для Вас и стоит более широко применять при организации последующих конференций в рамках Рождественских чтений?», так: треть участников предпочли обсуждения в виде круглых столов и дискуссии, каждый пятый — пленарные доклады, 17% — работу по предметным секциям, по 11—12% — проведение публичных лекций ведущих ученых и представителей РПЦ по актуальным вопросам и организацию онлайн трансляций заседаний (для участников, не имеющих возможности присутствовать), 3% выбрали категорию «другое», куда вошли ответы *«мастер-классы», «личный контакт», «студенческий круглый стол», «обсуждения в виде диалога, беседы, игр с аудиторией», «интерактивные формы, т.к. на секции не удается дискутировать».* Стоит отметить, что пленарные доклады чаще указывали преподаватели, в то время как студенты и представители РПЦ чаще указывали как желаемое «проведение публичных лекций».

Важнейшим вопросом явился вопрос о том, доклад какой тематики наиболее интересен участникам, для этого отдельно были заданы два вопроса: *«Укажите, пожалуйста, спикеров, чье выступление Вам будет особенно интересно услышать?»* и *«Назовите, пожалуйста, три доклада, которые Вы считаете наиболее интересными*». Эти два параметра были изучены и выделен единый список спикеров с докладами, которые вызвали наибольший интерес, а именно (приведены по рейтингу популярности наиболее часто упоминаемые):

— протоиерей Г. Заридзе «Духовные практики в ВУЗе»;

— В.Н. Расторгуев «Цивилизационный подход к стратегии образования в современной России»;

— С.Ю. Глазьев «Приветственное слово», игумен Киприан (Ященко) «Особенности духовно-нравственного становления студенческой молодежи России», архиепископ Евгений Верейский «Русские афонские подвижники как нравственный идеал»;

— А.Х. Абашидзе «Роль семьи в глобализирующемся мире»;

— Е.В. Сафронова «Формирование нравственных ориентиров студентов как основы культурного и духовного кода нации»;

— В.М. Филиппов «О разработке плана мероприятий по реализации стратегии развития воспитания в Российской Федерации»;

— Ж.В. Пузанова «Российская молодежь в контексте борьбы с проявлениями экстремизма: социологическое измерение».

Доклады В.Н. Расторгуева, Е.В. Сафронова более востребован студентами, чем слушателями других категорий. Доклады С.Ю. Глазьева, А.Х. Абашидзе, В.М. Филиппова были ожидаемы представителями гос. структур. Доклад игумена Киприана (Ященко), архиепископа Евгения Верейского более востребован представителями РПЦ. Доклад Пузановой Ж.В. вызвал интерес преподавателей ВУЗов и других категорий участников.

Таким образом, опрос позволил получить ценную информацию по ожиданиям участников и использовать ее для дальнейших чтений, которые, несомненно, состоятся.

В условиях обострения международной обстановки необходима дальнейшая консолидация российского общества. Долгосрочные цели государства и Церкви полностью совпадают прежде всего в плане защиты информационного и образовательного пространства от всех форм идейной и духовной агрессии, целью которой является разрушение лучших традиций многонационального российского общества, размывание ценностей, сохраняющих преемственность поколений и сберегающих цивилизационный код России.

Воспитание молодежи — актуальная проблема любого общества, и воспитание это, начинаясь с семьи, детского сада, продолжается на школьной скамье и закрепляется в высшей школе и профессиональной деятельности.

Молодежь — наиболее подверженная влиянию социальная группа, поэтому задача образовательной системы в целом не только вырастить специалиста, но воспитать личность, выработать у нее правильную «оптику» и мировоззрение. В этом вопросе невозможно игнорировать духовно-нравственные основы, которые, конечно, закладываются в семье. Вместе с тем другие социальные институты, особенно институт образования, который является одним из важнейших агентов социализации, не должны оставаться в стороне, а, наоборот, могут и должны развивать у молодежи такие качества, как патриотизм, принципы дружественности и взаимопомощи, морали, стремление к саморазвитию и активную жизненную позицию.

«Здоровая личность» — это в первую очередь гражданин своего государства, обладающий патриотическими установками и духовно-нравственными ориентирами. Таким образом, увеличение в современном российском обществе доли «здоровых» личностей среди молодежи напрямую влияет на жизнеспособность общества, поэтому воспитание «здоровых» личностей — цель образовательной системы и основа национальной безопасности страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] *Игумен Киприан (Ященко)*. Перспективы реализации комплексной целевой программы «Духовно-нравственная культура подрастающего поколения России» // Духовно-нравственная культура в высшей школе: материалы XXIII Международных образовательных Рождественских чтений. Москва, 23 января 2015 г. М.: РУДН, 2015.

[2] Конференция «Духовно-нравственная культура в высшей школе». URL: http://www.rudn.ru/?pagec=4977.

[3] *Протоирей Геннадий Заридзе*. Объединение православных ученых как платформа реализации концепции преподавания основ духовно-нравственной культуры в высшей школе // Духовно-нравственная культура в высшей школе: материалы XXIII Международных образовательных Рождественских чтений. М.: РУДН, 2015.

[4] *Пузанова Ж.В.* Социологический портрет российской молодежи в контексте борьбы с проявлениями экстремизма // Актуальные проблемы антиэкстремистского и антитеррористического воспитания молодежи: материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: РУДН, 2015.

"SPIRITUAL AND MORAL CULTURE IN THE HIGHER EDUCATION": EXPECTATIONS AND FEARS (the results of 'Christmas Educational Readings' in PFUR)

Zh.V. Puzanova, M.A. Simonova

Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia

The article provides an overview of the key issues of the III International Conference "Spiritual and Moral Culture in the Higher Education" devoted to the discussion of the action plan to implement the National Strategy of Education Development until 2025. The authors consider the basic ideas of the key conference speakers' presentations and present the results of the express-poll among the conference participants conducted to identify their expectations. The main leitmotif of all speakers' presentations was as follows: the higher school is responsible for training the new generations of professionals — with high moral standards and responsibility for the fate of the country and one's homeland. Young Russian citizens focused on fruitful activity can be raised only by joint efforts of the state, the church and society. It is extremely important to coordinate the efforts of the church and the state in the support and protection of the family, in combating extremism, and in forming high moral standards. 'Christmas Readings' is a good tradition established several years ago, which continues to bring together people interested in solving the most urgent problems in the educational sphere. The participants of the round tables discussed the issues of youth education and its impact on the country's national security, the relationships of spiritual values and nation's health, pedagogical aspects of spiritual and moral education of the youth, the impact of mass culture on the society, the student volunteer movement, spiritual and moral criteria of science.

Key words: spiritual development; moral education; the higher school; morality; the youth; religion

REFERENCES

[1] *Igumen Kiprian (Jashhenko)*. Perspektivy realizacii kompleksnoj celevoj programmy «Duhovno-nravstvennaja kul'tura podrastajushhego pokolenija Rossii [Prospects for the implementation of the complex target program "Spiritual and moral culture of the younger generation of Russia"]. Duhovno-nravstvennaja kul'tura v vysshej shkole: materialy XXIII Mezhdunarodnyh obrazovatel'nyh Rozhdestvenskih chtenij. M.: RUDN, 2015.

[2] Konferencija «Duhovno-nravstvennaja kul'tura v vysshej shkole» [Spiritual and Moral Culture in Higher Education]. URL: http://www.rudn.ru/?pagec=4977.

[3] *Protoirej Gennadij Zaridze*. Ob'edinenie pravoslavnyh uchenyh kak platforma realizacii koncepcii prepodavanija osnov duhovno-nravstvennoj kul'tury v vysshej shkole [Association of the orthodox scholars as a platform for the implementation of the conception of teaching the basics of spiritual and moral culture in higher education]. Duhovno-nravstvennaja kul'tura v vysshej shkole: materialy XXIII Mezhdunarodnyh obrazovatel'nyh Rozhdestvenskih chtenij. M.: RUDN, 2015.

[4] *Puzanova Zh.V.* Sociologicheskij portret rossijskoj molodezhi v kontekste bor'by s projavlenijami jekstremizma [Sociological portrait of the Russian youth within the fight against extremism]. Aktual'nye problemy antijekstremistskogo i antiterroristicheskogo vospitanija molodezhi: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. M.: RUDN, 2015.

НАШИ АВТОРЫ

Абрамов Роман Николаевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры анализа социальных институтов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: socioportal@yandex.ru).

Гаспаришвили Александр Тенгизович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологии Российской академии наук (e-mail: Gasparishvili@gmail.com).

Гребнева Валерия Евгеньевна — аспирантка кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: v.grebneva@inbox.ru).

Дудник Александр Сергеевич — аспирант кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: asdudnik@mail.ru).

Захарьян Дарья Александровна — аспирантка кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: daria.m@bk.ru).

Киричек Петр Николаевич — доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Международного университета природы, общества и человека «Дубна» (e-mail: kpn54@yandex.ru).

Киселев Александр Георгиевич — доктор социологических наук, главный редактор информационного бюллетеня «Президентский контроль» Администрации Президента Российской Федерации (e-mail: alexandr.profession@yandex.ru).

Козлов Иван Иванович — заместитель декана факультета социальных наук Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, аспирант Института социологии Российской академии наук (e-mail: ivan_kozlov79@mail.ru).

Куропятник Александр Иванович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: alkuropjatnik@mail.ru).

Липасова Александра Николаевна — аспирантка кафедры анализа социальных институтов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: lipasova@mail.ru).

Мудров Сергей Александрович — кандидат социологических наук, научный сотрудник Института последипломного образования Новоевропейского колледжа (Бухарест, Румыния) (e-mail: mudrov@tut.by).

Неверов Александр Викторович — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: neverov_av@pfur.ru).

Оносов Александр Аркадьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: o_shura@mail.ru).

Парамонова Алла Дмитриевна — студентка магистратуры кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: allenok93@rambler.ru).

Пахарь Анна Михайловна — аспирантка Института социологии Российской академии наук (e-mail: apahar@bk.ru).

Петрова Александра Анатольевна — научный сотрудник информационно-аналитического центра факультета социальных наук Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Подвойский Денис Глебович — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН (e-mail: dpodvoiski@yandex.ru).

Подлесная Мария Александровна — кандидат социологических наук, заместитель директора информационно-аналитического центра факультета социальных наук Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, научный сотрудник сектора изучения социо-культурного развития регионов России Института социологии Российской академии наук (e-mail: yamap@yandex.ru).

Пузанова Жанна Васильевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая Социологической лабораторией Российского университета дружбы народов (e-mail: pouzanova@rambler.ru).

Рубан Лариса Семеновна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии Российской академии наук, руководитель международного проекта «Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком») (e-mail: lruban@yandex.ru).

Рязанцев Игорь Павлович — доктор экономических наук, декан факультета социальных наук Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (e-mail: sociology-pstgu@yandex.ru).

Симонова Мария Александровна — доктор исторических наук, директор Учебно-научного института сравнительной образовательной политики Российского университета дружбы народов (e-mail: simona23@bk.ru).

Слизовский Дмитрий Егорович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (e-mail: de373@mail.ru).

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации (email: irina_trotsuk@rambler.ru).

Туракаев Марсель Салаватович — аспирант кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: mturakaev@gmail.com).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ» ПРИГЛАШАЕТ К СОТРУДНИЧЕСТВУ АВТОРОВ*

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 24 до 40 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 12 до 20 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25 см, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 126]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. Все **таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. Пронумерованный **список библиографии** не должен превышать 1 страницы и приводится **в конце статьи**. Список библиографических источников дается в алфавитном порядке: в статьях на русском языке указываются сначала источники на русском языке, далее — на иностранном; в статьях на английском языке указываются сначала источники на иностранных языках, далее — на русском с транслитерацией средствами латинского алфавита (ГОСТ 7.79-2000). Библиографические описания оформляются в соответствии со следующим образцом:

   [1] Национальная доктрина образования в Российской Федерации // Вестник МАН ВШ. 2000. № 3.

* Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

[2] *Фадеев В.Н.* Моделирование устойчивого развития предприятия. Харьков, 2001.
[3] *Арутюнов С., Козлов С.* Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс. URL: http://www.ng.ru/science/2005-11-23/14_diaspory.html.

После библиографического списка должна быть приведена транслитерированная версия русскоязычных изданий с корректными переводами названий библиографических источников на английский язык в квадратных скобках.

5. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. К статье прилагается ее **электронная версия на диске.** Статья может быть принята **по электронной почте (**socjournalrudn@pfur. ru**) только при наличии** перечисленных ниже обязательных для приложения к статье материалов.

   К статье обязательно прилагаются:

   - **аннотация** (резюме) объемом 250—300 слов на русском и английском языках;
   - **список 8—10 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
   - **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес.

Решение о публикации выносится в течение шести месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редакция не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации представленных ими статей.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений. **Категорически не допустимы** фальсификация, манипуляция и «изобретение» данных, а также любые некорректные заимствования (плагиат) — от присвоения авторства чужой статьи до использования материалов исследований, проведенных другими авторами, без корректных ссылок на источники заимствований.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения, редколлегии и редакции.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в Интернете: www.vestnik.rudn.ru.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

SCIENTIFIC JOURNAL «BULLETIN OF PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA. "SOCIOLOGY" SERIES» INVITES AUTHORS

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, on the results of sociological and interdisciplinary research on a wide range of social issues in Russian and English, and reviews.

The Editorial Board accepts for reviewing only articles that fulfill all the following requirements:

1. The size of the manuscript — 24—40 thousand characters (including spaces) for articles and 12—20 thousand characters for reviews. Page format — A4, font — Times New Roman, font size — 12, line spacing — 1.5, with no page numbering; indent of the paragraph first line — 1.25, the fields of the page — 30 mm left, 20 mm right, top and bottom. References are given in the text in square brackets with the first number indicating the publication number in the bibliography, and the second number standing after the capital letter 'P' — the page number in the publication (e.g., [1. P. 126]; if there are several references — [1. P. 126; 4. P. 43]). Notes are given in brackets, e.g., (1).
2. All tables, graphs, pictures and other illustrations should be embedded in the text, numbered and titled. Tables should have a title placed above them, pictures — captions under them. If there is more than one table/picture in the article, they should be numbered.
3. Formulas should be marked, explained and provided with references.
4. The numbered bibliography should not exceed one page and should be placed at the end of the article. The publications should be mentioned in alphabetical order: in the articles in Russian, the Russian references are mentioned first; in the articles in English — publications in foreign languages, then in Russian with the transliteration according to the GOST 7.79-2000. Bibliographic descriptions should conform to the following model:

   [1] Национальная доктрина образования в Российской Федерации // Вестник МАН ВШ. 2000. №3.

   [2] *Фадеев В.Н.* Моделирование устойчивого развития предприятия. Харьков, 2001.

   [3] *Арутюнов С., Козлов С.* Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс // URL: http://www.ng.ru/science/2005-11-23/14_diaspory.html.

   After the bibliography, there should be a transliterated version of the Russian publications with the correct English translation of the titles in brackets.
5. Articles should be printed on one side of the sheet. The author should also provide an electronic version of the article on the disk or via e-mail (socjournalrudn@pfur.ru) with the following mandatory materials attached:
   - ♦ abstract (summary) of 250-300 words both in Russian and English;
   - ♦ a list of 8—10 key words separated by a semicolon both in Russian and English;

- author information both in Russian and English: full name, place of work, position, academic degree, contacts — business address, including zip code, telephone number (office, mobile), e-mail address.

The Editorial Board makes a decision within six months from the date of the manuscript registration. If the manuscript was not accepted, the Editorial Board does not return it to the author. The Editorial Board does not explain to authors the grounds for refusal to publish the article.

The authors are responsible for the choice and accuracy of the facts, quotations, statistical and sociological data, names, geographical names and other information mentioned in the articles.

The published articles may not reflect the point of view of the Editorial Board.

If the author submits the manuscript, he undertakes not to publish it in whole or in part in any other journal without the permission of the Editorial Board.

Full-text issues and summaries of the articles can be found on the website: www.vestnik.rudn.ru.

In all reprints, the reference to the journal is obligatory.

Научный журнал

ВЕСТНИК
Российского университета дружбы народов

Серия:
СОЦИОЛОГИЯ

Август 2016, том 16, № 3

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов» (ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198)

Редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Адрес редакционной коллегии серии «Социология»:
ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, Москва, Россия, 117198
Тел.: (495) 433-20-22
e-mail: socjournalrudn@pfur.ru

Подписано в печать 05.08.2016. Выход в свет 19.08.2016. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 26,97. Тираж 500 экз. Заказ № 829

Цена свободная.

Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
тел. (495) 952-04-41

Scientific journal

BULLETIN
of Peoples' Friendship University of Russia

Series:
SOCIOLOGY

August 2016, Vol. 16, N 3

Editor *K.V. Zenkin*
Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the editorial board:
Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Address of the editorial board
Series «Sociology»:
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 433-20-22
e-mail: socjournalrudn@pfur.ru

Printing run 500 copies

Open price.

Address of PFUR publishing house
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 952-04-41

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал **20826**

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Социология»

Количество комплектов:

на 2017 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал **20826**

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Социология»

Стои-мость	подписки	_____ руб. ___ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ___ коп.		

на 2017 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Количество комплектов:

на 2017 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия

Стои-мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2017 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК